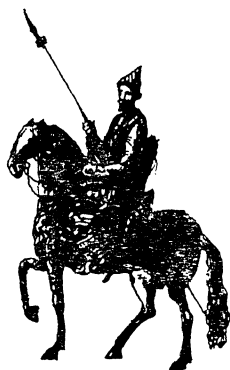

1-1-7/22-X
АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ УЙГУРОВЕДЕНИЯ

В.А. МОИСЕЕВ

**ДЖУНГАРСКОЕ
ХАНСТВО
И КАЗАХИ
XVII-XVIII ВВ.**

АЛМА-АТА

«ГЫЛЫМ»

1991

Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи (XVII—XVIII вв.). — Алма-Ата: Гылым, 1991. — 238 с.

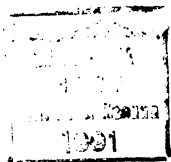
В книге исследуются взаимоотношения Казахстана и Джунгарского ханства в XVII—XVIII вв. Анализируются причины вторжений ойратских феодалов в Казахстан, рассматриваются ход военных действий между казахскими ополчениями и джунгарской армией, результаты борьбы и их влияние на политическую обстановку в Центральной и Средней Азии. Прослеживаются основные моменты взаимоотношений Русского государства с Казахстаном и Джунгарией.

Для широкого круга историков, преподавателей, аспирантов.

Ответственный редактор

кандидат исторических наук

К. А. ПИЩУЛИНА

М 0503020905—065 17.91
407(05)—91

ISBN 5—628—00769—2

© Моисеев В. А.,
1991

ПРЕДИСЛОВИЕ

История взаимоотношений казахов с «последней большой кочевой империей в Средней Азии»¹ — Джунгарским ханством — одна из наиболее актуальных проблем международных отношений в Центральной Азии в позднее средневековье. Упорная борьба между ними на протяжении двух столетий оказывала огромное влияние на внутреннее и внешнеполитическое положение Казахского и Джунгарского ханств, на положение других племенных и государственных образований Средней и Центральной Азии, воздействовала на политику Цинской и Российской империй. Как в советской, так и в дореволюционной историографии, в том числе и в казахстанской ее ветви, до сих пор практически нет специальных исследований по этой проблеме². Без глубокого исследования взаимоотношений этих кочевых социумов невозможно реконструировать не только историю их внешнеполитических связей, место и роль в системе международных отношений в Центральной Азии, но и внутреннюю политику правящих классов в этих государственных образованиях, понять и объяснить многие элементы духовной культуры и т. д.

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы раскрыть ход и характер политических взаимоотноше-

---

¹ Бартольд Б. В. Калмыки // Бартольд В. В. Собр. соч.: В 9 т. М., 1968. Т. 5. С. 539.

² Историографию проблемы см.: Сулейменов Р. Б. Внешнеполитические связи Казахстана XVI—XVIII вв. в советской историографии // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1983. С. 8—34; Моисеев В. А. Некоторые вопросы казахско-джунгарских отношений в советской историографии // Вопросы историографии и источниковедения Казахстана. Алма-Ата, 1988. С. 134—150.

ний между Джунгарским и Казахским ханствами, влияние их взаимоотношений на политику России, Китая, Коканда. В связи с этим основное внимание в исследовании было уделено таким вопросам, как обстоятельства и время установления ранних связей ойратов с народами Казахстана, ход и результаты военных действий, борьба казахского народа против агрессии джунгарских феодалов, политика Русского государства в отношении притязаний ойратов в Казахстане, попытки правящих кругов Джунгарии помешать присоединению Казахстана к России, участие казахских владетелей в межфеодальных войнах в Джунгарии и т. д.

Хронологические рамки исследования определяются временем установления первых контактов ойратов с казахами в середине XVI в. до гибели Джунгарии в 50-е гг. XVIII в. По мере необходимости были сделаны небольшие исторические экскурсы в более ранние периоды истории Монголии и Казахстана.

Базовыми источниками для исследования поставленной проблемы явились документы и материалы центральных и местных архивохранилищ страны. Были изучены десятки фондов, исследовано множество документов и материалов: грамоты и послания русских царей джунгарским и казахским ханам, указы правительства сибирским воеводам по вопросам внешних сношений, послания правителей Джунгарии и Казахстана в Москву и Петербург, отчеты глав дипломатических миссий, записки, разного рода «сказки», дневники, статейные списки, доезды, отписки и т. д., в которых не только прослеживается политика России по отношению к названным государствам, но и содержится важная, порой уникальная информация о политических связях Джунгарии и Казахстана.

О роли и значимости русского архивного материала в деле изучения истории народов Средней Азии и Казахстана в новое время свидетельствует известный востоковед академик В. В. Бартольд, который подчеркивал, что «в действительности ...географические сведения, добытые во время сибирских походов и сношений со среднеазиатскими владетелями, представляли совершенно новый материал не только для русской, но и для мировой географической науки»³. Высокую оценку русским

³ Бартольд В. В. Восток и русская наука // Собр. соч.: В 9 т. М., 1977. Т. 9. С. 543—544.

архивным источникам для изучения истории ойратов дал монголовед В. Л. Котвич⁴.

Помимо архивов были привлечены материалы ряда рукописных фондов Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, Государственной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Рукописного отдела Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, Отдела редких книг и рукописей Центральной научной библиотеки АН КазССР. В работе широко использованы различные документальные сборники, опубликованные в дореволюционной русской печати, а также многочисленные тематические подборки архивных материалов советских ученых.

Существенным подспорьем русским архивным документам явились персо- и тюркоязычные нарративные источники, введенные в научный оборот дореволюционными и советскими востоковедами, в которых имеются сведения по отдельным аспектам взаимоотношений среднеазиатских государств и Казахстана с Джунгарией.

Атмосферу тех далеких времен, характеры отдельных наиболее выдающихся казахских деятелей, мотивы некоторых их поступков можно было понять, обращаясь к собственно казахским источникам, особенно произведениям знаменитых акынов, жырау, жыренши: Жиембета Бортогаш-улы, его современника жырау Маргасха, Татикары, Умбетая Тлеу-улы, Бухар-жырау Қалқаман-улы и др.

Для восстановления отдельных событий внутренней истории Джунгарского ханства, уточнения некоторых фактов из жизни известных монгольских деятелей приходилось обращаться к монгольским и ойратским летописям. Некоторые факты были заимствованы из китайских источников, а также документальных сборников и биографических словарей на английском языке.

Взятые в совокупности, официальные документы и нарративные источники различного языкового происхождения составили основу для исследования проблемы взаимоотношений Джунгарского ханства с Казахстаном и в определенной степени с государственными образованиями Средней Азии.

⁴ Котвич В. Л. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. // ИРАН. Пг., 1919. Т. 13. № 12—18.

Глава первая

РАННИЕ СВЯЗИ ОЙРАТОВ С НАРОДАМИ КАЗАХСТАНА И СРЕДНЕЙ АЗИИ (XV — НАЧАЛО XVII в.)

**Продвижение монголов-ойратов на запад.
Первые контакты с Моголистаном,
государствами Средней Азии и Казахским ханством
в XV — первой половине XVI в.**

Средневековая история монголов, в том числе ойратов, четко делится на два периода: до и после образования империи Чингисхана. Обитавшие в горно-таежных районах Монголии и Сибири отдельные племена ойратов в 1204 г. признали над собой власть Темучина и были включены в состав его владений. Вместо традиционного названия «дербен-ойрат» вошла в употребление формула «дербен-тумен-ойрат», так как ойраты были обязаны выставлять в общемонгольскую армию четыре тумена (40 тысяч) воинов. Общую численность ойратов в начале XIII в. современные калмыцкие ученые определяют в 200 тыс. человек¹.

В империи Чингисхана ойратские князья занимали сравнительно привилегированное положение, составляя со своими подвластными отборную гвардию императора. Ойратская знать была связана с домом Чингисхана династийными браками. После разгрома Чингисханом найманы в 1204—1205 гг. уходят в Дешт-и-кыпчак, а ойраты стали постепенно продвигаться на запад, занимая опустевшие кочевья найманов на Алтае². Преобразования, осуществленные Чингисханом, в частности введение десятиричной системы военно-административного устройства государства, широкие завоевательные походы против соседних стран и народов подорвали

---

¹ Авляев Г. О., Санчиров В. П. К вопросу о происхождении торгоутов в составе средневековых ойратов Джунгарии (К проблеме этногенеза калмыков) // Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1934. С. 44.

² Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 34, 149.

основы родового строя и ускорили процесс феодализации монголов. «...Смешение родов, поколений и племен монгольских при образовании тысяч, этих основных единиц в здании империи Чингисхана, имело очень важные последствия для родового строя, который неминуемо должен был сильно измениться и угаснуть»³.

Возникшие после распада Монгольской империи в XV в. новые этнические подразделения представляли собой уже не родоплеменные объединения, а феодальные княжества с наследственными княжескими династиями⁴. На исторической сцене в Монголии появились торгоуты (турхауты, торгуты), хошоуты (хошуты), дербеты (дэрбэты), чоросы, хойты и другие социально-этнические объединения, сложившиеся в XVI—XVII вв. в ойратскую народность⁵.

Соседним народам ойраты были известны под различными названиями. Так, в китайских исторических сочинениях ойратские племена фигурируют под названием элетов (олотов, элютов), валатэ и т. д.; мусульманские народы уже в XV в., а вслед за ними и русские, называли ойратов калмыками (калмаками). «Для обозначения западных монголов в русской и иностранной литературе употребляются чаще всего три термина: ойраты из монгольских и калмыцких источников, калмыки из мусульманских, которым следуют и старые русские источники, в том числе архивные документы, и элюты (олоты, eleuths) из китайских»⁶. Русский китаевед В. Успенский полагал, что «элют есть искажение имени ойрат»⁷. Вообще по вопросу об этимологии названий западных монголов: ойраты, калмыки, элюты до настоящего времени идут дискуссии на страницах научной печати⁸.

Название «джунгары», «чжунгары», по мнению А. М. Позднеева, произошло от того, что в период завое-

³ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. С. 109.

⁴ Авляев Г. О., Санциров В. П. К вопросу о происхождении торгоутов и хошоутов... С. 47.

⁵ Санциров В. П. «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. С. 12.

⁶ Котвич В. Л. Русские архивные документы по сношениям с ойратами // ИРАН. Пг., 1919. Т. 13. № 12—18. С. 791.

⁷ Успенский В. Страна Кукэ-нор или Цин-хай с прибавлением краткой истории ойратов и монголов // ЗИРГО. 1880. Т. 6. С. 78.

⁸ Номинханов Ц. Д. Происхождение слова «калмык» // Вестник АН КазССР. Алма-Ата, 1958; Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967; Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. М., 1983. С. 19—21.

вательных походов Чингисхана ойраты всегда находились на левом крыле армии, что по-монгольски означает «зюнгар», отсюда и название территории, которую они впоследствии заняли — Джунгария⁹. В русских источниках XVIII в. — Зенгория, Зенгорская (Зюнгорская) земля. Таким образом, термин джунгары приобрел со временем статус этнонима и употребляется в настоящей работе наряду с этнонимом ойраты.

Конец XIV — первая половина XV в. были временем политического господства ойратов в монгольских степях. После изгнания из Китая последнего великого монгольского хана Тогон-Тэмур (1333—1368) в Монголии началась ожесточенная межфеодалная борьба за ханский трон, и «центральная ханская власть утратила всякий авторитет и значение»¹⁰. Монголия фактически распалась на два независимых друг от друга владения: Западную Монголию, где доминировали ойраты, и Восточную, находившуюся под контролем потомков бывших юаньских императоров. В этот период владения ойратских феодалов располагались на территории, простиравшейся от верховий Иртыша и Енисея на севере до границ пустыни Гоби на юге, от Хангайских гор на востоке до Моголистана на западе¹¹.

Период правления у ойратов Тогона (1434—1438), а затем и его сына Эсена (1439—1455) ознаменовался внешнеполитической активностью ойратов, нашедшей свое конкретное выражение в борьбе против восточно-монгольских феодалов, походах против Минского Китая и Моголистана, в создании объединенного монгольского государства с единой центральной властью. «С гибелью Эсена,— писал Н. Я. Бичурин,— закончился первый, хотя краткий, но блистательнейший период чжунгарского ойратства. С падением Эсена ойраты не в силах были поддержать своего влияния на Монголию; они принуждены были отказаться от участия в общих делах целого народа и ограничить круг действий своих пределами собственных владений»¹². Не соглашаясь с подоб-

⁹ Архив востоковедов ЛОИВ АН СССР, ф. 44. А. М. Позднеева, оп. 1, д. 50, л. 1.

¹⁰ *Покотилов Д.* История восточных монголов в период династии Мин. 1368—1634. (по китайским источникам). Спб., 1893. С. 31.

¹¹ *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. С. 27.

¹² *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Спб., 1834. С. 21—22.

ной оценкой Н. Я. Бичурина и других отечественных и зарубежных ученых, И. Я. Златкин совершенно справедливо, на наш взгляд, отмечал, что «в действительности изменилось лишь направление их (ойратов.—В. М.) внешнеполитической активности. Отрезанные от Китая, потерпевшие поражение в борьбе за выходы на Восток ойраты стали весьма активной силой на западе и севере: в Восточном Туркестане, степях Дешт-и-кыпчака и Средней Азии и оказали значительное влияние на сложные исторические события, происходившие в этом районе»¹³.

Постепенно продвигаясь в юго-западном направлении, ойраты в первой половине XV в. столкнулись с правителями Моголистана (Могулистана). Это государство возникло в восточной части по существу распавшегося в середине XIV в. улуса Чагатай. Основателем его явился сын одного из монгольских эмиров Туглук-Тимур-хан (1348—1363). В XIV—XV вв. границы Моголистана простирались от Туркестана и Ташкента на западе до Турфана и Хами (Комула) на востоке. На юге моголистанские ханы владели Ферганской областью, северная граница достигала верховий Иртыша¹⁴. Таким образом, в состав этого государственного образования входил Восточный Туркестан (без Хами и Турфана), Юго-Восточный Казахстан и обширные области Средней Азии. Название Моголистан произошло от «могол» («могул») — так в Средней Азии произносилось слово монгол. Однако монгольский элемент в XIV в. был уже ассимилирован местным тюркским населением¹⁵.

Первые набеги на Моголистан ойраты совершили в конце XIV в., а начиная с 20-х гг. XV в. их вторжения в эту страну приняли систематический характер¹⁶. Китайские источники сообщают, что в 1408 г. ойраты отбили у моголов Бишбалык¹⁷. Особенно упорная борьба меж-

¹³ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. С. 40.

¹⁴ Акимушкин О. Ф. Хронология правителей восточной части Чагатайского улуса (линия Туглук-Тимур-хана) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История, культура, связи. М., 1984. С. 156.

¹⁵ Юдин В. П. О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахскими и другими соседними народами // Известия АН КазССР. СОИ. 1965. № 3. С. 52—65.

¹⁶ Пищулина К. А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI века. (Вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата, 1977. С. 112.

¹⁷ Покотилов Д. История восточных монголов. С. 33.

ду ойратскими феодалами и моголистанскими беками была в период правления в Моголистане Вейс-хана (1418—1428). Известный историк Мухаммад-Хайдар отмечал, что этот правитель имел 61 сражение с ойратами¹⁸. Главной причиной ожесточенной борьбы было стремление ойратов захватить важный стратегический, политический и торговый оазис Хами и Турфан¹⁹. В конечном итоге Вейс-хан не только уступил своему противнику, но перенес свою ставку из Восточного Туркестана в Семиречье и породнился с ойратскими князьями²⁰.

После гибели Вейс-хана в одном из сражений с тимуридом Улугбеком (1411—1449) в Моголистане вспыхнули межфеодалные усобицы и государство фактически распалось на ряд самостоятельных владений. Смерть энергичного ойратского правителя Эсена и некоторое укрепление государственности в Моголистане в годы правления Есен-Буки (ум. в 1462 г.) и Юнуса (1472—1487) позволили несколько сдержать наступление ойратов. Тем не менее, в 1472 г. на берегах Или ойратские войска под командованием тайши Амасанчжи нанесли армии Юнуса жестокое поражение, вынудив последнего бежать в район Сырдарьи²¹.

XIV—XV вв. в истории народов Средней Азии и Казахстана отмечены постепенным преодолением тяжелых последствий монгольского завоевания. Восстанавливалось разоренное хозяйство, отстраивались города, возрождались торговля, укреплялось экономическое и социальное положение местной тюркской знати, тяготившейся игом завоевателей. В то же время, не спаянные экономическими узами, монгольские владения — улус Чагатай, Золотая Орда и другие стали распадаться на ряд фактически независимых государств.

На политической карте Дешт-и-кыпчака возникает новое государство Ак-Орда — «первое крупное государственное образование на местной этнической основе в послеюаньский период на территории Казахстана»²².

¹⁸ *Мирза Мухаммад-Хайдар. Тарих-и Рашиди* (Рашидова история) / Пер., коммент. К. А. Пищулиной. МИКХ. Алма-Ата, 1969. С. 194.

¹⁹ *Пищулина К. А. Юго-Восточный Казахстан*. С. 113.

²⁰ *Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья*. Собр. соч.: В 9 т. М., 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 86—87.

²¹ *Бартольд В. В. Указ. соч.* С. 89.

²² *История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней*: В 5 т. Алма-Ата, 1979. Т. 2. С. 150—151.

Границы этой кочевой державы простирались от р. Яика до Иртыша, от Западно-Сибирской низменности до среднего течения р. Сырдарьи. Основное население Ак-Орды составляли издревле проживавшие на этих землях тюркоязычные племена кыпчаков, а также переселившиеся сюда с Алтая найманы, конграты, кирейты и др. Столицей государства был город Сыгнак. К середине XIV в. правители Ак-Орды не только окончательно порвали с номинальной зависимостью от золотоордынских ханов, но и сами стремились захватить ханский престол в Золотой Орде.

В начале XV в. центральная власть в Ак-Орде перешла к потомкам сына Джучи Шейбана (Шибана, Сыбана). После занятия престола Абулхайром в 1428 г. государство получило название «Узбекский улус», в исторической литературе принято название «Государство кочевых узбеков»²³.

Первые документально зафиксированные контакты ойратов с правителями Средней Азии и Казахстана относятся к концу XIV в. В 1397 г. Тимур, только что возвратившийся из похода в Дешт-и-кыпчак, на Кавказ и на Русь, принял ойратских послов в местности Ак-Таш²⁴. Как свидетельствуют факты, приведенные в работе Т. И. Султанова «Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв.», ойратские дружины приняли участие в походах правителей Ак-Орды в Среднюю Азию²⁵. Однако по мере возвышения и усиления Узбекского улуса, захвата Абулхайром обширных районов Казахстана и Средней Азии, активного вмешательства в события, происходящие в Моголистане, между ойратскими тайшами и Абулхайром и его преемниками начались враждебные столкновения. Наиболее крупным из них, повлекшим за собой серьезные политические последствия, было сражение в местности Нур-Тукай, неподалеку от Сыгнака, в 1457 г. Ойратский хан Уз-Тимур нанес тяжелое поражение войскам Абулхайра, вынудив

---

²³ Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.

²⁴ Шараф ад-Дин Йезди. Зафар-наме (Книга побед) // Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Вып. 1. С. 145; Собрание материалов по истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 187—188.

²⁵ Султанов Г. И. Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв.: Вопросы этнической и социальной истории. М., 1982. С. 8—11.

последнего искать укрытия за стенами Сыгнака²⁶. Разграбив города Ясы (Туркестан), Ташкент, Шахрухию и их окрестности, ойраты возвратились в свои кочевья. При этом ими был захвачен и уведен в плен трехлетний внук Абулхайра. Абулхайр, очевидно, вынужден был признать свою зависимость от ойратов. В этой связи советский востоковед Б. А. Ахмедов писал, что «молодой султан, согласно мирному договору, заключенному между калмыками и узбеками, был увезен в залог (аманат) и Абу-л-Хайр-хан вынужден был признать тогда верховную власть калмыцкого тайши»²⁷.

Поражением Абулхайр-хана воспользовались его противники. Султаны Гирей и Джаныбек, потомки правителя Ак-Орды Урус-хана, давно уже враждовавшие с Абулхайром, во главе части населения Узбекского улуса, недовольного бесконечными войнами, ростом различного рода повинностей и налогов, откочевали в Семиречье. Могулистанский хан Есен-Бука, не имея сил оказать сопротивление и рассчитывая использовать этих кочевников в борьбе с тимуридами и ойратами, радушно принял их. Поселившиеся в Семиречье, на р. Чу и Таласе узбеки, получившие впоследствии название узбеков-казахов, а затем казахов, основали самостоятельное государственное образование — Казахское ханство. Возникновение Казахского ханства и формирование казахской народности было «закономерным итогом социально-экономических и этнополитических процессов, протекавших на территории Казахстана в XIV—XV вв.»²⁸.

Этническую основу Казахского ханства составляли племена, пришедшие с Джаныбеком и Гиреем, — кыпчаки, аргыны, конграты и др., а также автохтоны Семиречья — канглы, уйсуну, джалаиры, кирейты и др.²⁹ Спустя несколько десятилетий Казахское ханство превратилось в сильное кочевое государство, правители которого Бурундук (1480—1511) и Касым (1511—1518/

²⁶ Масуд бен Усман Кухистани. Тарих-и Абу-л-Хайр-хана (История Абулхайр-хана) / Пер. С. К. Ибрагимова. МИКХ. Алма-Ата, 1969. С. 168—170; Материалы по истории Средней и Центральной Азии X—XIX вв. / Пер. Б. А. Ахмедова. Ташкент, 1988. С. 215—218.

²⁷ Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. С. 71.

²⁸ История Казахской ССР... Т. 2. С. 255.

²⁹ Юдин В. П. О родоплеменном составе могулов Могулистана. С. 53—61; Пищулина К. А. Юго-Восточный Казахстан. С. 236—243.

/1523?) значительно расширили территорию своих владений как за счет мирного присоединения соседних земель, так и в результате завоевательных походов в Центральный и Южный Казахстан, северные районы Средней Азии. Число подданных хана Касыма, по словам современников, достигало миллиона человек³⁰. «Когда Джанибек и Кирай-хан сделали длительную остановку на той территории,— писал среднеазиатский историк Махмуд бен Эмир Вали,— каждый человек, (как) из правителей, (так) и из войска, кто начинал питать отвращение к Абу-л-Хайр-хану, находил у них убежище. Особенно после смерти Абу-л-Хайр-хана, когда в областях Дешт-и-кыпчака возникли беспорядки, большая часть узбекских воинов (кошунат-и узбек) собрались под сенью знамени могущества царевичей»³¹. Укрепившись, казахи вытеснили из Семиречья могулов, и в 1514 г. могулистанский правитель Султан-Саид-хан перенес свою ставку в Яркенд, основав в Восточном Туркестане Могольское государство, известное в истории под названием Яркендского ханства.

Одной из причин, побудившей могулистанского хана Есен-Буку не препятствовать казахам обосновываться в Семиречье, была надежда использовать их силы в борьбе против ойратов, поэтому вполне естественно предположить, что с первых дней своего возникновения Казахскому ханству пришлось отстаивать право на существование в борьбе с ойратами. Об этом свидетельствует и автор сочинения «Бахр ал-Асрар». «Они,— писал Махмуд бен Эмир Вали об узбеках, прикочевавших с Гиреем и Джанибеком в Семиречье,— проводили время в набегах на калмаков и киргизов и грабежах (их) и на окраинах областей занимались разбоем, к этому народу (тайфи) пристало имя казак...»³². Однако главным направлением внешней политики первых казахских ханов в XVI в. была борьба за расширение территории своего ханства с шейбанидами, могулами, ногайцами³³.

Одним из сравнительно крупных государств, возник-

³⁰ *Мухаммад-Хайдар-доглат*. Тарих-и Рашиди // МИКХ. С. 195, 222.

³¹ *Махмуд бен Эмир Вали*. Бахр ал-Асрар фи манакиб ал-ахайр (Море тайн относительно доблестей благородных) // МИКХ. Алма-Ата, 1969. С. 352—353.

³² Там же. С. 353.

³³ *Абусеитова М. Х.* Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата, 1985. С. 38—100.

ших в процессе распада Золотой Орды в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане, была Ногайская Орда. Основным этническим компонентом ее были тюркоязычные племена мангытов, кыпчаков, аргынов, названные позже ногайцами по имени владевшего ими в 70-х гг. XIII в. ставленника золотоордынских ханов темника Ногая. Во второй половине XVI в. Ногайская орда распалась на ряд самостоятельных феодальных владений: Большую Ногайскую орду, Малую Ногайскую орду, Алтыульский и Казиев улусы, враждовавшие между собой³⁴.

Быстрое укрепление Казахского ханства за счет притока родственных кочевых племен, активная внешняя политика первых казахских ханов по расширению своей территории неизбежно привели к столкновению с ойратами. Одно из наиболее ранних известий о военных столкновениях между казахскими владетелями и ойратскими тайшами приводит турецкий историк XVI в. Сейфи Челеби в своем сочинении «Тарих» («История»): «По ту сторону от страны Кашгар обитает народ называемый казахами. У них нет ни городов, ни селений. Это кочевой народ. Их двести тысяч кибиток. Их хана зовут Тевеккель³⁵. Они (однажды) ограбили какую-то местность страны калмаков и вернулись обратно». Ойратские феодалы организовали погоню, которая преследовала Тевеккеля вплоть до Ташкента. Казахский султан обратился к правителю Ташкента Борак-хану с просьбой оказать помощь в отпоре неприятелю, но тот ответил отказом. События эти имели место в период между 1551—1556 гг.³⁶ В. В. Бартольд полагал, что набег Тевеккеля на ойратские кочевья был совершен в 1552 г.³⁷ В этот период усиливалось давление на Казахское ханство со стороны ойратских феодалов. Современные калмыцкие историки объясняют это тем, что в начале 50-х гг. ойраты потерпели поражение от правителя

---

³⁴ *Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.* Ногайцы. Черкесск, 1988. С. 25—27.

³⁵ Казахским ханом в это время был Хакк-Назар, Тевеккель же был султаном.

³⁶ *Санчиров В. П.* Калмаки в «Истории» турецкого автора XVI в. Сейфи Челеби // Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии и задачи изучения их на современном этапе. Элиста, 1987. С. 16.

³⁷ *Бартольд В. В.* Указ. соч. С. 96.

тумэтских монголов Алтын-хана и вынуждены были отступить на запад³⁸.

Казахские ханы и султаны, в том числе Тевеккель, активно вмешивались в межфеодальную борьбу в Могольском государстве, поддерживая сепаратистские устремления правителей Чалыша и Турфана, где также сталкивались с появлявшимися там ойратскими дружинами³⁹. В годы правления Хакк-Назара (1538—1580) в результате упрочения государственности казахи на некоторое время приостановили продвижение ойратов на запад. Об этом свидетельствовал побывавший в 70-х гг. XVI в. в ногайских улусах русский посол Данила Губин⁴⁰.

История взаимоотношений ойратов с соседями казахов — киргизами — уходит в глубь веков, ко времени совместного проживания в горно-таежных районах Монголии и Южной Сибири⁴¹. Во второй половине XVI в. наблюдается продвижение киргизов в районы Ферганы, Каратегина, Восточного Туркестана. Одной из причин этого переселения было давление на них со стороны ойратов⁴².

Таким образом, между двумя мирами: монгольским, представленным западными монголами — ойратами, и тюркским, представленным рядом государственных образований, в которых монгольский элемент уже давно растворился в местной среде, в конце XIV в. устанавливаются первые, еще эпизодические связи, прежде всего в области политических и военных контактов. Вторжения ойратских феодалов в Казахстан и Среднюю Азию в XV—XVI вв. преследовали цель захвата добычи у местного оседлого и кочевого населения. Следовательно, как подчеркивала К. А. Пищулина, не земельный голод, не пастбищная теснота, а стремление к богатству служило главным побудительным мотивом появления

³⁸ Санчилов В. П. Указ. соч. С. 16.

³⁹ Акимушкин О. Ф. К вопросу о внешнеполитических связях Могольского государства. Алма-Ата, 1977. С. 233—248.

⁴⁰ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. С. 309. Примеч. 1.

⁴¹ Петров К. И. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношения с ойратами в XIII—XV вв. Фрунзе, 1961. С. 149.

⁴² Иванов П. П. Очерки истории Средней Азии. М., 1958. С. 67; Акимушкин О. Ф. К вопросу о внешнеполитических связях Могольского государства. С. 233—248.

ойратских отрядов в Казахстане и Средней Азии в этот период⁴³. Ответные вторжения казахских феодалов в ойратские кочевья были также продиктованы интересами насильственного получения прибыли.

Казахско-ойратские отношения на рубеже XVI—XVII вв. и Русское государство

В XVI в. доминантой внешней политики Казахского ханства была борьба с узбеками-шейбанидами за господство над ремесленными и земледельческими центрами Туркестана. Конец XVI — начало XVII в. характеризуется нарастанием борьбы с джунгарской опасностью. Борьба эта длительное время протекала с переменным успехом для каждой из сторон. Несмотря на занятость в основном среднеазиатскими делами, в конце XVI в. казахские правители нанесли ойратам ряд поражений и, по единодушному свидетельству источников, установили политический контроль над какой-то частью ойратских племен. Так, в 1594 г. Данила Губин, посланный Иваном Грозным в Ногайскую орду, сообщал в Москву, что «казаки ...добре сильны, а сказывают, государь, Ташкен воевали и ташкенские царевичи, сказывают, с ними дважды бились, а казаки их побивали»⁴⁴. Действительно, как показали исследования последних лет, казахский хан Тевеккель подчинил на некоторое время своей власти не только Ташкент, но и Андижан, Самарканд, осаждал Бухару⁴⁵.

Казахский посланец, прибывший в это время в Москву, сообщал живущему там казахскому «царевичу» Ураз Магомету: «Ныне дядя твой Тевкель-царевич учинился на Казацкой орде, а брата твоего Шах-Магмета-царевича посадил на колмаках, а кочуют все поблиску и все в соединении»⁴⁶. Этот факт, а также то, что в русских документах данного периода хан Тевеккель называется не иначе как «царем казацким и калмыцким», дали основание известному исследователю истории

⁴³ Пищулина К. А. Юго-Восточный Казахстан. С. 119, 125—126.

⁴⁴ Катанаев Г. Е. Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Омск, 1893. Кн. 14. Вып. 1. С. 47.

⁴⁵ Абусеитова М. Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата, 1985. С. 83—93.

⁴⁶ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1932. С. 291.

калмыков С. К. Богоявленскому считать, что «калмыки в это время не пользовались самостоятельностью, а входили в состав Казахской орды... Вопрос только в том, все ли калмыки подпали под власть казахов или только значительная часть их. По-видимому, укрепившаяся в малодоступных местах часть калмыков сохранила самостоятельность»⁴⁷.

Исследование И. Я. Златкина в определенной степени внесло ясность в этот вопрос. Речь может идти о подчинении казахами лишь некоторой части ойратов, кочевавших вблизи казахских владений. Нам представляется, что после смерти Тевеккеля, последовавшей во время очередного похода в Среднюю Азию в 1598—1599 гг., ойраты отказались признавать над собой власть его преемников. Косвенным подтверждением этого может служить сообщение Абулгази о походе ойратских войск в Хорезм в 1603 г. Являясь современником описываемых событий, он ни словом не упоминает о какой-либо политической зависимости ойратов от казахских ханов⁴⁸.

Между тем на рубеже XVI и XVII вв. в Средней Азии произошли важные политические события. В Бухаре воцарилась новая династия Аштарханидов, выходцев из Астрахани. После взятия Астрахани русскими войсками в 1556 г. потомок правящего дома Джучи царевич Джанибек-султан бежал в Бухару и нашел приют у правителя Искандер-хана, выдавшего за него свою дочь. У них родился сын Баки-Мухаммед, избранный в 1599 г. бухарскими эмирами на ханский трон с титулом «Знаменитый» от имени Джанибека, отсюда и второе название династии — Джаниды⁴⁹.

В жизни ойратов в этот период также произошли важнейшие изменения. Часть дербетов и торгоутов постепенно начали продвигаться в северо-западном направлении через южные районы Западной Сибири и

---

⁴⁷ Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в. // Исторические записки. 1939. № 5. С. 51.

⁴⁸ Абулгази. Родословная тюрок. СПб., 1871—1874. Т. 1. С. 275. Умалчивает об этом и другой среднеазиатский историк того времени — Мухаммед Юсуф Мунши. См.: *Мухаммед Юсуф-Мунши. Муким-ханская история* / Пер. с тадж., предисл., примеч. и указат. А. А. Семенова. Ташкент, 1956. С. 38.

⁴⁹ История народов Узбекистана: В 2 т. Ташкент, 1947. Т. 2. С. 82, 85.

северные пределы Казахстана. Через несколько десятилетий они обосновались в нижнем течении реки Волги и образовали Калмыцкое ханство под протекторатом России. Другая часть ойратов — хошоуты — также покинули пределы своего кочевания и переселились в Кукунор, создав там самостоятельное ойратское государство. В советской историографии продолжают дискуссии о причинах этого переселения. Высказывались и высказываются самые различные точки зрения. Например, известный синолог Н. Я. Бичурин (Иакинф) полагал, что продвижение торгоутов и части дербетов к берегам Яика и Волги «было обдуманнным планом хитрых замыслов», в частности, стремления ойратских феодалов «оцепить киргиз-казахьи орды с тыла»⁵⁰.

На самом деле, как свидетельствуют факты и убедительно доказывает И. Я. Златкин, это было стихийное движение ойратов в тех направлениях, где сопротивление оказалось наименьшим, где были условия для кочевого скотоводства, и продиктовано оно было обострением межфеодалной борьбы за власть и земельной теснотой, вызванной ростом численности стад, уменьшением территории вследствие наступления на Джунгарию восточных монголов⁵¹.

В годы правления Баки-Мухаммеда (1599—1605) ойраты совершили нападение на Хорезм. По существу это был первый в XVII в. серьезный поход ойратов в Казахстан и Среднюю Азию. Его неудача, как нам представляется, свидетельствовала о том, что путь в этом направлении ойратам закрыт и часть из них, теснимая Алтын-ханом Шолоем-Убаши-хунтайджи (1567—1627) — главой государства монголов-хотогойтов в северо-западной части Монголии, двинулась в западном направлении через южные районы Западной Сибири⁵². Однако и здесь ойратов ожидал не менее серьезный противник — гарнизоны русских крепостей: Тары, Тюмени, Тобольска и др. Не имея сил сражаться одновременно с несколькими противниками, ойратские тайши в 1608 г. принесли шерть (клятву) о подданстве рус-

⁵⁰ Бичурин Н. Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Спб., 1834. С. 62—63.

⁵¹ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. С. 66—67.

⁵² Шастина Н. П. Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. // Советское востоковедение. 1949. № 6; Международные отношения в Центральной Азии. XVII—XVIII вв. Документы и материалы. М., 1989. Т. 1.

скому царю. К тому же в это время обострились отношения ойратов с ногаями, проживавшими в бассейне р. Эмбы, Яика, Волги. «Дальнейшая борьба на три фронта — с казахами, ногаями и русскими — была непосильна, и потому калмыки поспешили помириться с русскими и обеспечить тыл в борьбе с казахами и ногаями»⁵³. Во время переговоров о принесении шерти в Таре ойратские послы жаловались русским властям, что казахи их «разорили, повоевали и жен их, и детей, и животы поймали, а их с юртов разогнали». Поэтому главная просьба их князей к Москве состояла в том, чтобы «от Алтына-царя и от Казацкой орды их оберегать».

Получив заверения в том, что если тайши представят заложников, будут платить ясак и не будут нападать на сибирские селения, то русские ратные люди не пойдут на них войной, ойратские феодалы сначала напали на казахов, а затем обрушились на владения Алтын-хана Шолоя-Убаши⁵⁴. В грамоте приказа Казанского дворца тарскому воеводе И. В. Мосальскому от 20 августа 1609 г. отмечалось, что «все колмацкие тайши и улусные люди пошли воевати Казацкой орды, а жоны свои и дети и весь живот свой оставили в улусех своих на нашей земли от города Тары в 10-ти днищах... обнадежась на нашу царскую милость»⁵⁵.

В это время ведущую роль в военной и политической жизни ойратов играли тайши: Байбагиш у хошоутов, Хо-Урлюк у торгоутов, Хара-Хула у чоросов и Далай у дербетов. Судя по сведениям, имеющимся в «Материалах по истории русско-монгольских отношений», основной ударной силой в этих вторжениях в Казахстан были дербеты во главе с Далай-Богатырем и некоторая часть торгоутов; старший тайша торгоутов Хо-Урлюк участия в походе 1609 г. не принимал. Этот поход в Казахстан, как и ряд последующих, был совершен той частью ойратов, которая постепенно продвигалась вдоль северных пределов казахских кочевий к Яику.

Борьба казахов и проживавших в районе Эмбы,

---

⁵³ Богоявленский С. К. Указ. соч. С. 53.

⁵⁴ Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII—XVIII вв. М., 1978. С. 21.

⁵⁵ Русско-монгольские отношения. Сб. документов: В 2 т. М., 1974. Т. 1. С. 34. (Здесь и далее орфография источников сохраняется).

Яика и Волги ногайцев против ойратов нашла отражение в героическом эпосе этих народов, в частности, в творчестве известного казахского жырау Жиембета, автора «Ер-Таргын», где говорится, что ойраты встретили в Западном Казахстане сопротивление не столько со стороны к тому времени фактически распавшейся Большой Ногайской орды, сколько со стороны казахов⁵⁶.

Сумев нанести поражение казахам в результате успешных походов против Алтын-хана, ойраты резко изменили свое отношение к Русскому государству и совершили ряд нападений на сибирские селения, на принявших русское подданство западно-сибирских татар.

Ослабление внешнеполитической напряженности способствовало обострению межфеодальных разногласий среди ойратских феодалов. Томские казаки, побывавшие осенью 1609 г. в кочевьях алтайцев, сообщали, что ойраты «не только с мунгалским Алтын-ханом и с Казачьею ордою... обязаны войною, но и меж собою живут в несогласии»⁵⁷.

Политически нестабильной оставалась обстановка и в Казахском ханстве. В частности, обострилась борьба между наследником Тевеккеля ханом Есимом (1598—1628) и султаном Турсуном. Воспользовавшись этим, ойраты совершили очередной поход в казахские кочевья, в котором принимал участие Хо-Урлюк. Тарские казаки Поспелко, Голубин и др., возвратившись из улусов жены покойного ойратского тайши Изиней Абай, рассказали, что в ее ставке происходило собрание ойратских князей. На собрании было решено не приносить более шерти о подданстве русскому царю, не платить ясак и не ездить весной в Тару к воеводам, «потому, что де ныне в Казачье орды промеж себя люди секутца и они де идут на них войною». После возвращения русские казаки жаловались, что им «в калмыках теснота была великая, корму им не давали, ели все покупаючи, а что де у них было платья и денег, и то все колмаки взяли у них сильно, а не дали им за то ничаво»⁵⁸.

Внутриполитическая обстановка в Казахстане осложнилась также в связи с походами казахских дружин

⁵⁶ Габдуллин М., Сыдыков Т. Казахский героический эпос. Алма-Ата, 1972. С. 257.

⁵⁷ ЦГАДА, ф. 196, д. 1542, л. 128 об.

⁵⁸ Русско-монгольские отношения. 1607—1634. С. 39.

Карта-схема Средней Азии и Казахстана в XVI в.

в Среднюю Азию и ответным вторжением в южные районы Казахстана бухарского хана Имамкули (1611—1642). Сразу же после своего вступления на престол, — указывал Мухаммед Юсуф-Мунши, — вследствие того, что казахи «подошли к богоспасательному городу (Бухаре. — В. М.) и ограбили его окрестности», Имамкули решил наказать их и, собрав огромное войско, в 1611 г. двинулся в казахские кочевья, разорив ряд улусов в нижнем течении р. Сырдарьи⁵⁹.

Мухаммед Юсуф-Мунши приводит интересные данные о том, что в борьбе за Ташкент войскам Имамкули противостояли не только казахи, но и каракалпаки и ойраты. «Так как племена казахов и калмыков в минувшее время привыкли к непокорности, то и (теперь) как и прежде, они сразу (всем скопом) напали на окраинные районы охраняемого государства (Мавераннахра)... В 1021 (1612—1613) г. (его величество)... выступил в поход. И от границ Туркестана до крайних пределов Ашпары и Каратау, избив врагов: казахов, каракалпаков и калмыков и изранив их, он их жестоко проучил»⁶⁰.

Взяв Ташкент, Имамкули назначил там правителем

⁵⁹ Мухаммед Юсуф Мунши. Указ. соч. С. 38—39.

⁶⁰ Там же. С. 86—87.

своего сына Искендера, который вскоре был свергнут и убит местными жителями. Тогда совместно с правителями Бадахшана и Балха Имамкули снова осадил и взял город, подвергнув население жестоким пыткам. «В тот день,— писал Мухаммед Юсуф-Мунши,— до полуденной молитвы базар смерти был весьма оживлен и столетний старец шел по одной цене с однолетним младенцем. Число убитых превосходило границы всего воображаемого и представляемого»⁶¹.

К середине второго десятилетия XVII в. некоторые казахские и киргизские владетели вынуждены были в таких условиях признать свою зависимость от ойратских феодалов. Казаки Т. Петров и И. Куницын, ездившие в 1616 г. в Джунгарию, сообщали тобольскому воеводе И. Куракину, что «в Колматцкой земле ныне в подданстве и в их послушанье Казачья Большая орда, да Киргизская орда и тем обеим ордам колмаки сильны. А которые ясыри (пленники.— В. М.) Казатцкие земли прежде сего пойманы были в полон в Колмацкую землю и тех ныне Богатырь-тайша сыскивая, отдает им без окупы (выкупа.— В. М.). А казацьи и киргизские орды начальники о том ему присылают бити челом и живут с ним в совете и во всем Богатыря-тайша над собою почитают и его слушают»⁶². Вероятно, поражение казахов и временное подчинение некоторых казахских и киргизских владетелей правителю дербетов Далай-Батуру произошло вследствие тех осложнений, которые имели место между ханом Есимом и ханом Имамкули, почему казахский правитель не смог принять участия в отражении ойратского вторжения⁶³. Сыграли свою роль и усобицы, продолжавшиеся между ханом Есимом и султанами Турсуном и Аблаем⁶⁴.

Первые связи Московского государства с Казахским ханством были установлены, по мнению ряда исследователей, в конце XV в. Ссылаясь на «Опись царского архива» 1575—1584 гг., в которой говорится, что в ящике под номером 38 хранятся «книги и списки казатцкие при Касиме-царе и тюменские при Иване-царе»⁶⁵,

⁶¹ Там же. С. 88.

⁶² ЦГАДА, ф. Зюнгорские дела, оп. 113. 1616 г., д. 1, л. 77—78.

⁶³ Материалы по истории казахских ханств. Алма-Ата, 1969. С. 315.

⁶⁴ История Казахской ССР... Т. 2. С. 283.

⁶⁵ Акты Археографической экспедиции. Спб., 1836. Т. 1. № 289. С. 339.

А. Чулошников писал: «Принимая во внимание, что под тюменским царем Иваном следует разумеать никого иного, как сибирского хана Ибака, еще в 1481 г. вступившего в переговоры с московским государем, мы, кажется, не ошибемся, если предположим, что около этого времени завязаны были отношения и между Казацъей ордой и отдаленной от нее Московией»⁶⁶. Если такие связи имели место, то они, конечно, носили эпизодический характер и осуществлялись через посредников, поскольку Казахстан и Русь были разделены широкой полосой враждебных государств.

Относительно регулярные связи между ними установились во второй половине XVI в. после ликвидации Казанского и Астраханского ханств. «С этих пор русские стали быстро приближаться к границам киргизских кочеваний двумя путями: западным — по течению р. Урала, и северным — по течению Иртыша и его притоков. Вместе с тем участились и их взаимные сношения, как мирные, так и враждебные». Весной 1577 г. ногайцы, возвратившиеся из казахского плена, рассказывали, что казахский хан Хакк-Назар «с царем и великим князем (Иваном Грозным) в миру»⁶⁷. Спустя полтора десятка лет посол хана Тевеккеля Кул-Мухаммед вел переговоры в Москве о военном союзе против Бухары⁶⁸. Предложения казахских ханов находили положительный отклик в Москве, которая была заинтересована в союзниках в борьбе против сибирского хана Кучума⁶⁹.

Участившиеся нападения ойратов на сибирские поселения и остроги побудили царя Михаила Федоровича (1596—1645), первого представителя дома Романовых, искать союзников среди казахских владетелей. Русскому правительству стало известно, что одним из наиболее сильных правителей Средней Азии и Казахстана будто бы является султан Аблай, называемый в

---

⁶⁶ Чулошников А. Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI—XVII в. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1932. Ч. 1. С. 62.

⁶⁷ Румянцев П. П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910. С. 13, 64.

⁶⁸ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 3—5.

⁶⁹ Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1971. С. 90—91.

документах «царем Савранским»⁷⁰. Оно попыталось заключить с ним военно-политический союз против ойратов. Тобольскому воеводе И. Куракину был послан указ следующего содержания: «С Савранским де Казацкие орды с Аблаханом о торговле и о колмаки ссылати..., чтобы радея и добра хотя... великому государю торговых людей со всякими товары к нам в Тобольск и в иные сибирские города отпускат, а твоих государевых торговых людей к себе и в иные города, которые под ним, пушал и назад отпускат безо всякого задержания..., а на колмацких бы людей стоять ему с... государевыми людьми заодно»⁷¹.

Одной из причин, побуждавшей местные сибирские власти и правительство искать союзника в лице казахских султанов, было восстановление торговых связей с владениями Средней Азии, нарушенных вторжениями ойратов. Предлагая царю Михаилу Федоровичу заключить военный союз с Аблаем и построить новую крепость на Ишиме, тобольский воевода И. Куракин уверял его, что если «ты, государь, укажешь поставить на тех местех на реке Ишиме город или острог, а служилых людей на то место прибрать мочно ...и тем колмацких людей с твоей государя земли згонит будет можно... И толко калмыков не будет и бухарцы учнут со всякими бухарскими товары приходить во все сибирские города многие люди... и тем тебе, государь, в пошине будет прибыль великая, да и колмыки чают прочь отойдут или тое тесноты тебе, государь, добьют челом»⁷².

Указ царя об установлении политических и военных контактов с султаном Аблаем сибирские воеводы выпол-

⁷⁰ Савран (прав. Сайрам), известный у арабских географов под названием Испиджаб, представлял собой крупный торговый и ремесленный центр, располагавшийся между реками Тувалин и Сайрам-су. Ныне это небольшой поселок в 12 км к востоку от г. Чимкента. См.: *Иванов П. П.* Сайрам // СТВИ. Ташкент, 1923. С. 46—56. В нижнем течении р. Сырдарьи существовал другой город Савран (прав. Сауран), остатки городища которого находятся в 35 км к северу от г. Туркестана. См.: *Маргулан А. Х.* Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950. С. 70. Подробно о г-родах бассейна р. Сырдарьи см.: *Пищулина К. А.* Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII веках // Казахстан в XV—XVIII веках. Алма-Ата, 1969. С. 5—49.

⁷¹ ЦГАДА, ф. Зюнгорские дела, оп. 113. 1616 г., д. 1, л. 52.

⁷² Там же, л. 6 об.

чить не успели. Между бухарским ханом Имамкули и султаном Аблаем разгорелась борьба, султан Аблай потерпел поражение и вынужден был возвратиться в свои кочевья, разграбленный и обессиленный. «...Бухарский царь Имамкули,— сообщал тобольский воевода И. Куракин царю Михаилу Федоровичу,— Савранского царя Аблахана с тех городов согнал и побегал де в Казацкую орду, а на его де место посадил на Савране и на иных городех посаженника своего Турсана-царевича»⁷³.

К концу второго десятилетия XVII в. в ойрато-казахских отношениях произошли изменения. Есим нанес ойратам ряд серьезных поражений и принудил к миру. Казак Пятунка Семенов, побывавший в 1619 г. у ойратов, доносил сибирским властям, что тайша Байбагиш, глава той части хошоутов, которые присоединились к торгоутам и дербетам, Далай-Батур, Хо-Урлюк, Чокур направили к Есиму послов с предложением прекратить взаимные нападения и заключить мир. Между тем сами, воспользовавшись начавшимися переговорами, напали на казахские улусы. В ответ на это «разгневанный Ишим убил послов, двинул на калмыков большое войско и, в свою очередь, перебил много калмыков и взял в плен двух тайш, а третий едва спасся бегством»⁷⁴. Можно предположить, что это нападение на казахские кочевья было совершено другой частью ойратов, противниками вышеназванной ойратской группировки.

На совещании главных тайш Байбагиш, Далай, Чокур, Хо-Урлюк решили заключить с ханом Есимом мир и совместно с ним нанести удар по владениям султана Турсуна и бухарского хана Имамкули. События эти довольно подробно освещены в русских архивных документах того времени. В частности, в одном из докумен-

---

⁷³ Там же, л. 64 об. Спустя несколько лет между султаном Турсуном и его сюзереном Имамкули вспыхнула вражда. Русский посол в Бухаре в 1620—1622 гг. И. Д. Хохлов в своем статейном списке отмечал: «Был у бухарского царя с ташкентским бой в те поры, как он, Иван, был в Бухаре, а ходил на Турсун-салтана бухарского царя большой боярин, дядя его Недир-Дуван-беги, а людей с ним было 40 000 и ташкентский де у него убил 10 000 человек. А после де того Малекулиевы царевы люди побили Турсун-салтановых людей дважды, а еще меж их война не унялась...». См.: Статейный список посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова // Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. № 107. С. 421.

⁷⁴ Русско-монгольские отношения. 1607—1634. С. 104.

тов отмечалось, что «Присылал к колмацким тайшам бухарсково царя посаженник Турсум-царь послов своих для того: ходят бухарсково царя торговые люди в русские города с товары и ваши де колмацкие люди на дороге торговых людей бухарских побивают и грабят. И вам де вперед с царем Михаилом Федоровичем всеа Руси быти в миру, а людей бы бухарских на дороге побивать и грабить не велети. В противном случае яз де пошлю на вас ратных людей своих»⁷⁵. Поход против Имамкули и султана Турсуна по каким-то причинам не состоялся.

В 1620 г. Есим совершил поход и нанес ойратам поражение. Осенью 1620 г. тобольский воевода М. М. Годунов сообщал в Приказ Казанского дворца о новом появлении ойратов в районе рек Тобола и Ишима вблизи русских поселений: «А прикочевали де, государь, те колмацкие тайши блиско твоих государевых сибирских городов для того, что воюют де их, колмацких тайшей, Алтын-царь, да Казацья орда»⁷⁶. Эти сведения подтвердили побывавшие в ойратских улусах башкиры, со слов которых уфимский воевода О. Я. Прончищев в октябре того же года доносил в Москву, что «колмацким тайшам учинилась теснота великая от Казацьи орды от Ишима-царя: побил де у них многих людей»⁷⁷.

Тогда же большие массы ойратов появились в верховьях Оби, в районе Чумыша, Томи и в других местах Южной Сибири. Посланный томским воеводой И. Ф. Шаховским к алтайцам-телеутам татарский князек Тоян в августе 1620 г. сообщал, что ойратские тайши Тойла, Карагалай «и иные все тайши и чорные калмыки, пришли все на Обь-реку ...на устье реки Чюмыша, зделали городок... им в горотке зимовати и кочевати де им меж Оби и Томи реки, меж Томского города и Кузнецкого острогу. А сошлись де они на Обь и гарадок зделали, что их побил Алтын-царь и у Кара-Гуля (Хара-Хулы.— В. М.) жен и детей поимал». По его сведениям, между Алтын-ханом Шолой-Убаши-хунтайджи и казахским ханом Есимом был заключен антиойратский союз. «А сложился де Алтын-царь с Казацкою землею, а казацкие люди с наган», и ойраты «ждут де на себя

---

⁷⁵ Русско-монгольские отношения. 1607—1634. С. 105.

⁷⁶ Там же. С. 101.

⁷⁷ Там же. С. 103.

вскоре Казачьи орды (и) нагай, а с другой стороны Алтына-царя»⁷⁸.

Говорить о каком-либо договоре хотогойтских и казачьих владетелей в борьбе против ойратов, по всей видимости, нельзя, поскольку мы не располагаем соответствующими документами. Тем не менее обе стороны нередко, особенно в 20-е гг. XVII в., действовали в борьбе против ойратов почти одновременно. Так, в том же 1620 г. в Тобольске из разных источников стало известно, что «колмацким тайчам учинилась теснота великая от казацкова от Ишима-царя, а Олтына, государь, царя люди побили у них многих людей и дву де тайчей с улусы з женами и з детьми поймали в полон»⁷⁹. Простым совпадением одновременность действий казахских и хотогойтских войск объяснить нельзя. Нам представляется, что как казахские ханы и султаны, так и Алтын-хан Шолой-Убаши-хунтайджи хорошо знали положение противника, имели подробную информацию о ходе военных действий ойратов и исходя из этого строили свою тактику ведения войны.

Активное участие в борьбе с ойратами принимали ногайцы и киргизы Тянь-Шаня. Не исключено, что между казахским ханом Есимом и киргизскими феодалами существовала определенная на этот счет договоренность. В грамоте царя Михаила Федоровича, присланной в Тобольск в 1625 г., со слов побывавшего в Джунгарии тобольского юртовского бухарца Мухтара Авжеева, отмечалось, что «мугальские ж люди сложились с Казачьей ордою и з Большими киргизы»⁸⁰.

В последующие несколько лет перевес сил в военных действиях неизменно склонялся на сторону казахских владетелей и Алтын-хана Шолой-Убаши-хунтайджи. В 1622 г. войска хотогойтов продвинулись до Черного Иртыша и Ямышевского озера⁸¹. В Сибири теснимые с востока Алтын-ханом, а с юга казахами, торгоуты и часть кочующих с ними дербетов продвигались все ближе к Тюмени и Тобольску. Из отписки в Посольский приказ из Тобольска и Уфы «по делам калмыцким» сообщалось, что передовые ойратские отряды находятся «в месяце конной езды от Тобольска по Ишиму и

⁷⁸ Русско-монгольские отношения. 1607—1634. С. 112, 113.

⁷⁹ ЦГАДА, ф. Зюнгорские дела, оп. 113. 1620 г., д. 1, л. 10.

⁸⁰ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, д. 6, л. 94. об. — 95 об.

⁸¹ Русско-монгольские отношения. 1607—1634. С. 117, 123.

Тоболу рекам...»⁸². Грабежи и разорение ойратами ясачного населения Западной Сибири, нападения на сибирские поселения и остроги побудили Москву направить тобольскому воеводе Ю. Я. Сулешеву указ: не пропускать ойратских послов в столицу «для того, что колмаки люди многие и воинские, и они б к Москве пути не узнали, чтоб не учили также приходить на наши украинны изрывом, что и нагайские люди, а прибыли в них нет и ссылке быть с ними не о чем...»⁸³.

Продвижение ойратов к Эмбе, Яику и Волге прервало исторически сложившиеся торгово-экономические связи Русского государства с государствами и народами Средней Азии и Казахстана и сильно ударило по экономическим интересам обеих сторон. Это обстоятельство побудило хивинского хана Асфендияра в 1633 г. направить царю Михаилу Федоровичу предложение о совместных военных действиях против ойратов. В ответной грамоте царя говорилось: «Мы, великий государь, повеление в Асторохань к воеводам нашим пошлем, а велим им наших ратных людей и нагайских татар за их воровство промыслять..., а ты б с своей стороны на них своих ратных людей посылал и над ними потому ж промыслял». Спустя несколько лет хивинский хан вновь поднял вопрос о совместных действиях с русскими против ойратов, к нему присоединился правитель Балха, однако дальше переписки дело не пошло⁸⁴.

Зимой 1624—1625 гг. ойратские тайши Байбагиш и Далай, по показаниям возвратившихся из Джунгарии тобольских служилых людей Ф. Вяткина, О. Чекеева и А. Ебанчеева, «хотели воевать Казачьи орды Ишим-царя, потому что Ишим-царь бухарскому Турсуну-царю брат и была меж ими война. Да не пошли, потому что меж Турсуном и Ишимом учинился мир». Вскоре между Далаем-Батуром, с одной стороны, и Есимом и Турсуном, с другой, был заключен мир. Об этом стало известно от находившегося в ставке Далай-Батура Я. Буголакова. Он сообщал, что зимой 1625 г. к Далаю «приходили из Булгар от Турсуна-царя, да ис Казачьи орды от

⁸² ЦГАДА, ф. Зюнгорские дела, оп. 113. 1621 г., д. 1, л. 2.

⁸³ Русско-монгольские отношения. 1607—1634. С. 132.

⁸⁴ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1932. Ч. 1. С. 144, 167, 182.

Ишима-царя послы о миру меж себя с Далай-тайшею шертовали, чтоб быть меж ими миру»⁸⁵.

Во второй половине 20-х гг. XVII в. борьба казахских владетелей с ойратскими феодалами затихает. Связано это было с резким обострением межфеодальной борьбы в Джунгарии, вспыхнувшей из-за раздела наследства между двумя братьями — владетельными князьями Чокуром и Байбагишем. «События 1625 г., — писал И. Я. Златкин, — положили начало глубокому расколу северо-западной группировки ойратских владетельных князей... Далай-тайша, возглавлявший основные дэрбэтские владения, окончательно порвал с торгоутской группировкой Хо-Урлюка и начал сближаться с юго-восточными ойратами Хара-Хулы. В это же время Хо-Урлюк с сыновьями и большей частью торгоутских владетельных князей ускорили продвижение в район Астрахани, куда привели и улусы некоторых примкнувших к ним неторгоутских правителей»⁸⁶. Внешнеполитические интересы этой части ойратов, или как их стали называть, волжских калмыков, были направлены в сторону их новых соседей — ногайцев, народов Северного Кавказа, крымских татар. В общей сложности на Волгу из Джунгарии перекочевало около 300 тыс. человек⁸⁷.

Внутриполитическая обстановка во второй половине 20-х гг. XVII в. в Казахстане характеризовалась нарастанием напряженности и обострением борьбы между ханом Есимом и султаном Турсуном. Есим, получивший за свои подвиги в борьбе с ойратами прозвище «Храбрый»⁸⁸, опираясь на помощь правителя Турфана и Чалыша Абд ал-Рахим-хана, нанес поражение и убил Турсуна в 1627 г. Через год скончался сам⁸⁹.

Таким образом, на рубеже XVI—XVII вв. между казахскими феодалами и различными группировками

---

⁸⁵ Материалы по истории русско-монгольских отношений. М., 1959. С. 136, 141.

⁸⁶ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. С. 93—96.

⁸⁷ Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967. С. 88.

⁸⁸ Жиембет-жырау. Обращение к хану Есиму-Мужественному // Поэты Казахстана. Л., 1978. С. 101—103.

⁸⁹ О борьбе Есима с Турсуном см.: Абулгази. Указ. соч. С. 167; Маргасха-жырау. Слово к хану Турсуну // Рукописный фонд Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова АН КазССР. Папки № 849, № 1060.

ойратских тайш, и прежде всего той частью ойратов, которая располагалась к северо-западу от казахских кочевий, а также по Иртышу, Тоболу, начали устанавливаться политические отношения. Правящие круги той и другой стороны стремились к обогащению за счет грабежа друг друга, организуя с этой целью военные походы.

В этот же период были заложены основы сравнительно регулярных контактов между Московским государством и казахскими владениями. Взаимная заинтересованность в борьбе против продвигавшихся в Северный Казахстан и Западную Сибирь ойратов, прервавших торгово-экономические связи Руси с Казахстаном и Средней Азией, побуждали как Москву, так и некоторых казахских и среднеазиатских владетелей искать возможности для заключения антиойратского союза.

30-е гг. XVII в. знаменуют новый этап в казахско-ойратских отношениях. Казахскому ханству на Востоке противостоит юго-восточная группировка ойратов, состоящая из племен чоросов, хойтов, отчасти дербетов, хошоутов, возглавляемая Хара-Хулой, а затем его сыном Батуром, создавшим могущественное кочевое государство — Джунгарское ханство, с которым народам Казахстана и Средней Азии пришлось вести длительную и упорную борьбу до его гибели в середине 50-х гг. XVIII в.

Глава вторая

ОБРАЗОВАНИЕ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА И УСИЛЕНИЕ ЕГО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ В КАЗАХСТАНЕ В 30—80 гг. XVII в.

Политическая структура. Социально-экономические отношения в Джунгарском ханстве

Ойратские племена, оставшиеся в Джунгарии, объединились в единое государственное образование — Джунгарское ханство — в середине 30-х гг. XVII в. в первый год правления сына Хара-Хулы Хото-Хочина, принявшего от Далай-ламы титул Эрдэни Батур-хунтайджи (1635—1654). «В сих летах,— говорится в Черепановской летописи,— начало свое возымело в калмыцких тайшах Зенгорское владение, ибо Қаракулы сын Батур-тайша благоразумием и храбростью своею как рассеянные калмыцкие республики с их тайшами вместе совокупил и часть Бухарии завоевал, и с того времени как в 1635 г. он, Батур-тайша, стал именоваться контайша»¹. Образование Джунгарского ханства происходило не только благодаря личным качествам Батура-хунтайджи, сумевшего окончательно подчинить своей власти ойратские племена, но и под влиянием объективных процессов феодализации, подспудно развивавшихся в монгольском обществе.

Основой экономики джунгар являлось кочевое скотоводство, но территориальная отдаленность от оседлых земледельческих и ремесленных центров и внешнеполитические затруднения в сношениях с ними стимулировали развитие у них в значительных размерах собственного земледелия, ремесла, что придавало экономике более разносторонний характер и делало их независимыми от соседей².

---

¹ Цит. по: Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. М., 1983. С. 98.

² Батраков В. С. Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем (с XV до пол. XVIII в.) // Труды

Предприимчивость, дальновидность Хара-Хулы и Хото-Хочина также сыграли свою роль в сплочении ойратских племен. «Батор-хонтайдзи,—отмечал в свое время Н. Я. Бичурин,—был то же для элютов, что Петр I для России...»³. Однако этого было совершенно недостаточно для того, чтобы подчинить своей власти других ойратских князей, если бы тайши из дома Чорос не опирались на могущественную силу, превосходящую всех других ойратских феодалов вместе взятых. Так, по данным «Синьцзян шилуе», приведенным Н. Я. Бичуриным, общая численность населения Джунгарского ханства составляла 600 тыс. человек, из них почти 10 тыс. семей принадлежала лично хану⁴. Раньше, показывая в апреле 1757 г. в Усть-Каменогорской крепости нойон Норбо-Данжин, «владение имели каждой ноен особливо, а не под властью контайши, точию тот контайша чрез множественную силу всех во владение свое присовокупил»⁵.

«Опираясь на силу своего домена,—подчеркивал И. Я. Златкин,—включавшего многочисленные улусы и обширные нутуги, располагая значительной военной силой, хан имел возможность навязать свою волю другим владетельным князьям и держать их в повиновении»⁶. Необходимость сохранить классовое господство над массой аратов (рядовых кочевников) и рабов, населением завоеванных территорий, ожесточенная борьба с Цинской империей, наряду со всегда существовавшими в Монголии идеями единства привели к высокому уровню централизации власти в Джунгарском ханстве, более прочной и эффективной государственности по сравнению с соседними кочевыми и земледельческими государствами Средней и Центральной Азии.

Основным феодальным объединением у ойратов являлся улус, состоявший из ряда родовых союзов — отоков, анги и аймаков. Оток представлял собой объединение как родственных групп, так и представителей других родов и племен, кочующих на определенной

Среднеазиатского гос. университета. Ташкент, 1958. Вып. 126. С. 7, 62.

³ Бичурин Н. Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Спб., 1834. С. 128.

⁴ Бичурин Н. Я. Указ. соч. С. 134—135.

⁵ АВГР, ф. Зюнгсрские дела, оп. 113/1. 1757 г., д. 2, л. 178 об.

⁶ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. С. 267.

территории и зависимых от одного владельца. Одновременно это была и военная единица (хошун), выстав-
лявшая определенное количество воинов. Аймак же
являлся объединением только родственных семей, как
правило, ведущих свое происхождение от одного общего
предка. По мнению Б. Я. Владимирцова, как оток, так
и аймак являлись кочевыми феодами⁷.

Выход в свет книги И. Я. Златкина «История Джун-
гарского ханства» послужил толчком для оживления
дискуссий о сущности и характере различных социаль-
но-экономических институтов в ойратском, да и вообще
в средневековом монгольском обществе⁸. В настоящее
время мнения относительно того, что представлял
собой оток, разделились. А. И. Чернышев полагает, что
оток — «это территориальное деление земель, занятых
кочевниками», и что они никак не связываются с насе-
лением. Напротив, анги (анки) — это социальные группы
родового характера, подчинявшиеся тому или другому
феодалу⁹. На основании по существу тех же источников
Е. И. Кычанов пришел к другому, более правильному,
на наш взгляд, выводу о том, что «джунгарский оток
был административно-хозяйственной единицей удель-
ных, т. е. личных владений джунгарского хана», причем
некоторые из них, что подтверждают и русские архив-
ные документы, вообще не имели территориального
единства, а анги «были владениями (уделами) родовой
ойратской знати — тайчжи»¹⁰.

Несколько уделов (улусов) составляли племя. Четы-
ре главных ойратских племени — чоросы, дербеты,
хошоуты и хойты — представляли к началу XVII в.
княжеские владения. «Вождь старейшего или обширней-
шего улуса считался вместе с тем главой целого пле-
мени, под общим титулом тайши (тайджи) — ему подчиня-

---

⁷ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монголь-
ский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 139.

⁸ Старицина П. П. [Рецензия] // НАА. 1965. № 6. С. 165—167.
Рец. на кн.: Златкин И. Я. История Джунгарского ханства.
1758). М., 1983; Мункуев Н. Ц. [Рецензия] // Там же. С. 167—172.
Рец. на кн.: Златкин И. Я. История Джунгарского ханства.

⁹ Чернышев А. И. Цинь-дин хуан-юй Сиюй ту-чжи (Высочайше
утвержденное географическое описание Западного края с картами
об отоках и аялах Джунгарского ханства) // НКОГК. М., 1982.
Ч. 2. С. 164—171.

¹⁰ Кычанов Е. И. О джунгарских отоках и анги // НКОГК. М.,
1989. Ч. 2. С. 157—160.

лись вожди (нойоны) остальных улусов»¹¹. В Джунгарии сохранялась введенная когда-то в Монголии Чингисханом десятиричная система. Взрослое мужское население страны, за исключением духовенства и рабов, делилось на десятки, сотни, тьмы, обязанные по приказу своих начальников участвовать в охране границ, военных походах и войнах¹².

Основой всего фундамента экономической и общественной структуры ойратов был аил, называвшийся в Джунгарии хотон, иногда куря (в русских источниках — курень), объединявший группу родственных семей.

Господствующий класс ойратского общества составляли ханы и тайджи (в русских документах — тайши), принадлежавшие к аристократическому сословию нойонов. Другой влиятельной группой светских феодалов были представители жалованной знати — зайсаны, подразделявшиеся на знатных или старейших, управлявших отоками, анги, аймаками, и на меньших, ведавших небольшими подразделениями — десятками, двадцатками и т. п. Помимо этих «чиновных» зайсанов были и «изгойные», т. е. не имевшие должности и своих подвластных. «В административном отношении, — указывал Ф. И. Леонтович, — зайсанги играли ту же роль, как у нас в старое время мужи и бояре в значении княжеских советников или думцев, также наместников волостей и пр.»¹³.

Огромное влияние на духовную и светскую жизнь ойратского общества оказывало ламаистское духовенство, тесно связанное с центром ламаистской религии — Лхасой. Как известно, монголы познакомились с буддизмом еще в начале XIII в. в эпоху завоевательных походов и образования империи Чингисхана. Основателем Юаньской династии Хубилаем (1260—1294) буддизм был объявлен государственной религией монголов. Широкое распространение в Джунгарии буддизм в его ламаистской форме получил в начале XVII в., что, по мнению исследователей, было связано с «окончательной

---

¹¹ Леонтович Ф. И. К истории права русских инородцев // Записки император. Новороссийского университета. Одесса, 1880. Т. 29. С. 229.

¹² Голстунский К. Ф. Монголо-ойратские законы 1640 г. СПб., 1880.

¹³ Леонтович Ф. И. К истории права русских инородцев. С. 157—158.

победой феодальных отношений»¹⁴. Огромную роль в распространении и пропаганде буддизма среди ойратов и калмыков сыграл в середине XVII в. знаменитый ойратский проповедник и реформатор письменности Зая-Пандита¹⁵. В первой четверти XVIII в. вся Джунгария была покрыта ламаистскими церквями и монастырями, располагавшими значительными богатствами, в том числе «цзисаями», т. е. землями, с прикрепленными к ним крестьянами-шабинарами¹⁶.

Социально-классовая структура Джунгарского ханства имела строго иерархический характер и делилась не только на класс феодалов и класс зависимых от них рядовых общинников, но и ряд сословий. Основным и самым многочисленным податным сословием были араты — албату, закрепленные за каким-либо феодалом. В их обязанности входило: платить натуральный налог скотом и продуктами животноводства своему господину, выполнять повинности по сбору топлива, доставке почты, снабжения продовольствием проезжающих послов и гонцов, участвовать в облавных охотах, в ополчении феодала и т. п. За невыполнение этих и других повинностей араты подвергались строгим наказаниям. Аналогичным было положение шабинаров. Общественное неравенство и феодальная эксплуатация маскировались родовыми пережитками, оправдывались и освящались силой традиций, обычаями и юридическими нормами¹⁷.

Как правило, албату уплачивали своим владельцам подать в размере $\frac{1}{10}$ части имевшегося в их собственности скота. Русский посол в Джунгарии в 1743 г. К. Миллер отмечал в дневнике, что «когда подвластные калмыки платят дань, то берут с них от скотов десятое число, самих же их по очереди в работу употребляют»¹⁸. При этом владельцы светские и духовные, в том числе и сам

---

¹⁴ Дорджиева Г. Ш. Социальные корни ламаизма и основные вехи его распространения среди ойратов и калмыков // *Ламаизм в Калмыкии*. Элиста, 1977. С. 6.

¹⁵ Бадмаев А. Роль Зая-Пандиты в истории духовной культуры калмыцкого народа. Элиста, 1968; Златкин И. Я. Зая-Пандита как политический деятель // 320 лет старокалмыцкой письменности. Элиста, 1970.

¹⁶ Чернышев А. И. Указ. соч. С. 165—166.

¹⁷ Их Цааз (Великое уложение). Памятник монгольского феодального права / Пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова. М., 1981.

¹⁸ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1743. г., д. 2, л. 128 об.

хунтайджи, имели право собирать подать лишь с лично им принадлежавших отоков, анги и цзисаев. Хан имел право на большую часть захваченной во время военных походов добычи. Дань с покоренных ойратами народов полностью поступала в ханскую казну.

Весьма значительной была прослойка так называемых средних слоев — дружинников, слуг, телохранителей, тарханов (лиц, освобожденных от повинностей), монахов и т. д. Рабство, как и у многих других кочевых народов, в экономической и социальной жизни ойратов существенной роли не играло.

Политическая структура государства в значительной степени совпадала с родоплеменным делением. Хан, носивший в Джунгарии титул хунтайджи, являлся верховным собственником всех земель страны и обладал большой, но все же несколько ограниченной властью. «В делах, относившихся до всего народа (хунтайджи. — В. М.) не мог ничего важного предпринять без совета с прочими владетельными князьями и высшим духовенством»¹⁹. Верховная ханская власть являлась наследственной и переходила от отца к сыну одной и той же фамилии дома Чорос. На ступеньку ниже в политической и социальной иерархии стояли главы четырех ойратских племен — большие или старшие тайчи (тайши). Далее шли младшие тайши, зайсаны и прочий служилый люд. Как при хане, так и при четырех главных тайшах имелись феодальные дружины, которые в случае необходимости собирали ополчение.

Высшим правительственным и одновременно судебным органом ханства являлся зарго, состоявший из владетельных князей, специально назначаемых ханом зайсанов, высших иерархов ламаистской церкви; в конце XVII — начале XVIII в. в него входили и уйгурские беки. «Великих дел контайша без советов зайсанских не делает, — писал русский посол в Джунгарию в 1722—1723 гг. И. Унковский, — а в иные дела и протчих начальных людей и из знатных калмык призывают»²⁰.

Административный аппарат Джунгарского ханства состоял из 4-х тушимелов, ведавших делами четырех ойратских племен, 6-ти их помощников — джаргучи

¹⁹ Бичурин Н. Я. Историческое обозрение ойратов. С. 127—128.

²⁰ Посольство к эюнгарскому хун-тайчи Цеван-Рабтану капитана от артиллерии И. Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы. СПб., 1887, С. 194.

(джархуци). Покоренными народами ведали два высших сановника — дэмчи, в их обязанности входило также наблюдение за домом хана. Сбор и раскладку податей осуществляли специальные зайсаны (арбацы), опиравшиеся на многочисленный штат чиновников — албачи²¹.

Управление ханством осуществлялось на основании законов, разработанных на общемонгольском съезде в 1640 г. Инициатором созыва этого съезда и, вероятно, главным организатором был Батур-хунтайджи²². В основе этого законодательства лежало обычное право монголов. Степень централизации власти в Джунгарском ханстве была намного выше, чем у халхасов, волжских калмыков, хошоутов Кукунора. Это было, подчеркивал И. Я. Златкин, «сравнительно высокоорганизованное, объединенное феодальное государство, с твердой центральной властью, успешно преодолевавшее сепаратизм местных князей»²³.

По своему политическому и общественному устройству Джунгарское ханство являлось типичным феодальным кочевым государством, правитель которого, как уже отмечалось, номинально являлся верховным собственником всех земель государства²⁴. Право же распоряжаться этими землями, и прежде всего пастбищами, находилось всецело в руках ойратской знати²⁵. Скот находился в личной собственности отдельных семей, но содержание его носило общинный характер. Лишь богатые скотовладельцы могли позволить себе кочевать отдельно. В связи с этим Б. Я. Владимирцов указывал, что «богатому скотом кочевнику и особенно коневоду неудобно кочевать в большом обществе, заботы о своих стадах и табунах заставляют его искать более привольного существования отдельным айлом»²⁶. Рядовые кочевники, объединяя свои стада, нанимали для присмотра за ними общинных пастухов²⁷.

²¹ Подробно см.: Чернышев А. И. К характеристике административного управления в Джунгарском ханстве // НКОГК. М., 1983. Ч. 2. С. 86—96; Кычанов Е. И. О джунгарских отоках и анги. С. 159—160.

²² Их Цааз. С. 3—4.

²³ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. С. 276.

²⁴ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. С. 139.

²⁵ Богоявленский С. И. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в. // Исторические записки. 1939. № 5. С. 92.

²⁶ Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 37.

²⁷ Леонтович Ф. И. Указ. соч. С. 279.

В основе экономики ойратов Джунгарии лежало кочевое скотоводство, дополняемое земледелием, охотой, ремеслом и подсобными промыслами. В дореволюционной и советской историографии весьма распространена упрощенная точка зрения на экстенсивный характер скотоводства у кочевых народов — монголов, казахов и др. Ряд современных исследователей пытаются несколько скорректировать подобные оценки. Так, Н. Э. Масанов полагает, что кочевое скотоводство строилось «на предельно рациональном использовании пастбищных угодий, кормовых и водных ресурсов среды обитания, продуктивных свойств животных»²⁸. Аналогичную позицию занимают некоторые ученые МНР. Д. Майдар ссылается при этом на высокую степень терминологической разработки в кочевом хозяйстве. Например, у монголов терминология, применяемая для определения возраста скота по зубам, насчитывает более чем 150 выражений, в монгольских диалектах зафиксировано свыше 300 терминов для определения внешнего вида лошадей по масти, свыше 500 терминов по таврированию скота и т. д.²⁹ Другое дело, что кочевники были в большей зависимости от стихийных сил природы, чем оседлое земледельческое население.

Выпас и перекочевка скота совершались куренным, или хотонным способом. Хотон (курень) являлся основной клеточкой социально-экономической структуры ойратского общества и включал в себя несколько близкородственных семей. Земля формально являлась общим достоянием того или иного племени, однако преимущественным правом распоряжения кочевьями и охотничьими угодьями пользовались главы племен и родов. Характер кочевания, направление и длина перекочевки зависели от структуры стада и количества скота, травостоя, запасов воды. Заняв богатые и плодородные районы верховий Или и Черного Иртыша, ойраты, как правило, совершали перекочевки на небольшие расстояния. Их зимние стоянки находились у подножия гор, в закрытых от ветра долинах, летом они со своими стадами поднимались на горные пастбища, а к

²⁸ Масанов Н. Э. Дисперсное состояние — всеобщий закон жизнедеятельности кочевого общества // Вестник АН КазССР. 1988. № 3. С. 37.

²⁹ Майдар Д. Памятники истории и культуры Монголии. М., 1981. С. 79.

осени вновь спускались вниз. Таким образом, кочевание осуществлялось в зависимости от расположения горных хребтов и долин. Такой цикл кочеваний называют вертикальным.

Возможность прокормить свои стада на сравнительно ограниченной территории имела следствием более высокую плотность населения на единицу площади, чем в Казахстане. Это обстоятельство играло определенную роль и во взаимоотношениях с соседями. Ойратские феодалы могли, например, в более короткие сроки, чем казахские правители осуществлять сбор войск, более эффективно контролировать политическую ситуацию в стране.

Порядок перекочевки был следующий: сначала перекочевывал владеец, выбирая для своей ставки (урги) и своего скота наиболее удобные и богатые водой и травой пастбища, а затем все остальные. П. С. Паллас так описывал ход перекочевки у волжских калмыков: «Если Калмыцкая орда или улус для сыскания своих паств переходит с места на место, что в каждые 4, 6 и 8 дней, то наперед высылаются люди, которые для хана или для князя, для ламы и для кибиток, где их идолослужение совершается, выбирают лучшие места, после чего сии, по объявлении чрез провозгласителей о их выступлении шествуют первые, а потом за ними следует весь народ и выбирает для себя удобные места»³⁰.

Между основными ойратскими племенами территория распределялась таким образом: торгоуты и дербе-ты кочевали в северных районах Джунгарии — по Иртышу, в Монгольском Алтае, Тарбагатае. Чоросы занимали бассейн верхнего и среднего течения р. Или и ее притоков, далее на восток кочевали хошууты и часть бежавших в 1701 г. с Волги в Джунгарию торгоутов. По Черному Иртышу и его притокам в бассейне р. Кобдо проживали хойты³¹.

В XVII в. в Джунгарии зарождается национальная литература, создаются оригинальные произведения на ойратском языке, осуществляются переводы литературы и прежде всего религиозных сочинений с индийского,

---

³⁰ Паллас П. С. Собрание исторических известий о монгольских народах // Санкт-Петербургский вестник. 1778. Ч. 1. С. 223.

³¹ Потанин Г. Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии // ЧОИДР. М., 1868. Кн. 2. С. 2.

тибетского и других языков. Так, один только реформатор ойратской письменности и известный проповедник ламаизма в Монголии Зая-Пандита перевел 177 произведений. Исследования советских археологов в восточных и юго-восточных районах Казахстана, где в конце XVII — первой половине XVIII в. кочевали ойраты, показали, что ойраты имели высокую материальную культуру³². Такова была в самых общих чертах социально-экономическая и политическая структура Джунгарского ханства, сыгравшего исключительно важную роль в истории народов Казахстана, Средней Азии и Сибири в рассматриваемый период.

В экономике Казахского ханства господствующее положение занимало кочевое скотоводство. Однако природно-климатические условия Казахстана — обширные степи со скудной растительностью, пустыни и полупустыни — заставляли казахов со своими стадами совершать более дальние перекочевки, порой до полутора и более тысяч километров³³, как правило, в меридиональном направлении с юга на север и обратно. Географическая среда определяла состав стада. Преобладающую роль в хозяйстве казахов играли овцы, лошади и верблюды, т. е. такие породы, которые были способны совершать длительные переходы в трудных условиях недостатка воды и корма. Рогатый скот в структуре стада занимал незначительное место по причине своей неприспособленности к условиям круглогодичного выпаса. Недаром у казахов бытовала поговорка «малдын жаманы сыир» («худший вид скота — рогатый скот»). Скот обеспечивал население всеми основными средствами жизни, служил транспортом, средством обмена на ремесленные изделия, являлся мерилом богатства кочевника.

Скот находился в частной собственности их владель-

³² Позднеев А. М. Образцы народной литературы монгольских племен. Спб., 1880. С. 139—140; Михайлов Г., Яцковская К. Монгольская литература. Краткий очерк. М., 1969; Бадмаев А. В. Зая-Пандита. Элиста, 1968; Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969; Историко-литературные памятники старокалмыцкой письменности // 320 лет старокалмыцкой письменности. Элиста, 1970; Культура Монголии в средние века и новое время. Улан-Удэ, 1986; Черников С. С. Памятники архитектуры ойрат-калмыков [материалы] // Ученые записки Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории. 1960. Вып. 1. С. 134.

³³ Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957. С. 27.

цев, пастбища номинально принадлежали всем свободным членам общины, фактически же право распоряжения ими присвоили знатные лица — ханы, султаны, родоправители³⁴.

В южных районах Казахстана, в местах зимних стоянок, существовали очаги земледелия, игравшие однако незначительную роль в кочевом хозяйстве казахов. Ремесло и домашние промыслы носили вспомогательный характер и были в основном связаны с обработкой продуктов животноводства, изготовлением жилищ, оружия и предметов обихода³⁵.

Социальная структура казахского государства носила иерархический характер. На вершине общественной пирамиды находились потомки Чингисхана по мужской линии — чингисиды (Ак-суйек — белая кость), составлявшие отдельную аристократическую феодальную группу ханов и султанов, не входивших в состав общины. Далее располагалась феодально-родовая знать (Кара-суйек — черная кость), не принадлежавшая к роду чингисидов, — бии, баи, батыры, асакалы. К ним примыкали представители мусульманского духовенства — муллы и ходжи, влияние которых в степи было не столь велико, как, например, у мусульманского духовенства в Средней Азии. Основную массу населения составляли родовые общинники — шаруа. Рабство в казахском обществе, как и в Джунгарии, носило домашний характер, и рабы (кулы) больше выступали в качестве товара, чем рабочей силы.

В политическом отношении страна делилась на улусы, на смену которым во второй половине XVI в., по мнению Т. И. Султанова, приходят жузы³⁶. Жуз (сотня, часть, сторона, в дореволюционной русской литературе — орда) — этнотерриториальное объединение казахских кочевников, время, причины и механизм образования которых до сих пор окончательно не выяснены. В Казахстане уже в начале XVII в. (русские документы упоминают о них в 1616 г.) существовало три жуза —

³⁴ Шахматов В. Ф. О пастбищно-кочевой (земельной) общине у казахов // Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. Алма-Ата, 1962.

³⁵ Подробно см.: Еренов А. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1960; История Казахской ССР... Т. 2. С. 299—341.

³⁶ Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. М., 1982. С. 84—85.

Улы (Старший) жуз, Орта (Средний) жуз и Киши (Малый, или Младший) жуз. Первый располагался в Семиречье и Южном Казахстане; второй — в Центральном, Восточном и Северном Казахстане; третий — в Западном Казахстане.

Существуют различные точки зрения по поводу причины образования жузов³⁷. На наш взгляд, заслуживает внимания и выглядит наиболее правдоподобной позиция В. П. Юдина, полагавшего, что «во взаимном расположении казахских жузов, видимо, зафиксирована последовательность распространения власти казахских ханов на территории Казахстана»³⁸.

Племенной состав жузов в общих чертах выглядел следующим образом: Старший жуз — дулаты, албаны, жалаиры, суаны, чапрашты, ысты, чанышклы и др. В Средний жуз входили такие крупные племена, как аргыны, найманы, кыпчаки, конграты, керей, уаки и др. Младший жуз составляли три племени: байулы, алимулы, жетиру³⁹. По подсчетам Т. И. Султанова, в XVII—первой половине XVIII в. в состав всех трех жузов входило 112 племен, родов и поколений. Общая численность населения различными исследователями определяется по-разному, но, вероятнее всего, она колеблется в пределах 2—3 млн. человек⁴⁰.

Казахское ханство было рыхлым государственным образованием с непрочной, слабой центральной властью. Родовая и племенная рознь, отсутствие тесных экономических связей между жузами и внутри них, стремление феодалов к самостоятельности, кочевой образ жизни населения, отсутствие регулярных доходов у власти и невозможность вследствие этого содержать государственный аппарат делали власть ханов и султанов неэффективной. Свободное население ханства, хотя и должно было вносить своим владельцам $\frac{1}{20}$ часть доходов, на практике ограничивалось добровольными подношениями. Большую часть поступлений в казну хана и султанов

³⁷ История Казахской ССР... Т. 2. С. 248—251.

³⁸ Юдин В. П. [Рецензия] // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1965. № 2. С. 82. Рец. на кн.: Мугинов А. М. Описание уйгурских рукописей Института народов Азии АН СССР. М., 1962.

³⁹ Султанов Т. И. Указ. соч. С. 25.

⁴⁰ См.: Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей // Этнографические известия. СПб., 1832. Ч. 3. С. 3—4; Зиманов С. З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958. С. 21.

составляли торговые пошлины, пошлины за решения судебных дел, подати, взимаемые с населения городов. Сила власти зависела прежде всего от личных качеств казахских правителей, а также от численности и влиятельности того племени или рода, которым они непосредственно управляли⁴¹.

Сравнивая степень развития государственности Казахского и Джунгарского ханств, можно сделать вывод, что уровень ее в государстве западных монголов был значительно выше, действовала она более эффективно, опираясь на разветвленный и сравнительно многочисленный аппарат, имея в своем распоряжении необходимые материальные и людские ресурсы. Это обстоятельство, безусловно, играло значительную роль в джунгаро-казахских отношениях, позволяя ойратским феодалам в более короткие сроки организовывать военные вторжения или оказывать сопротивление неприятелю.

Активизация внешней политики ойратов в Казахстане и Средней Азии

Объединение ойратских племен в единое государственное образование под главенством ханов из дома Чорос привело к усилению внешнеполитической активности западных монголов. При этом острие их внешней политики после общемонгольского съезда 1640 г. повернулось в сторону Казахстана. Приход к власти в Джунгарии Батура-хунтайджи по времени почти совпал с началом правления в Казахстане предприимчивого и энергичного сына Есима Джангира (1629—1680). Перед тем, как стать ханом и возглавить борьбу против джунгар, Джангир испытал горечь поражений и плена. В русских документах того времени об этом говорится следующее: в 1635 г. в Тобольск приехал татарский князек Абак, который, со слов ойратов, рассказал, что «чорные колмаки тайши: Талай-тайша, да контайша, да Кужи-тайша, да Тоургоча-тайша со всеми черными колмаки сошлись Казахьи орды с людьми и был де у них бой великой. И черные де колмаки Казахьи орды людей побили и взяли у них царевича Янгыра, Ишимова сына, а Ышим в Казахьей орде был царь, и тот де

---

⁴¹ Вяткин М. П. Батыр Срым. М.; Л., 1947. С. 93—98.

царевич в черных калмаках». При этом Абак добавил, что, видимо, ободренные этим успехом «и иные черные колмаки, те же тайши Талай-тайша с товарищи пошли опять войною на Казачью орду»⁴².

Невольными свидетелями этого второго похода ойратов в Казахские степи стали русские послы — казачий атаман Гаврила Ильин со спутниками, — отправленные тобольским воеводой М. Темкиным-Ростовским к Далаю-тайше с требованием добиться выдачи захваченных ойратами под Тюменью и Тарой пленных. «И при нем де (Г. Ильине), государь, — писал позже сменивший на посту тобольского воеводу М. Темкина-Ростовского воевода П. И. Пронский в Сибирский приказ, — Талай-тайша со многими колмацкими тайши ходили в поход Казачьи орды против Яныбека-царя»⁴³. И на этот раз поход был для ойратских феодалов успешным. В следующем году ойраты нанесли поражение хотогойтам⁴⁴.

Образование Джунгарского ханства и одержанные в это время ойратскими армиями победы в Казахстане, Монголии, Восточном Туркестане подняли международный авторитет Батура-хунтайджи, сделали его ставку одним из важнейших политических центров Центральной Азии. Побывавший в конце сентября 1640 г. в ставке хунтайджи сын боярский Меньшой Ремезов сообщал, что «были у контайши в те поры ...Ильден-тайша, Урлюков сын, да четверы послы бухарские, Казачьи орды Янгиря-царевича, да Далай-лабы...»⁴⁵. Вскоре, однако, Батуру-хунтайджи пришлось испытать тяжесть поражений.

Зимой 1643 г. ойратские владетельные князья, примкнувший к ним сын Алтын-хана Омбо-Эрдэни, во главе с ханом двинулись в Казахстан, ограбив по пути кочевья киргизов. Узнав об этом, Джангир с небольшим по численности отрядом, по сведениям Г. Ильина в 600 человек, двинулся навстречу. Как разворачивались события дальше, свидетельствуют показания очевидцев: «...И Янгир де, покопав шанцы меж каменем, и в те шанцы посадил 300 человек с вогненным боем, а сам с

⁴² Русско-монгольские отношения. 1607—1634. Сб. документов: В 2 т. М., 1974. Т. 1. С. 278.

⁴³ Русско-монгольские отношения. 1636—1654. М., 1974. С. 174.

⁴⁴ Там же. С. 175—179.

⁴⁵ Там же. С. 207.

тремя стами став в прикрытье за каменем. И кон де тайша с воинскими людьми приступил к шанцам и шанцов де у контайши побили многих людей. И с другую де сторону на нево ж контайшу приходил с воинскими людьми сам Янгир и побил де у контайши на тех дву боях людей тысяч с десять». Вскоре к казахам пришло подкрепление в лице известного узбекского бека Ялантуша с 20 тысячами войска. Батуру-хунтайджи с огромной 50-тысячной армией пришлось отступить⁴⁶.

Это поражение в войне с казахами, отмечал И. Я. Златкин, имело важные последствия для ойратского общества. Батур-хунтайджи решил расправиться с теми ойратскими князьями, которые не приняли участия в походе против Джангира. В Джунгарии вспыхнули феодальные усобицы⁴⁷.

Стремясь во что бы то ни стало отомстить Джангиру и Ялантушу, Батур-хунтайджи пытался заключить военный союз с ханом волжских калмыков Хо-Урлюком, «чтоб де Урлюк-тайша дал ему, контайше, людей своих на помощь и велел бы де людям своим итти на Кунделен-тайшу войною. А он де контайша, пойдет з другую сторону на Янгир-царевича и на Алантуша для того, что де с ним, контайшею, Кунделен-тайша на Янгир и на Ялантуша войною сам не ходил и людей своих не посылал и стоит за Янгир и называет его названным сыном»⁴⁸. Однако послы хунтайджи к волжским калмыкам по дороге были перехвачены людьми Хунделен-тайши, одного из наиболее влиятельных ойратских владельцев, родного брата главы хошоутов Байбагаса (Байбагиша)-тайши. Между тем Хо-Урлюк в одном из многочисленных сражений калмыков с горцами Северного Кавказа в 1644 г. был убит. Таким образом, попытка нанести удар по Казахскому ханству одновременно с двух сторон оказалась неудачной.

Несмотря на это, а также на открытое противодействие ряда влиятельных владельцев во главе с Хунделеном, придерживавшихся проказахской ориентации, Батур-хунтайджи приступил к подготовке нового похода в Казахстан. И. Я. Златкин в связи с этим привел факты закупки оружия ойратами у тюркских народов Сибири: представители ханской власти в Кузнецком

⁴⁶ Русско-монгольские отношения. 1636—1654. С. 239.

⁴⁷ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. С. 130—131.

⁴⁸ Русско-монгольские отношения. 1636—1654. С. 234, 239.

уезде «у государевых ясачных людей покупают куяки (кольчуги), и шеломы, и стрелы, и копыя, и всякое железо», в больших количествах лошадей, «потому что у него лошади на боях побиты». Он полагал, что вследствие борьбы Батура с Хунделеном поход Джунгар на казахов весной 1645 г. не состоялся и что «очередная ойрато-казахская война началась в 1652 г.»⁴⁹

Мнение это не соответствует действительности. Так, в статейном списке посланца к джунгарам тобольского сына боярского Данилы Аршинского, ездившего в Джунгарию в 1646 г., говорится: «А до их де, Данилова с товарищи, приезду ходил контайша войною в Казачью орду на Янгира царевича и многих людей побил, да и брата Янгирова с женою и з детьми и со многими людьми в полон взял»⁵⁰. Сразу после возвращения из этого похода состоялась схватка между Батуром и Хунделеном. Тот же Данила Аршинский сообщал, что «как де с того бою контайша поехал назад и ево, контайшу, встретил не доехав до улусов ево за два дни Кунделен-тайша со многими воинскими людьми и тут у них был бой... да за тем боем меж себя помирились»⁵¹.

Этот поход 1646 г. на казахов был одним из последних в годы правления в Джунгарии Батура-хунтайджи. Трудно определить, с какой стороны исходила инициатива мирных переговоров, тем не менее они состоялись, и между двумя наиболее сильными кочевыми государствами Центральной Азии на некоторое время воцарился мир. Ойратский посол Хорохай Далдин в 1647 г. сообщал томским властям, что «была де у контайши война с черными ж колмаками с Кунделеном-Убашою. Да он же бился с Казачьею ордою и после де с ними помирился докаместа от них задору не будет»⁵². Возможно, что определенное давление на Батура оказал Хунделен-тайша, связанный узами дружбы с Джанги-ром.

Борьба между Джунгарским и Казахским ханствами в этот период велась с переменным успехом для двух сторон, однако ойратам удалось захватить и удержать за собой небольшую восточную часть Семиречья, ранее принадлежавшую казахам⁵³. Так было положено нача-

⁴⁹ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. С. 131—132.

⁵⁰ Русско-монгольские отношения. 1636—1654. С. 277.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 306.

⁵³ Там же. С. 239.

до территориальным захватам ойратских феодалов в Казахстане.

Большую роль в сражениях с джунгарами сыграл Джангир, которого за личную храбрость казахский народ прозвал «Салкам» («Внушительный»). Активными союзниками казахов в отражении наступления ойратских феодалов были некоторые узбекские владельцы и киргизы Тянь-Шаня. Киргизы, как правило, первыми подвергались нападению со стороны ойратских войск⁵⁴. Например, в ойратской версии биографии Зая-Пандиты отмечается, что в 1652 г. глава хошоутов Цэцэн-хан совершил поход против киргизов Тянь-Шаня. В походе участвовал его 17-летний сын Галдама, герой ойратских героических легенд и преданий. «В память союза киргизов и казаков,— указывал Ч. Валиханов,— Ишим построил в Ташкенте башню, которая существует до сих пор и называется «Синий купол Кукема», так звали влиятельного киргизского родоначальника, союзника хана Есима⁵⁵.

Смерть Батура-хунтайджи, последовавшая в период между 1653—1655 гг., ослабила напряженность во взаимоотношениях Джунгарского ханства с Казахским ханством. Некоторое время ойратские феодалы были заняты исключительно внутренними делами. У Батура-хунтайджи осталось 11 (по другим данным — 12) сыновей⁵⁶. По мнению большинства исследователей, ханский трон после смерти Батура достался его старшему сыну Сенге, в связи с чем Батур-Убаши-Тюмен в своем «Сказании о дербен-ойратах» замечал: «Хунтайджи Батур разделил своих подвластных на две равные части: одну половину отдал одному сыну (Сенге), а другую половину прочим восьми сыновьям своим (Галдан был десятый сын)»⁵⁷. Многочисленные братья Сенге, считая себя несправедливо обойденными, попытались силой перераспределить отцовское наследство⁵⁸. Джунгария фактически распалась на ряд враждующих между собой феодальных группировок.

---

⁵⁴ Там же. С. 237.

⁵⁵ Валиханов Ч. Ч. Записки о киргизах // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 2. С. 77.

⁵⁶ Русско-монгольские отношения. 1636—1654. С. 302, 305.

⁵⁷ Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. С. 37.

⁵⁸ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. С. 136.

Чтобы укрепить свое положение, Сенге занялся решением внешнеполитических вопросов. В начале 1658 г. ойратские войска нанесли тяжелое поражение армии Бухарского ханства. Битва произошла на р. Талас. По сведениям, собранным А. М. Позднеевым, в начале 1658 г. бухарский военачальник Абаду-Шукур с 38-тысячным войском прибыл на р. Талас. В юго-западных районах Джунгарии кочевал хошоутский князь Галдама. Собрав 3000 воинов, ойратский князь неожиданно напал на противника в урочище Хулан-Чилин и разбил его, взяв при этом в плен одного из бухарских военачальников Шак-Хозо, «который во главе 300 богатырей стоял отдельным лагерем»⁵⁹. Другими источниками мы не располагаем и поэтому воссоздать подлинную картину этого сражения пока не представляется возможным. Так вновь начались вторжения ойратов в Казахстан. Мир, заключенный между Джангиром и Батуром-хунтайджи, оказался недолговечным. По некоторым данным, во время возобновившихся джунгаро-казахских столкновений и взаимных набегов казахи захватили одного из сыновей Батура — Ончона, также считавшегося претендентом на ханский престол в Джунгарии. Они вылечили его от оспы и через три года возвратили в Джунгарию⁶⁰.

Власть Сенге была непрочной и, по мнению многих исследователей, не распространялась даже на все племя Чорос. «Сэнгэ,— отмечал А. М. Позднеев,— никогда не был подобно своему отцу владыкою Ойратского союза. Можно думать, что спустя шесть-семь лет по смерти Батур-хун-тайчжия Сэнгэ достиг того, что сделался правителем зюнгарских родов. Выше этого его значение никогда не поднималось»⁶¹. В разгоревшейся борьбе между ним и его старшими братьями от другой матери (Цэцэном и Цзотбой) успех оказался на стороне последних. В 1670 г. Сенге был убит ими. Однако, вопреки их расчетам, верховная ханская власть перешла к энергичному и предприимчивому родному брату

---

⁵⁹ Позднеев А. М. Образцы народной литературы монгольских племен. Спб., 1880. С. 147.

⁶⁰ Гербилон И. Ф. О Великой Татарии // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. Спб., 1785. Ч. 1. С. 277—301.

⁶¹ Позднеев А. М. К истории зюнгарских калмыков // ЗИРГО. Спб., 1887. Т. 10. Вып. 2. С. 8.

Сенге Галдану (1671—1697). Сняв с себя с разрешения Далай-ламы духовный сан служителя ламаистской церкви, он нанес убийцам молниеносный удар и провозгласил себя ханом Джунгарии⁶².

Первые годы правления Галдана были наполнены борьбой с соперниками, укреплением государственности, восстановлением отношений с Русским государством и Цинским Китаем⁶³. Характеризуя политику Галдана в этот период, А. М. Позднеев подчеркивал, что без учета внешнеполитических факторов, и прежде всего экспансии Цинского Китая в Халхе, нельзя дать объективную оценку деятельности нового хана. Галдан, указывает русский монголовед, «видел, что одно средство спасти Монголию от ига китайцев — соединить раздробленные участки под властью одного. Для чего он употребил оружие и обратил его против тех князей, которые признали себя данниками Китая. Сначала отнял владения у хошотского хана, брата Гуши-хана, в 1678 г. напал на Очирту-Цецен-хана, владевшего западной частью Южной Монголии от Ордоса до Хухунора, разбил его и умертвил...»⁶⁴.

В конце 70-х гг., продолжая политику Сенге, Галдан активно вмешался в борьбу черногорских и белогорских ходжей в Восточном Туркестане и установил свою власть над большей частью этой страны⁶⁵. Господство над уйгурскими полисами укрепило экономическое положение Джунгарии. Не случайно в русских источниках отмечалось, что «контойши у бухарских отложившихся владельцев несколько городов взял и богатым местом завладел, в нынешнее время передо всеми народами разсеянными между Индиєю, Китаями, Сибирью, Россиею и Персиею сильнее стал и ружья и пороху имеет довольно и хлеб заводит, чего никогда у них не бывало»⁶⁶.

---

⁶² Кычанов Е. И. Повествование об ойратском Галдане-Бошокту-хане. Новосибирск, 1980. С. 37—38.

⁶³ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. С. 159—183.

⁶⁴ Архив востоковедов ЛОИВ СССР, ф. А. М. Позднеева, оп. 1, д. 169, л. 3—3 об.

⁶⁵ Кузнецов В. С. К вопросу о владычестве Джунгарского ханства над Восточным Туркестаном // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 1970. Вып. 5.

⁶⁶ ЦГАДА, ф. Правительствующий Сенат, оп. 113/1. 1731 г., д. 743, л. 250. В русских документах того времени Восточный Туркестан фигурирует под названием «Малая Бухария».

Опираясь на материальные ресурсы Восточного Туркестана, покоренных к тому времени ойратами народов Сибири, Галдан в начале 80-х гг. начал военные действия против Казахского ханства и государственных образований Средней Азии. «Со второй половины Х. П. в. ... — отмечал советский исследователь истории народов Средней Азии П. П. Иванов, — связано продвижение новой волны калмыков на северо-восточные окраины Средней Азии, что вызвало за собой общее продвижение кочевого населения по направлению к центральной полосе среднеазиатского района»⁶⁷. Общая численность воинов, которых могли выставить среднеазиатские владения, прежде всего Бухара и Казахское ханство, превышала численность армии джунгар. В русских источниках отмечалось, что «в Бухарской земле собирается ратных людей с туркестанцы и каракалпакки и с казаки с полтораста тысяч и болши, а балховского царя собирается ратных людей меньше бухарского вполы. А конные бухарские и балховские ратные люди к бою незаобычны и плохи, а надежные люди к бою в Бухарской земле туркистанские казаки и подданные бухарскому царю царевичи каракалпакские. А собирается каракалпаков и казаков с пятьдесят тысяч. А ходят на помочь к бухарскому царю пополам, потому, что опасают улусов своих от черных калмык, что под китайским городом»⁶⁸. Численность ойратской армии исследователи определяют в 100 тыс. воинов⁶⁹.

В начале 80-х гг. ойратская армия под командованием Галдана вторглась в Семиречье и Южный Казахстан. В одном из сражений погиб казахский хан Джангир. Согласно ойратским преданиям, он погиб в единоборстве с хошоутским тайшой Галдамой⁷⁰. Несогласованность в действиях казахских, бухарских и киргизских владельцев, стремительность и сила джунгарского вторжения привели к разгрому целого ряда казахских улусов, захвату некоторых полисов бассейна

⁶⁷ Иванов П. П. Очерки истории каракалпаков // Труды Института востоковедения. М.; Л., 1935. С. 7. С. 40.

⁶⁸ Наказ Борису и Семену Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенч. 1669. // Русская историческая библиотека. Спб., 1894. Т. 15. С. 61.

⁶⁹ Унковский И. Посольство к зюнгарскому хун-тайжжи. С. 194; ЦГАДА, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1744 г., д. 1, л. 43 об.

⁷⁰ Позднеев А. М. Образцы народной литературы монгольских племен. С. 147.

р. Сырдарьи. Автор «Тарих-и Амнийя» («История спокойствия и безопасности») Молла Муса бен Молла Айса-ходжа Сайрами писал, что в это время власть ойратского хана распространилась до Ташкента. Сопротивление жителей Сайрама, поднявших восстание и убивших оставленных Галданом наместника и небольшой отряд воинов, привело к повторному вторжению ойратской армии в Южный Казахстан в 1684 г., взятию и жестокому разграблению Сайрама. Часть уцелевших во время резни жителей была уведена в Джунгарию и Восточный Туркестан⁷¹.

По мнению П. П. Иванова и некоторых других исследователей, именно со времени этого погрома Сайрам потерял значение политического и экономического центра Казахстана и Средней Азии и стал приходить в упадок⁷².

Это вторжение по своему характеру отличалось от всех предыдущих. Ойратские феодалы пытались закрепить и собрать дань с жителей городов Средней Азии и Казахстана. Более того, как свидетельствуют новые документы, были и другие причины, побуждавшие Галдана предпринять столь широкомасштабное вторжение.

В марте 1691 г. послы Галдана Аюка-Кашка и Очин-Кашка рассказывали иркутскому воеводе Л. И. Кислянскому о причинах войны их повелителя с казахами следующее: «Посылал ду Бушухту-хан в Казахью орду, чтоб они съединачились (объединились.—В. М.) и веровали с ним, калмыцким Бушухту-ханом и с оными орды в одного их ламу, оттого де с ними учинилась и ссора, потому что они не похотели по калмыцки в Далай-ламу веровать и за то де у них были бои великие...»⁷³. Из этих сообщений видно, что объединительная и законотворческая деятельность нового казахского хана Тауке вызывала серьезную обеспокоенность джунгарского хана Галдана, попытавшегося вооруженным путем не допустить укрепления Казахского ханства. Вполне достоверным, на наш взгляд, является свиде-

---

⁷¹ МИКХ. Пер. и коммент. В. П. Юдина. Алма-Ата, 1969. С. 486, 487.

⁷² Иванов П. П. К вопросу об исторической топографии старого Сайрама // В. В. Бартольд — туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927. С. 153.

⁷³ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, оп. 1, д. 544, л. 210.

тельство о том, что Галдан пытался побудить казахских владетелей и население принять ламаизм. Не следует забывать, что Галдан много лет провел в центре ламаизма — Лхасе, собиравшись посвятить жизнь служению Шакьямуни и впоследствии поддерживал с Далай-Ламой V Агван-Лобсан-Чжамцо (1617—1682) и его регентом Дэсрид-Санчжай-Чжамцо (1653—1705) тесные отношения⁷⁴.

Согласно показаниям этих послов, войсками Галдана были захвачены девять городов, ранее признававших власть казахского хана Тауке, среди них «кроме де Ясу, другой город Сайрам, третей Менкент, четвертой Харасман, пятой Чнынгэт, шестой Текек, седмой Бабан Елган, осмой Харамурол, девятой Ташкент, десятой Чинак, а одиннадцатому де городу зов забыли, а стоит де на реке Цырцект...»⁷⁵. Осаде не подверглись лишь города Ясы (Туркестан) и Ташкент. Туркестан — в результате того, что там находился с основными войсками сам хан Тауке, а Ташкент — потому, что жители его добровольно признали власть ойратского хана. «Те де вышеописанные девять городов, — сообщали Аюка-Кашка и Очин-Кашка, — и в городех двory разбиты все и люди развоеваны от Бушухту-хана их, а ис тех де десятой городок Ташкент остался в целости для того, что де учинились они, того городка люди, Бушухту-хану их в подданство и дали с себя ясак»⁷⁶. Кроме того, по их сведениям, джунгары взяли в плен одного из сыновей Тауке по имени Солтон (возможно, это не имя, а звание султана), которого отправили в Лхасу к Далай-ламе. Это доказывает серьезность намерений Галдана насадить среди казахов ламаизм. «И тот де Салтон и до днесь (до сего времени. — В. М.), — говорили послы, — у Далай-ламы живет, а живет де он по воле и дает де ему (Далай-лама. — В. М.) честь достойную»⁷⁷.

Захватив обширные районы Южного Казахстана и часть Средней Азии, Галдан не двинул свои войска в глубь Средней Азии. Это дало основание автору «Муким-ханской истории» заявить: «Калмыцкий народ, по численности больший чем муравьи и саранча, более

⁷⁴ См.: *Кычанов Е. И.* Повествование об ойратском Галдане-Бошукту-хане. Новосибирск, 1980.

⁷⁵ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, оп. 1, д. 544, л. 212.

⁷⁶ Там же, л. 213.

⁷⁷ Там же, л. 210.

дерзкий и бесстрашный чем лев и тигр, выступив против нас, понес наказание»⁷⁸. Вовсе не мифическим поражением от бухарского хана Субханкули (1680—1702) объясняется уход ойратских войск из занятых городов. Галдан решил активно вмешаться в события, разыгравшиеся в первой половине 80-х гг. в Халхе, связанные с возникновением феодальных усобиц между Дзасакту-ханом Цэнгуном и Тушету-ханом Чихунь-Доржи⁷⁹. Галдан, стремясь к объединению всех монгольских земель под своей эгидой и предотвращению присоединения Монголии к Цинской империи, в 1688 г. с 30-тысячной армией вторгся в Халху, нанес поражение Чихунь-Доржи и другим северо-монгольским князьям и столкнулся с Цинской империей⁸⁰.

Сразу же после ухода Галдана в Халху в Джунгарии произошли важные события, в известной мере предопределившие исход борьбы Галдана с Цинской империей. Во-первых, Джунгария была атакована казахским ополчением, разорившим ряд приграничных ойратских кочевий, во-вторых, произошел захват власти в стране племянником Галдана — Цэван-Рабданом. В свое время, преследуемый дядей, он бежал в Уч-Турфан, и теперь решил воспользоваться ситуацией и занять ханский трон. Присланные в 1691 г. в Томск ойратские послы Манжи-Иштемин и Шара-Ензан сообщали, что «как де пошел Бошекту-хан в Мугалскую землю, а ургу свою оставил на речке Кобыде (Кобдо.— В. М.), и после де ево Бошекту-ханя пришел в ургу было Чаган-Араптан и ургу ево, Бошекту-ханову, он, Чаган-Араптан, взял себе...»⁸¹.

В ходе ожесточенных сражений с цинскими войсками Галдан потерпел поражение и в 1697 г. покончил с собой⁸². После его гибели в развитии джунгаро-казахских отношений наступил новый этап.

---

⁷⁸ Мухаммед-Юсуф-Муниш. Муким-ханская история / Пер. с тадж., предисл., примеч. и указат. А. А. Семенова. Ташкент, 1956. С. 144.

⁷⁹ Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М., 1974.

⁸⁰ Подробно см.: Златкин И. Я. История Джунгарского ханства; Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии. М., 1983.

⁸¹ ЦГАДА, ф. Зюнгорские дела, оп. 1. 1595—1736 гг., д. 1, л. 7; ААН, ф. Портфели Г. Ф. Миллера, оп. 4, д. 18, л. 422.

⁸² Гонгор Д. Ойратский князь Галдан-Бошигт // Современная Монголия. 1967. № 3. С. 19.

Факты свидетельствуют, что образование Джунгарского ханства повлекло за собой усиление ойратского давления на Казахстан, Киргизию, отчасти на Бухарское ханство. От обыкновенных в период средневековья грабительских набегов ойратские ханы перешли к территориальным захватам казахских земель и включению их в состав Джунгарского государства. После походов Галдана в Казахстан и северные районы Средней Азии в начале 80-х гг., подчеркивал В. В. Бартольд, «власть калмыков в Семиречье, насколько известно, никем не оспаривалась и многочисленные войны их с казаками, монголами и китайцами не имели отношения к этой области»⁸³. В период правления Галдана ставка ханов и основные кочевья были перенесены с Иртыша в бассейны р. Или при впадении в нее р. Текес.

С другой стороны, в противостоящем ойратам лагере предпринимались попытки создания антиджунгарской конфедерации. К союзу между казаками и киргизами начали присоединяться владетели Бухары⁸⁴, в результате чего, например, было отражено вторжение войск Батура-хунтайджи в 1643 г. Однако такого рода союзы были недолговечными и непрочными, что позволяло ойратским ханам разбивать своих противников поодиночке.

---

⁸³ Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Собр. соч.: В 9 т. М., 1961. Т. 2. Ч. 1. С. 98.

⁸⁴ Бурковский А. Ф. Борьба киргизского народа за свою независимость в первой пол. XVIII в. // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975. С. 77—78.

Глава третья

БОРЬБА КАЗАХСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ДЖУНГАРСКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ И НАЧАЛО ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАЗАХСТАНА К РОССИИ (КОНЕЦ XVII — ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XVIII в.)

Борьба народов Казахстана и Средней Азии с нашествиями джунгарских феодалов

В конце XVII — начале XVIII в. казахские жузы располагались на обширной территории от Тобола и Иртыша на севере до Ташкента включительно на юге, от реки Эмиль на востоке до Сырдарьи на западе¹.

Внутриполитическое и экономическое положение казахских жузов в это время было сравнительно устойчивым. Достаточно сказать, что казахские феодалы к 1695 г. владели 32 городами². Огромная заслуга в объединении казахских феодальных владений в единое, хотя и непрочное государственное образование, принадлежала создателю знаменитого кодекса законов Жеты-жаргы — Тауке (1680—1715).

Годы правления Тауке, безусловно, занимают особое место в казахской истории. Это был «Золотой век» прекращения губительных феодальных усобиц и мощного отпора неприятелям, век относительного господства законов, развития экономики и процветания торговли. «При имени Тауке,— писал А. И. Левшин,— сердце казаха наполняется благоговением и признательностью. Это Ликург, это Дракон орд казачьих. Он успокоил их после гибельных междоусобиц, он остановил кровопролития, продолжавшиеся несколько лет от распрей одних племен с другими, он убедил всех умом и справедливостью повиноваться себе; он соединил слабые роды

---

¹ Сабырханов А. Некоторые вопросы формирования этнической территории казахского народа (XVIII в.) // Вестник АН КазССР. 1977. № 3. С. 63.

² Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР // Труды Историко-археологического института и Института востоковедения. Л., 1932. Вып. 3. Ч. 1. С. 263—265.

вместе для сопротивления сильным, а сильные усмирил, и дал всем вообще законы, по которым судил их»³.

В годы правления Тауке в Казахском ханстве усилились централизаторские тенденции, высшим органом, решающим жизненно важные для всего казахского народа вопросы, стали регулярно созываемые собрания представителей всех жузов. «Все три орды,— указывал Н. И. Гродеков,— ежегодно собирались для совещаний (маслагат) на холме Мартубе (в горах около Сайрама). Предметами совещаний служили вопросы о том, где зимовать, где летовать, как достигнуть спокойствия (бунтак тынчыймыз) и как воевать»⁴. Огромным влиянием пользовались в эти годы бии Толе Алибеков в Старшем жузе, Казбек-бий в Среднем и Айтак в Младшем. Но все они признавали над собой верховную власть Тауке, избравшего своей столицей г. Туркестан. В последние годы правления Тауке русские источники вторым в политической иерархии Казахстана называют султана, а впоследствии хана Кайпа, сына Тауке: «Казачьи орды большей их Кайп-салтан».

После смерти Тауке⁵ в Казахском ханстве усилились центробежные тенденции и преемнику Тауке — Кайпу становилось все труднее пресекать сепаратистские устремления ханов и султанов. Единое ханство вновь распалось на несколько рыхлых государственных образований, хотя в целом и совпадавших с традиционным делением на жузы.

Еще более сложным и неустойчивым было политическое положение в Средней Азии. «XVIII век,— отмечал академик В. В. Бартольд,— был для всей мусульманской Азии веком политического, экономического и культурного упадка»⁶. Это было время быстрого роста

³ Ликург — знаменитый законодатель IX—VIII вв. до н. э. в древнегреческом рабовладельческом государстве — Спарте. Драконт (Драконт) — составитель одного из первых сводов законов в Афинах VII в. до н. э., отличавшихся особой жестокостью. *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей // Этнографические известия. СПб., 1832. Ч. 3. С. 63—64.

⁴ *Гродеков Н. И.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Юридический быт. Ташкент, 1889. С. 25.

⁵ В русских документах имя Тауке не встречается в 1716 г. Поэтому есть основания предполагать, что Тауке умер не в 1718 г., а в 1715 г., о чем неоднократно писали многие историки. См.: *МИУТТ. Л.*, 1932. Ч. 1. С. 64. Примеч. 3.

⁶ *Бартольд В. В.* История Туркестана. Собр. соч.: В 9 т. М., 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 164.

крупного феодального землевладения и как следствие — ускорение процесса феодальной раздробленности. На политической карте Средней Азии насчитывалось около десятка крупных самостоятельных феодальных владений. Наиболее сильным из них в рассматриваемый период было Бухарское ханство.

Междоусобные войны разоряли край, приводили к массовой гибели населения. Попытки ханов силой расправляться с непокорными феодалами нередко превращались в избиение ни в чем неповинных людей. Во время очередного карательного похода войск Убайдуллы-хана, по свидетельству очевидцев, «для населения Балха тот день стал днем Страшного суда и смятием Второго пришествия и оно воочию увидело ужасы кончины мира на этой земле...»⁷.

В период правления последнего представителя династии аштарханидов Абулфенза (1711—1747) Бухарское ханство фактически распалось на ряд самостоятельных, независимых друг от друга и от ханской власти владений. Феодальная анархия достигла своего апогея. От Бухары отделились Фергана, Самарканд, Ташкент, Балх и другие города и области. Посол Петра I в Персию в 1718—1725 гг. Флорио Беневени, надолго задержанный в Бухаре, писал в одной из своих реляций царю: «Бухарское владение в крайнем разорении — везде разбой и везде бунты. В тамошних как нынешних, так и прежних хана бухарского областях, именно в уезде Балхском, Бадакшанском, Хисарском, Ходжентском и Туркестанском, Антхой, також и Кутнам и прочие пограничные места — все отстали от Бухарского владения, имеют особливых ханов и владельцев»⁸. В самой Бухаре власть хана была ограничена всеилием его чиновников. «Власть бухарского хана,— подчеркивал советский историк П. П. Иванов,— фактически не простиралась за пределы столицы, будучи и здесь ограничена постоянным контролем и вмешательством главного ханского сановника — аталыка, назначавшегося из числа узбекских феодалов»⁹. Особенно острой и

---

⁷ Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVII — первой половине XIX века. Ташкент, 1966. С. 136, 154.

⁸ Посланник Петра I на Востоке. М., 1986. С. 123.

⁹ Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии. М., 1958. С. 90.

ожесточенной была борьба между Абулфензом и захватившим власть в Самарканде Раджабом»¹⁰.

В соседней Хиве, соперничавшей с Бухарой, к концу XVII в. также происходили кровавые «игры в ханов». Достаточно сказать, что с 1687 по 1710 г. на хивинском престоле побывало 10 ханов, каждые три года свергаемых крупными феодалами¹¹. Только хан Ширгазы (1726—1728) сумел на некоторое время обуздать своеволие узбекской аристократии. В Средней Азии, таким образом, шла война «всех против всех». По выражению Флорно Беневени, «все генерально драки между собой имеют».

В особом положении находился важнейший политический и торговый центр Средней Азии — Ташкент. По мнению А. И. Добросмыслова, казахи окончательно завладели этим городом еще в первой четверти XVII в. С перерывами их владычество продолжалось фактически до начала 40-х гг. XVIII в., до времени усиления Кокандского бекства. Казахские ханы и султаны редко вмешивались в управление внутренними делами города и его округи и ограничивались сборами дани; проживая, как правило, в степи, бывали в городе наездами. В марте 1734 г. ташкентские купцы Нурмухаммед и другие рассказывали в Оренбургской экспедиции, что «ханы кайсацкие и их ближние люди, кто которым города пожалованы, ясак берут с сартов, живущих в городах и уездах, деньгами с товарами, а по скольку чего — о том не знает, токмо в уезде от хлеба пятую, а инде и десятую долю, и скот — коров и овец. А к тем сборам определяют кайсаки своих сборщиков, а ташкентский магистрат, дает от себя во все города старшин, чтобы при них собирали и никаких обид не делали, однако ж кайсаки многих побивают до смерти, но на то несмотря, права своего не теряют, новых выбирая, посылают, а о убитых от ханов никакой управы получить не могут»¹².

В нижнем и среднем течении р. Сырдарьи жили

---

¹⁰ История Узбекской ССР: В 2 т. Ташкент, 1967. Т. 1. С. 561.

¹¹ Иванов П. П. Указ. соч. С. 91.

¹² Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк // Туркестанский кружок любителей археологии. Ташкент, 1911. Вып. 1. С. 11, 18. Ряд других исследователей, в том числе советский историк Ю. Соколов, считают, что Ташкент оказался под властью казахских феодалов гораздо позже, в 1642 г. См.: Соколов Ю. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965. С. 188.

каракалпаки. Они вели полукочевой образ жизни, занимались скотоводством, земледелием и рыболовством. В политическом отношении они также находились в зависимости от казахских ханов, которым обязаны были ежегодно платить дань хлебом, участвовать в военных набегах на соседей, собирать в пользу своих сюзеренов пошлину с проходящих по их землям торговых караванов¹³.

Таково было в самых общих чертах политическое положение в Казахстане и Средней Азии к тому времени, как ойратские феодалы от отдельных незначительных вторжений приступили к организации широкомасштабных военных действий, а затем и захватническим войнам против казахов, киргизов и других народов Средней Азии.

Несмотря на тяжелое поражение Джунгарского ханства в войне против Цинской империи в 1690—1697 гг., значительные территориальные и людские потери, в том числе гибель самого хана Галдана-Бошокту, «ойратское государство оказалось достаточно жизнеспособным, чтобы не развалиться под напором бурных событий периода правления Галдан-Бошокту-хана»¹⁴. Вставший еще при жизни Галдана во главе государства его племянник Цэван-Рабдан (1697—1727) энергично принялся за дело укрепления ханства, повернув острие своей внешней политики в сторону Восточного Туркестана, Казахстана, Средней Азии и Южной Сибири¹⁵. В короткий срок Цэван-Рабдан вновь вернул Джунгарию ее бывшее могущество. Отчасти этому способствовали обстоятельства, сложившиеся в ее отношениях с восточным соседом — Китаем. Цинский двор, расправившись с Галданом, рассчитывал дипломатическим путем заставить его преемника на ханском троне признать власть богдыхана.

В одной из бесед со своим чиновником по дипломатическим делам Баочжу в 1717 г. император Канси отмечал, что «по истреблении Галдана по праву оружия

---

¹³ Камалов С. К. Каракалпаки в XVIII—XIX веках. Ташкент, 1968. С. 25—30; Материалы по истории Узбекской, Таджикской, Туркменской ССР. С. 266.

¹⁴ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. М., 1983. С. 213.

¹⁵ Позднеев А. М. К истории зюнгорских калмыков. Спб., 1887. С. 15.

и подданные его должны были принадлежать мне. Но я по единому к Цэван-Рабданю снисхождению, дабы усилить его против неприятелей хасаков (казахов.— **В. М.**), всех оных Галданевых подданных уступил ему»¹⁶.

А. М. Позднеев полагал, что Цэван-Рабдан возвратился из Турфана в Джунгарию в конце 1688 г. или в начале 1689 г. «Когда Цэван-Рабдан узнал, что Галдан находится со своими войсками в Улан-Бутуне, то он поспешил туда с отрядами зюнгаров, расстроил стан Галдана, захватил его жену, детей, людей и много скота, через что Галдан был значительно обессилен»¹⁷.

В ставку молодого правителя джунгар неоднократно направлялись цинские послы и пытались доказать ему преимущества вассальной жизни. Вот образчик речи, которую держал перед владельцем ойратов в 1703 г. посол императора Канси Баочжу: «Спроси себя,— говорил он Цэван-Рабдану,— кто такие кукэзорские владельцы? Это славные потомки славного Гуши-хана. Все они, управляя своим народом, мирно проживают в своих кочевьях, сохраняя свои достоинства правителей. Неужели же они хуже тебя? Но за всем тем, благоговей перед отличными добродетелями святейшего государя, они признали над собою его верховную власть, стали наравне со всеми монголами, приняли титулы и достоинства, получают жалование и под благотворным покровительством его величества просто благоденствуют»¹⁸.

Осторожная политика Цэван-Рабдана в сношениях с Цинской империей позволила ему выиграть время, избежать военных конфликтов с маньчжурской династией на протяжении более двух десятков лет, сосредоточив все свои силы против соседних кочевых и оседлых государств на западе. Между тем, всего лишь несколько лет назад Цэван-Рабдан, возвратившись в Джунгарию из Уч-Турфана, где он скрывался от своего дяди, призывал казахских владетелей заключить союз против Галдан-Бошокту, разбитого войсками Цинской империи и

---

¹⁶ АВПР, ф. Библиотека Азиатского департамента, оп. 505, д. 39, л. 175—176.

¹⁷ Позднеев А. М. К истории зюнгорских калмыков. С. 15.

¹⁸ АВПР, ф. Библиотека Азиатского департамента, оп. 505, д. 39, л. 72.

пытавшегося возвратиться в Джунгарию. Русский казак Семен Лавров, бывший тогда в ойратских владениях, сообщал сибирским властям, что «племенник де ево Чаган-Араптан собрался на него Бошту-хана войною, а с ним де Чаган-Араптаном воинских людей тысяч з двадцать и болши, да он же де Чаган-Араптан ссылает послами с китайским богдыханом и Казачьей ордою, чтобы на него, Бошту-хана, заодно итти войною»¹⁹.

Первыми подверглись нападению джунгарских феодалов кочевья казахов. Произошло это после окончания войны с Цинской империей в 1698 г. Объясняя причины вторжения в Казахстан, Цэван-Рабдан писал цинскому императору Канси в 1698 г.: «Я с Хасакскою ордою начал войну не от доброй воли, но по великому принуждению. Причина тому, от чего сия война возросла, есть следующая: прежде сего хасакского хана, Тауке называемого, сын Галданем полонен и от него в подарок к Далай-Ламе послан был». Тауке обратился к Цэван-Рабдану с просьбой возвратить сына, обещая, «что он, Тауке, со мною в союзе и согласии пребывать будет». Цэван-Рабдан забрал сына казахского хана из Лхасы и в сопровождении отряда из 500 воинов отправил его к отцу. «Но он, Тауке,—жаловался хунтайджи,—за сие мое благодеяние вместо благодарности оных моих людей всех до последнего человека наголову побил. Потом моего подданного Урхедей Батур-Тайдзия убил и всех его людей разграбивши в плен к себе отвел». В числе других причин, побудивших его послать свои войска в Казахстан, Цэван-Рабдан назвал нападение казахов на следовавший из Калмыкии в Джунгарию свадебный кортеж, в котором ехала к нему его невеста, дочь хана волжских калмыков Аюки Сетерджаб, а также нападения казахских дружин на ойратских подданных урянхайцев, грабежи джунгарских торговых караванов и т. д. «И понеже оные хасаки многократными своими набегами, грабежом и убийством разорение и неописанный вред мне приключили, то принужден я сила силою отвращать и против них своим войском войною итти»²⁰.

Хан Тауке со своей стороны также мог привести не один пример джунгарских нападений на казахские

---

¹⁹ ААН, ф. 21. Портфели Г. Ф. Миллера, оп. 4, д. 18, л. 424 об.

²⁰ Там же, оп. 5, д. 3, л. 195—196.

кочевья, торговые караваны и поселения. Поэтому совершенно прав был И. Я. Златкин, когда писал, что у нас «нет оснований верить как в благородство и бескорыстие Цэван-Рабдана, так и Тауке. Несомненно, что оба хана имели основание обвинять друг друга в поступках, подобных тем, о которых писал джунгарский хан в письме к Сюань Е (Канси.—В. М.). Война 1690 г. положила начало новой полосе вооруженных столкновений между ойратскими и казахскими феодалами. Именно с этого времени Джунгария стала представлять главную опасность, угрожающую независимости и самостоятельности феодального Казахстана»²¹.

Несмотря на тяжелые поражения в войне с Цинской империей, ойратские феодалы удержали за собой захваченные Батуром и Галданом казахские земли в Семиречье. «Калмаки,— писал Л. А. Гольденберг,— в конце XVII в. были смежны с западной стороны с народами с Казачью ордою по Талаш и по Чуйскую рекам и через камень Улутау»²².

В то же время другие источники сообщают, что, воспользовавшись уходом Галдана в Халху и его поражением в борьбе с Цинской империей, казахи возвратились на свои кочевья по рекам Чу и Талас. Так, ойратский посол Качакбай зимой 1699 г. показал в канцелярии тобольского воеводы М. Я. Черкасского, что год назад «ходил де Эрдени Журукты-контайша на Казачью орду войною и на Чуе и на Талаше реках улусные их кочевья разорил и многих улусных ево (Тауке.—В. М.) людей побил, а тысяч з десять человек в полон взял». Общая численность ойратских войск, вторгшихся в Южный Казахстан, по свидетельству русских людей, очевидцев тех событий, составляла 40 тыс. человек²³.

Не последнюю роль в организации этих вторжений в Казахстан в 1698—1699 гг. играл расчет Цэван-Рабдана захватить скот, продовольствие и другие ценности, чтобы спасти своих подданных от голода²⁴.

²¹ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. С. 215.

²² Гольденберг Л. А. Статья С. У. Ремезова «О калмыках как весьма известном в Сибири народе» // Страны и народы Востока. М., 1976. Вып. 18. С. 228—233; Показания русского посланца к хану Тауке Ф. Скибина в 1695—1697 гг. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. С. 266.

²³ ЦГАДА, ф. Зюнгорские дела, оп. 113. 1699 г., д. 1, л. 1, 2.

²⁴ Батур Убаши-Тюмен. Сказание о дербен-ойратах // Калмы-

Положение в Джунгарском ханстве улучшилось после перекочевки в Джунгарию нескольких десятков тысяч волжских калмыков, в основном торгоутов, и некоторой части хошоутов из Кукунора.

В 1701 г. среди волжских калмыков вспыхнули феодальные усобицы. На этот раз произошло столкновение между Чакдоржапом и Санжипом, с одной стороны, и их отцом, ханом Аюкой,— с другой. Сторону отца принял и другой его сын Гунжеп. После вмешательства царских властей конфликт был улажен, Чакдоржап помирился с отцом и вновь возвратился с Яика на Волгу. «Тогда брат ево Санжип,— говорится в записке Сената по этому делу,— с некоторыми другими их же роду владельцами и с улусами в пятнадцати тысячах кибитках, отстав от Чакдоржапа, отошел к зенгорскому владельцу... А хонтайша, по принятии их к себе, все их улусы раскосовал (расселил.— В. М.) по своим зенгорским улусам, а Санжипа с семью человеки отпустил к хану Аюке»²⁵. Хан Аюка пожалел своего сына и «дал ему на пропитание из убогих калмык двести кибиток. И потом он, Санжип, и с женою своею будучи при Волге, нечаянно и в ночное время сгорел от пороху бывшего в его кибитке»²⁶.

Приход волжских калмыков, общая численность которых составляла, как минимум, 60 тыс. человек, значительно усилил военный потенциал Джунгарии. «Присоединение помянутых торгоутов,— считал А. М. Позднеев,— составляло для Цэвана дело гораздо большей важности, чем таковое же присоединение нескольких поколений Малой Бухары. Точно такими же глазами смотрели на эти события и китайцы»²⁷.

кие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969. С. 37.

²⁵ ЦГАДА, ф. Калмыцкие дела, оп. 1. 1701 г., д. 4, л. 6—7; Бакунин В. М. Описание истории калмыцкого народа // Красный архив. 1939. № 3 (94). С. 199. Эти сведения опровергают мнение Н. Я. Бичурина о том, что уход Санжипа в Джунгарию был санкционирован ханом Аюкой и другими калмыцкими феодалами с целью «военного вспоможения» ойратам. Бичурин Н. Я. Историческое обозрение ойратов. С. 178.

²⁶ Посольство к зюнгорскому хун-тайчжи Цэван-Раптану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы // Документы, изданные с предисловием и примечаниями Н. И. Веселовского. Спб., 1887. С. 21—22.

²⁷ Позднеев А. М. К истории зюнгорских калмыков. С. 18.

Торгоуты были поселены в юго-восточных районах Джунгарии, в районе р. Юлдуз. В ханстве они оказались на положении людей второго сорта, их нещадно эксплуатировали и угнетали. Попытки бежать в Россию или другие страны пресекались самым жестоким образом. Русские источники сообщают, что пойманным беглецам клеймили раскаленным железом щеки и делали специальную татуировку на лбу²⁸. Незадолго до прихода торгоутов «к нему де, контайше, пришли в подданство два калмыцкие тайши ис Коконорские земли, а с теми де тайши улусных их людей тысяч з десять и больше»²⁹.

Столь быстрое усиление Джунгарского ханства, его активная завоевательная политика в Восточном Туркестане³⁰, Казахстане и Средней Азии вызвали серьезную обеспокоенность цинского двора, не терявшего надежды заставить Цэван-Рабдана признать сюзеренитет маньчжурской династии. В 1703 г. император Канси заявил министрам Лифаньюаня, что если «прежде Цэван-Рабдан обнаруживал в своих докладах преданность и благоговение, но после того как был уничтожен Галдан да одержал он победу над хасаками и получил некоторое число военнопленных, он начал мало-помалу переменяться. Теперь, присоединив к себе торгоутов, он час от часу становится надменнее»³¹.

В ответ на вторжение джунгар в 1698 г. казахские феодалы сами организовали несколько нападений. В 1702 г. казахские дружины практически одновременно нанесли удар по Джунгарии и волжским калмыкам. Тобольский сын боярский Матвей Городничий, посланный летом 1702 г. тобольским воеводой князем М. Я. Черкасским к хунтайджи с требованием прекратить нападения на сибирские поселения и возвратить пленных, писал в своем дневнике: «Прибежали де ис Казачьей орды в ургу контайши их беглецы, а сказали они, что Казачьа орда пошла в поход по Иртышу-реке тысячи з

²⁸ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1726 г., д. 2, л. 4 об.

²⁹ Там же. 1739 г., д. 1, л. 272.

³⁰ Кутлуков М. Рукописи и документы по истории Восточного Туркестана в XVI—60-х гг. XIX в. и его взаимосвязи со Средней Азией // Актуальные проблемы советского уйгуроведения. Алма-Ата, 1983. С. 203.

³¹ Позднеев А. М. Указ. соч. С. 19.

7 две и болши, а иные наряжались итти к Ямышеву-озеру и в улус х Кокон-батырю (ойратскому князю.— В. М.)³².

Спустя год стороны попытались договориться о прекращении военных действий. Имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют, что инициатива исходила от казахских правителей. 25 апреля 1703 г. в ставку Цэван-Рабдана, находившуюся на Текесе, прибыл «ис Казачьей орды от Тифтихана и Каип-салтана посол Бокей». Толмачу находившегося в это время в Джунгарии русского посольства П. Гордееву казахский посланец сообщил, что «прислан де он в посланцах х контайше ис Казачьей орды от Тифти-хана и Каип-салтана для мирного договору, чтоб контайша съехатца с Тифти-ханом и Каип-салтаном и на договоре мирность положить»³³. Сведения о том, состоялась эта встреча или нет, источники умалчивают. Однако в последующие несколько лет крупных военных столкновений между Казахским ханством и Джунгарией не было. В какой-то мере это объяснялось сложностью внутри- и внешнеполитического положения западно-монгольского государства, в частности, дипломатическим давлением со стороны цинской династии Китая, пытавшейся заставить Цэван-Рабдана признать подданство маньчжурского императора³⁴.

Новые вторжения ойратских феодалов в Казахстан последовали в 1708 г. «Злополучные неверные калмыки как муравьи и саранча, обчистивши хвосты и копыта своих коней, первым делом обрушились на племена и улусы казахского народа, предавши все потоку и разграблению, большая часть племен и родов казахского народа неверными правителями ...была взята в плен... казахи, племя каракалпаков из страха перед неисчислимым войском неверных калмыков покинули свой исконный юрт и положились на укрепления Ташкента»³⁵. Автор этого сочинения преувеличил последствия вторжения ойратских феодалов в Южный Казахстан, тем не

---

³² АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1739 г., д. 1, л. 264 об.— 265.

³³ Там же, л. 273.

³⁴ АВПР, ф. Библиотека Азиатского департамента, оп. 5, д. 39, л. 93.

³⁵ *Мир Мухаммед Амин-и Бухари. Убайдулла-наме. Ташкент, 1957. С. 163.*

менее племенам и родам Старшего жуза был нанесен значительный ущерб.

Опасность расширения наступления джунгар в Казахстане на некоторое время примирила казахских владетелей, заставила сообща искать пути и способы защиты от неприятеля. В 1710 г. в Каракумах состоялся всеказахский съезд представителей трех жузов, где главным был вопрос об отношениях с Джунгарским ханством: поднимать народ на борьбу или просить унижительного мира. Партия сторонников войны, которую возглавил батыр, старшина рода канжигалы Букенбай, одержала верх. «Слабые души,— писал дореволюционный исследователь Я. Гавердовский,— предлагали искать безопасность от милосердия контайши. Другие хотели оставить жилища свои и спастись бегством... а некоторые, подобно зайцам, желали рассеяться в разные стороны и поколебали было постоянство многих. Но известный в то время по храбрости старшина Букенбай уничтожил сии предприятия. Букенбай заявил: „Отомстим врагам нашим, умрем с оружием, не будем слабыми зрителями разграбленных кочевков и плененных детей наших. Робели ли когда воины равнин кипчакских? Сия брада еще не украшалась сединою, как я багрил руки свои в крови неприятелей! Теперь могу ль равнодушно снести тиранство от варваров? Еще нет у нас недостатка в добрых конях! Еще не опустели колчаны с стрелами острыми“. Пламенная речь Букенбая достигла цели. Все присутствовавшие принесли клятву „употребить все усилия к единодушной защите друг друга до последней капли крови“. Энтузиазм достиг даже того, что некоторые из старейшин для углубления клятвы открыли себе раны и точили кровь свою на пылающий среди них костер. Был совершен молебен, принесены жертвы, организовано ополчение, которое возглавил старшина Букенбай»³⁶.

Оценивая роль и значение этого съезда в деле организации отпора неприятелю, Н. Г. Аполлова подчеркивала, что «это было крупным событием в борьбе с Джунгарией. С этого времени определилась выдающаяся роль батыров в этой борьбе. Созыв широкого собра-

---

³⁶ Гавердовский Я. Обзорение Киргиз-кайсацкой степи или описание страны и народа киргиз-кайсацкого // Рукописный отдел ЛОИИ СССР АН СССР. Коллекция № 115, д. № 495, л. 52—52 об.

ния в Каракумах был одним из этапов подъема народных масс, что и определило на некоторое время успех войск Тауке»³⁷.

Между казахским ополчением и армиями Цэван-Рабдана началась упорная борьба. Цинский посол в Джунгарии Баочжу писал в своих донесениях императору Канси, что в 1712 г. казахи «делали набеги, многие пограничные кочевья совершенно разорили, множество народа побили, а жен и детей побрали в плен». Военные неудачи в войне против казахов сопровождались сильнейшей засухой и неурожаем, продолжительными снежными буранами и падежом скота зимой, что привело к голоду, падению авторитета Цэван-Рабдана. «Мы заметили,— сообщал Баочжу в Пекин,— что народ его в великой находится бедности. Скот как крупной, так и мелкой весь тощ. Во многих местах приметны в оном заразительные болезни и падеж. Многие из жителей, не имея порядочных юрт, живут в тростниковых огородах и пропитываются хлебопашеством. В третьем году (1712.— В. М.) слышно не было урожая. Великие здешние снега много вредят скоту... к усугублению всего того в прошлом году была засуха, которая и более стадам его повредила»³⁸.

Начало второго десятилетия XVIII в. характеризовалось нарастанием политической активности Джунгарского ханства. Прежде всего в эти годы Цэван-Рабдан восстановил власть ойратских феодалов в Восточном Туркестане³⁹. В записке, составленной русским посланником И. Унковским в Джунгарии в 1722—1724 гг. «О народах, владетелях и городах зюнгорских», отмечалось, что уйгуров, «живущих в городах в Еркени, в Турфане, в Кашгаре, в Аксу и в протчих к ним принадлежащих городах Цэван-Рабдан под власть свою привел и дань брать начал. Хана же их и многих беков и лутчих людей ис тех городов к себе побрал, которые уже при нем, контайше, и пашни завели хлеба и многих

---

³⁷ Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х гг. XVIII века. Алма-Ата, 1948. С. 169.

³⁸ АВПР, ф. Библиотека Азиатского департамента, оп. 505, д. 39, л. 150 об.

³⁹ Кутлуков М. Рукописи и документы по истории Восточного Туркестана в XVI—60-х гг. XIX в. и его взаимосвязи со Средней Азией. С. 203.

овощей. Всех бухарцев при нем контайше кочует около 2000 человек»⁴⁰.

Вести войну на два фронта — с казахами и Восточным Туркестаном — было бы невозможно для Джунгарского ханства, если бы не феодальные усобицы среди уйгурских беков. Вражда между Кашгаром и Яркендом позволила Цэван-Рабдану вновь установить власть в Восточном Туркестане, усилить давление на казахские кочевья, совершить вторжение в Тибет, начать спор с цинским двором за обладание Хами. Ойратские часовые, охранявшие ставку цинских послов, говорили между собой: «Со всех сторон (мы) окружены неприятелями — с одной стороны хасаки, с другой буруты ... Всюду на караулы требуются большие отряды, да притом и ежегодно... не знай, как устоит наше царство?»⁴¹. После завоевания Восточного Туркестана, которое, по мнению калмыцкого летописца Батура Убаши-Тюмена, произошло в 1710 г.⁴², Цэван-Рабдан намеревался лично возглавить свои армии в войне против казахов, однако столкновение с цинскими войсками его отряда в районе Хами и последовавшая за этим мобилизация цинских войск на границах с Джунгарией заставили его отложить поход⁴³.

Вторжение ойратов в Казахстан в 1709—1710 гг. вызвало панику и растерянность при дворе бухарского хана Убайдуллы. Узнав о продвижении джунгарских отрядов к Ташкенту, эмиры обратились к хану с просьбой «укоротить дерзкие руки наглых злоумышленников, посягающих на заповедные страны мусульман... не дай бог, если крепости и города (Самаркандского) района окажутся изъятыми из рук (государственных) рабов и мусульманское население будет растоптано конями

⁴⁰ «Кашгар, Яркенд, Хотан и Керия, — писал И. Унковский, — платят зюнгорскому владельцу вкупе золота семсот лан, сиречь шестьдесят три фунта шестьдесят семь и две одиннадцатых доли золотника», кроме того, платят различного рода тканями — хамами, басмами, зенденями и т. д. АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1733—1734 гг., д. 3, л. 5 об., 1—1 об.

⁴¹ АВПР, ф. Библиотека Азиатского департамента, оп. 5, д. 39, л. 151.

⁴² Батур Убаши-Тюмен. Сказание о дербен-ойратах. С. 21.

⁴³ Об ойратско-цинском столкновении в районе Хами в 1715 г. и его последствиях см.: *Ходжаев А. Х.* Взаимоотношения Цинской империи и Джунгарского ханства в первой четверти XVIII в. // Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана. XV—XIX вв. Ташкент, 1987. С. 37—58.

7 калмыков». Хан собрал войско и двинулся к Самарканду. Однако вскоре ташкентские ходжи уведомили его, что «злополучные, неверные калмыки, подобно разливавшемуся потоку, устремились на казахские аулы и, блеснув (страшною грозою) вернулись в свои становища»⁴⁴. Не доверяя, видимо, полностью этим известиям, Убайдулла направил гонцов к казахам.

Ташкентские ходжи за своевременное известие о появлении ойратских войск в пределах Казахстана и Средней Азии были награждены бухарским ханом Убайдуллой грамотами, почетными одеждами и подарками⁴⁵. Вторжение ойратов послужило сигналом к усилению межфеодальной борьбы в Бухарском ханстве и одновременно росту антифеодального движения крестьян и городской бедноты. Одной из причин растущего недовольства населения были непрекращающиеся бесчинства калмыков, составлявших гвардию бухарского хана, занимавших важные правительственные должности в государстве⁴⁶. В 1711 г. Убайдулла был свергнут и убит своими эмирами.

Войска Цэван-Рабдана в начале второго десятилетия XVIII в. вновь появились в кочевьях киргизов. Подчинив несколько сот семей, хунтайджи использовал их в борьбе против казахов, совершивших в 1714 г. очередное вторжение в приграничные ойратские кочевья⁴⁷.

В 1716 г., воспользовавшись тем, что цинское правительство не решилось начать военные действия, Цэван-Рабдан направил шеститысячный отряд в Тибет под командованием Цэрен-Дондоба Старшего⁴⁸, остальную часть армии, за исключением войск, стоящих на границе с Цинской империей, двинул в Казахстан. В развернувшихся сражениях казахские ополчения понесли тяжелые потери. Бежавший из джунгарского плена русский солдат Захар Белослудцев сообщал, что в 1716 г. «приходил на Казачью орду от контайши Чарин-Дундук (Младший) и побил Казачью орду и взял к себе в полон

⁴⁴ Мир Мухаммед Амин-и Бухари. Убайдулла-наме. С. 163, 166.

⁴⁵ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. М., 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 277.

⁴⁶ Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве. Ташкент, 1966. С. 163—164.

⁴⁷ Риттер К. Землеведение Азии. Спб., 1856. Т. 2. С. 172; АВПР, ф. Юнгорские дела, оп. 113/1. 1731 г., д. 2, л. 113 об—114.

⁴⁸ Златкин И. Я, История Джунгарского ханства. С. 225.

людей немалое число»⁴⁹. В том же году казахские дружины совершили поход в кочевья Чоросов по р. Или, при этом захватили в плен поручика Маркела Трубинкова, посланного в ставку Цэван-Рабдана от подполковника И. Д. Бухгольца из осажденной ойратами Ямышевской крепости⁵⁰.

Крупное сражение между джунгарами и казахами произошло в 1717 г. на р. Аягуз, разделявшей казахские и джунгарские кочевья. В январе 1718 г. мурза Кутлубай сообщил некоторые подробности этого сражения посланнику сибирского губернатора М. П. Гагарина к хану Каипу, Б. Брянцеву. «Казахское ополчение, возглавляемое Каипом и Абулхаиром, вторглось в приграничные районы Джунгарии. С выступившими им навстречу ойратскими войсками у них была баталия до вечера. И ночью де калмыки, нарубя лесу, сделали деревянной вал и сели в осаду, а с казаки також сделали деревянной же вал выше калмыцкого, и с того валу по калмыком стреляли два дни. И на третьей де день явилось из стороны калмыцкого войска еще тысячи с полторы и наехали на кошевые их станы, и кашевары де, испужався побежали, а за ними де их казачье войско возвратились». Поход оказался неудачным не столько в результате появления в казахском тылу джунгарских войск, сколько из-за разногласий между Каипом и Абулхаиром, которые были избраны в соправители хану Тауке, что явилось одной из причин ослабления верховной власти. Пользуясь этим, отдельные джунгарские отряды проникали в глубь южных районов Казахстана⁵¹.

После сражения на р. Аягуз на казахско-джунгарской границе наступило относительное затишье. Ойраты были всецело поглощены отражением наступления Цинской империи и не помышляли об активных военных действиях на своих западных рубежах. Это дало возможность казахским феодалам совершить ряд вторжений в приграничные ойратские кочевья. Русский посол в Джунгарии И. Чередов сообщал, что в 1720 г. «подбе-

---

⁴⁹ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1731 г., д. 2, л. 83.

⁵⁰ Там же, л. 41 об.

⁵¹ Памятники сибирской истории XVIII века: В 2 кн. Спб., 1885. Кн. 2. 1713—1724 гг. С. 157, 158, 162; Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. С. 17—18.

7 гали Казачья орда и взяли тысячи с три людей сво же контайшинных»⁵².

Весной 1721 г. создалась реальная угроза разгрома Джунгарии Цинским Китаем. Цэван-Рабдан направил в Петербург своего посла Борокургана с просьбой принять его в подданство России, при условии оказания немедленной военной помощи в борьбе с маньчжуро-китайскими армиями⁵³. Однако смерть императора Канси, последовавшая в декабре 1722 г., привела к изменению политики Пекина в отношении Джунгарии. Новый император Юнчжэн (девиз правления) отозвал войска и предложил Цэван-Рабдану начать мирные переговоры⁵⁴. Последний охотно согласился и направил представителей в Пекин, сняв свои предложения о подданстве России.

Джунгарские феодалы решили нанести удар по казахам и немедленно приступили к подготовке широкого вторжения в Казахстан и Среднюю Азию. Время для нападения было выбрано удачно — ранняя весна 1723 г. Казахские аулы после долгой и многоснежной зимы готовились к переходу на летние пастбища, производили кастрацию молодняка. Отощавший и ослабевший за зиму скот с трудом передвигался. Джунгарские войска срочно перебрасывались с места военных действий против Цинской империи в район р. Чу и Таласа. Казахские феодалы не подозревали о готовящемся нападении, и многие владетели Младшего и Среднего жузов сами в это время были заняты подготовкой к вторжению в кочевья волжских калмыков⁵⁵. Старший хан Болат не

---

⁵² ЦГАДА, ф. Зюнгорские дела, оп. 1. 1595—1736 гг., д. 1, л. 22—22 об.

⁵³ Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи... С. 20—21.

⁵⁴ Причины столь резкого изменения курса цинского двора в отношении Джунгарии кроются не столько в придворных интригах, борьбе Юнчжэна с другими претендентами, сколько в тяжелом положении армии и страны. Русский торговый представитель в Пекине Лоренц Ланг 21 октября 1721 г. писал в Коллегию иностранных дел, что «война с контайшами китайцам есть весьма трудна, понеже их армия, которая... состоит в 200 000 человек и ежегодно от морового поветрия умалается... и во всем Китайском государстве сего году от великого жару и суши весьма худая жатва была и чрез то во многих провинциях тяжкой голод и потом великий мор причинился...» См.: АВПР, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/1. 1721—1722 гг., д. 2, л. 13—14.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. Калмыцкие дела, оп. 1. 1630 г., д. 2, л. 3.

пользовался авторитетом и не имел возможности пресечь разгоравшиеся среди султанов конфликты⁵⁶.

В феврале—марте 1723 г. джунгары обрушились на кочевья Старшего и Среднего казахских жузов. Застигнутые врасплох, практически не оказывая сопротивления, казахи бросали имущество и скот, оставляли города и уходили в Среднюю Азию, Приаралье и дальше на север. Курьер русского посла в Персии и Бухаре Флорио Беневени Николай Минер 15 апреля 1724 г. сообщал в Коллегию иностранных дел, что джунгары «овладели всеми тамошними местами, даже до Сыр-реки и на Бухарской стороне Ходжентом»⁵⁷. А. И. Левшин полагал, что уже в 1723 г. джунгары захватили Ташкент, Сайрам и Туркестан⁵⁸. Эти сведения подтверждает русский посланник в Джунгарии капитан И. Унковский. В своем путевом журнале он записал, что «с начала своего владения контайша непрестанную войну имеет с Казахьей ордою, которые с каракалпаками воюют, что он, контайша, войска содержит против Казахьей орды около 30 000»⁵⁹. Один из приближенных Цэван-Рабдана зайсан Кашка рассказывал ему, что командующий ойратскими войсками Лоузан-Шоно «казаков повоевал и три городка ему поддались и 1000 семей казаков везут, которых ожидают вскоре, а города поддались: Ташкент, Сайрам, Хара-Мурут»⁶⁰.

Бежав из своих кочевий, казахи и каракалпаки на севере и западе начали теснить калмыков и башкир. В одном из документов астраханской губернской канцелярии говорится: «Хап-тайши нынешней зимою у каракалпаков и киргиз-казаков взял войною четыре города... чего де для каракалпаки и киргиз-казаки пришли кочевать к Яику-реке, вытеснив при этом кочевавших там волжских калмыков»⁶¹. Казахи Среднего жуза распространили свои кочевья до рек Оби и

⁵⁶ Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России. С. 177.

⁵⁷ Посланник Петра I на Востоке. М., 1986. С. 126.

⁵⁸ Левшин А. И. Описание... Ч. 2. С. 69.

⁵⁹ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1733—1734 гг., д. 3, л. 2. Это составляло около половины всех вооруженных сил Джунгарии.

⁶⁰ Унковский И. Посольство к зюнгарскому хун-тайчи. С. 102.

⁶¹ Иванов П. П. Очерки истории каракалпаков // Труды Института востоковедения АН СССР. М.; Л., 1935. Т. 7. С. 63—64.

Уи, потеснив кочевавших там башкир⁶². Встревоженный комендант г. Уфы полковник Друмонт 17 сентября 1725 г. писал астраханскому губернатору А. П. Волюнскому, что «каракалпацкие войски тысящах в двух или больше пришли к реке Илеку, а киргис-касаки с женами и детьми великим собранием идут туда же». Вытесненные со своих кочевий калмыки во главе с князем Доржи Назаровым обратились за помощью к царскому правительству⁶³.

Во время очередной встречи с русским послом А. И. Тевкелевым хан Младшего жуза Абулхаир рассказывал, что «из древних лет предки ево и он, Абулхаир-хан, владели городами Ташкентом, Туркестаном и Сайрамом с принадлежащими к ним городками и деревнями. И продолжалась у него, Абулхаир-хана, война с хонташею многие годы. И не мог он, Абулхаир-хан, с ним хонтайшою, противитца. В которое время жена и мачеха ево, Абулхаир-хана, взяты в полон. И принужден был он, Абулхаир-хан, вышепоказанные города оставя, выехать к кочевым народам киргис-кайсакам»⁶⁴. Это сообщение свидетельствует о том, что казахские владельцы нередко постоянно проживали в тех или иных городах.

Часть населения Старшего жуза откочевала в Среднюю Азию в районы Каратегина, Ферганы вплоть до Памира⁶⁵. Неслучайно А. И. Тевкелев, характеризуя положение казахов в годы джунгарского нашествия, говорил, что они тогда «разбились, и разсеялись и разорились»⁶⁶.

По свидетельству современников, имели место совместные выступления казахов и жителей Ташкента против ойратов. Так, среднеазиатский историк Ходжакули-бек Балхи писал: «Поскольку кунтайджи (калмык) назначил своего сына для завоевания юрта казахов: Ташкента, Андижана, Сайрама и прибрежных районов Сейхуна (р. Сырдарья), примерно три лака

⁶² Левшин А. И. Описание... Ч. 2. С. 72.

⁶³ Материалы по истории каракалпаков // Труды Института востоковедения. М.; Л., 1935. Т. 7. С. 185.

⁶⁴ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. Алма-Ата, 1961. С. 49.

⁶⁵ Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии. С. 96.

⁶⁶ АВГР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1748 г., д. 4., л. 100 об. Васильев В. П. Две китайские записки о падении Кульджи и о занятии ее русскими // Русский вестник. 1872. № 5. С. 131:

казахов совместно с ташкентцами перепоясались поясом ратоборства. Построив войска, обе стороны (в течение) месяца непрерывно сражались с утра до вечера. Творец премудрый дал неверным победу над жестокими мусульманами. Примерно лак людей испили щербет мученической кончины. Казахи потерпели жестокое поражение. Более одного лака пятидесяти тысяч домов казахов, обращенных в бегство, поспешили в сторону Самарканда. Население Ташкента и Андижана с дарами и подношениями вышло навстречу (победителям) и согласилось на уплату хараджа». Этот же автор сообщал о походе ойратских феодалов в Киргизию, о поражении киргизов и их отступлении в район Хисар-и-Шадмана и Хутталана⁶⁷.

1723—1725 гг. остались в памяти казахского народа как годы великого бедствия («Актабан шубрынды» — «Всенародное бегство пеших до состояния, что побелели, т. е. изнасились пятки»). В этот трагический период появились такие выражения, как «сауран айналган» («случай, когда обошли г. Сауран»); «алкаколь сулама» («упасть в изнеможении у озера Алкакуль»); «киин сауган» («доить березу», т. е. питаться березовым соком) и др., отразившие тяжесть джунгарского нашествия и массовой гибели людей. Время это запечатлено в народной памяти в форме преданий, песен, эпических рассказов. В эпосе «Утеген-батыр» говорится:

Не было корма для верблюдов,
Не было бугров для тебеневки,
Не было воды для жаждущих.

...В мороз, по белому снегу, по синему льду
Брели вереницей...⁶⁸.

Переходы в Среднюю Азию и другие места, как отмечал А. И. Левшин, «влекли за собою неминуемое разорение и гибель. Стада и табуны ежедневно уменьшались, меновая торговля прекратилась, нищета и страдания

---

⁶⁷ Лак (лек, лях) — сто тысяч. Автор явно преувеличил численность казахских воинов. Харадж — налог за землю, взимаемый как продуктами, так и деньгами. *Ходжамкули-бек Балхи*. Тарих-и кипчак-ханн (История кипчакских ханов) // Материалы по истории Средней и Центральной Азии X—XIX вв. Ташкент, 1988. С. 265—266.

⁶⁸ История казахской литературы: В 3 т. Т. 1. Казахский фольклор. Алма-Ата, 1968. С. 269.

7 сделались всеобщими; иные умирали с голода, другие бросали жен и детей своих...»⁶⁹.

Помимо городов и местечек по реке Сырдарье свою зависимость от ойратов признали Ходжент, Андижан, Самарканд. «Над Ташкендом, Туркестаном, Ходжентом,— писал в одной из своих реляций Петру I Флорио Беневени,— недавно черные калмыки завладели»⁷⁰. Он же сообщил о том, что Цэван-Рабдан, не решившись двинуть свои войска на Бухару, предложил бухарскому Абулфеизу заключить союз. Условия, предложенные хунтайджи, были следующими: «Комиссия посольская с стороны имянумого контайши представляла хану бухарскому алианцию с калмыками против каждого своего неприятеля, а особливо против нового хана из бунтовщиков в Самарканде учиненного, именем Регеб-хана, но чтоб хан бухарский уступил брать дань с города Самарканда со всеми принадлежностями, яко наследственными контайши, называя, будто бы сие происходило от рода великого Тамерлана»; в противном случае Цэван-Рабдан угрожал захватить и разграбить Самарканд, а также напасть на «своих неприятелей казаков, которые суть под протекцию в тех сторонах Самаркандских или инде, опасаяся его оружия». Абулфеиз вынужден был принять эти условия, поскольку самаркандский хан Раджаб давно уже вел против него борьбу⁷¹.

Ходжамкули-бек Балхи подтверждает сообщение Флорио Беневени. В ответ на требование Цэван-Рабдана платить дань правитель Бухарского ханства Абулфеиз-хан заявил: «Если Раджаб-Мухаммад-хан будет устранен, то доход Самарканда и Шахрисабза получит он (Кунтайджи калмык)». Что касается Раджаб-Мухаммад-хана, то он оскорбил и прогнал прибывшее к нему с такими же требованиями джунгарское посольство⁷².

Приход казахов в район Самарканда осложнил внутривосточную ситуацию. Среднеазиатский историк Мухаммад Амин сообщал, что Раджаб-хан «после нескольких сражений (с войсками Абулфеиза.— В. М.)

⁶⁹ Левшин А. И. Описание... Ч. 2. С. 70.

⁷⁰ Посланник Петра I на Востоке. С. 125—126.

⁷¹ Там же. С. 96.

⁷² Материалы по истории Средней и Центральной Азии X—XIX вв. Ташкент, 1988. С. 266.

обратился за помощью к кочевникам-казахам, вытесненным из своих кочевий джунгарами. Те, откликнувшись на его призыв, вторглись в Мавераннахр и заняли всю плодородную долину Зарафшана вплоть до туманов Бухары»⁷³.

Тяжелый урон от джунгарского нашествия 1723—1725 гг. понесли каракалпаки. Они были вынуждены уйти из района среднего течения Сырдарьи частью в верховья этой реки, к Ташкенту, частью в низовья Сырдарьи, на берега Аральского моря, к Эмбе, Яику и в другие места. Был надолго приостановлен наметившийся процесс национальной консолидации каракалпакского народа. Именно в эти годы произошло разделение каракалпаков на «верхних» и «нижних». Первые оказались в политической зависимости от джунгарских феодалов, вторые были вынуждены признать над собой власть владетелей Старшего и Среднего жузов⁷⁴. «Захват джунгарами среднего течения Сырдарьи,—отмечала в этой связи советский этнограф Т. А. Жданко,—окончательно закрепил намечавшееся еще в XVII в. разделение сырдарьинской группы каракалпаков на две части: „верхних“ и „нижних“. Это определило различие их исторических судеб: первые, находясь в составе Старшего и частично Среднего казахских жузов, оказались в „протекции“—политической зависимости от джунгар; вторые, до разгрома их в 1743 г. Абулхаир-ханом, разделяли судьбу казахов Младшего жуза, вступив в 1731 г. вместе с ними в подданство России»⁷⁵.

В эти же годы ойраты нанесли удары по киргизам. В «Выписке о народах, владетелях и городах зюнгорских», составленной капитаном И. Унковским, отмечалось, что Цэван-Рабдан «народом именуемым бурутами завладел, которые кочуют около озера именуемого Тускел (Иссык-Куль.—В. М.)... около 5000 кибиток...»⁷⁶. Часть киргизов признала над собой власть

⁷³ Каримова М. Г. «Мазхар ал-ахвал» Мухаммад Амина как источник по истории Бухары середины XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1979. С. 12.

⁷⁴ Камалов С. К. Каракалпаки в XVIII—XIX веках. Ташкент, 1968. С. 30—33.

⁷⁵ Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.; Л., 1950. С. 137.

⁷⁶ АВГР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1733—1734 гг., д. 3, л. 1 об.

джунгарского хана добровольно. Так, сбежавший из ойратского плена киргиз сообщал в Тобольске, что ойратскими войсками, вторгшимися в северные районы Киргизии, командовал «контайшин служитель Бату-Менко... И в то же время улусные их люди воеватца не стали и с ними договорились, чтоб им жить в совете и для того отдали они им в аманаты тритцать человек»⁷⁷. Ойратские дружины появлялись также в княжествах Гиндукуша и Памиро-Алая⁷⁸.

Экономическая жизнь Средней Азии была парализована. Нахлынувшие туда массы кочевников — казахов, каракалпаков, киргизов — вытапывали со своими стадами посевы, заполняли города и деревни. По свидетельству современников, Фергана «стала такой нищей, что и потом, когда кончилось это бедствие и много лет прошло в покое, она никогда не стала такой цветущей как прежде»⁷⁹. Пострадали и другие области Средней Азии. Мухаммед Якуб Бухари писал: «В течение семилетних непрерывных набегов (кочевники) разорили земледельческие районы, расположенные между Самаркандом и Бухарой. В Мавераннахре наступил такой голод, что даже человеческое мясо пошло в пищу людям, мертвых не хоронили, а съедали. Наступило полное смятение. Повсюду люди, покинув родные места, разбрелись в разные стороны. В Бухаре осталось два гузара (квартала) жителей. В Самарканде ни одной живой души не осталось»⁸⁰. Эта древняя столица Тимура оставалась незаселенной в течение нескольких десятков лет и «в пустовавших регистанских медресе кочевники ставили на зиму свой скот»⁸¹. Все это привело к исчезновению с рынка монеты, возрождению натурального обмена, к изменению направления торговых путей⁸². Прямой путь из Средней Азии в Сибирь

⁷⁷ Там же, оп. 113/1. 1728 г., д. 2, л. 10.

⁷⁸ Кисляков Н. А. Очерки по истории Каратегина. Сталинабад; Ленинград, 1941. С. 63.

⁷⁹ История народов Узбекистана: В 2 т. Ташкент, 1947. Т. 2. С. 114.

⁸⁰ Чехович О. Д. О некоторых вопросах истории Средней Азии XVIII—XIX веков // Вопросы истории. 1956. № 3. С. 88.

⁸¹ Массон М. Е. Самаркандский Регистан // Труды Среднеазиатского гос. университета. Археология Средней Азии. Новая серия. Ташкент, 1950. Вып. 11. Кн. 3. С. 86.

⁸² Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк // Изд. Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент, 1911. Вып. 1. С. 17.

был затруднен и торговые караваны шли из Бухары, Андижана и других городов окружным путем через Джунгарию⁸³.

Судьба народов Средней Азии могла быть еще трагичнее, если бы не нашлись в Казахской степи силы, способные не только остановить, но и изгнать завоевателей. Дело спасения страны взял на себя сам народ, выдвинув из своей среды выдающихся организаторов и предводителей — Букенбая, Кабанбая, Тайлака, Саурыка, Джаныбека, Малайсары, Утегена и многих других. В советской историографии принято считать переломным моментом в войне с джунгарами 1727 г., а начало активной борьбы с ними датировать 1726 г.⁸⁴ Однако активное сопротивление завоевателям началось уже в 1724 г. Подтверждение этому мы находим в одном из сообщений Флорио Беневени, полученном в Москве 15 января 1725 г.: «Шоно-Лоузан чрез войну с Абулхаиром-ханом город Туркестан взял было и 32 улуса, но потом он, Абулхаир-хан, соединясь с казаками, паки чрез войну в Туркестан пришел и содержит даже и доньне паки в своем владении»⁸⁵.

В 1726 г. в местности Орда-Бас к юго-востоку от Туркестана состоялось собрание представителей всех трех жузов. Имеющиеся в нашем распоряжении источники умалчивают о том, кому принадлежала инициатива созыва собрания. Можно лишь предположить, что под давлением батыров объявил о созыве собрания старший хан Болат. На собрании приняли решение организовать единое ополчение, главой которого был избран ставший к тому времени ханом Младшего жуза Абулхаир. «Опасность примирила внутренние междоусобия,— писал об этом событии А. И. Левшин,— породила общее согласие и направила всех к одному предмету. В собрании целого народа положено двинуться вперед, напасть на общих врагов и вытеснить их из древних киргиз-казахских земель. Общее предприятие тотчас освящено клятвою в верности друг другу. Хан

---

⁸³ Балкашин Н. Торговое движение между Западной Сибирью, Средней Азией и китайскими владениями // Записки ЗСОРГО. Омск, 1881. Кн. 3. С. 2.

⁸⁴ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т. 3. С. 21.

⁸⁵ К истории каракалпаков. XVIII в. // Красный архив. 1938. Т. 6. С. 245.

Абулханр избран главным предводителем и белый конь, принесенный по обычаю народному в жертву»⁸⁶.

После этого собрания ополчения трех жузов соединились и нанесли джунгарским войскам на берегу небольшой речки Буланту к западу от р. Сары-Су первое за всю войну серьезное поражение. Местность, где произошло это сражение, получила название «Калмак-крылган» («Место гибели калмыков») ⁸⁷. Одержанная победа подняла дух народа, заставила его поверить в свои силы, в возможность победить завоевателей. Казахское ополчение перехватило инициативу и перешло в контрнаступление.

Успешному для казахов ходу войны в известной степени способствовали вспыхнувшие в Джунгарии усобицы, вызванные борьбой за ханский престол между сыновьями Цэван-Рабдана, и начавшаяся вскоре после этого третья джунгаро-цинская война. В 1727 г. при весьма загадочных обстоятельствах умер хунтайджи Цэван-Рабдан. При жизни он завещал престол своему старшему сыну, рожденному от первого брака с хошоутской княжной Кюнгу, Галдан-Цэрену. Однако еще до смерти отца братья нового правителя попытались с оружием в руках оспорить это решение. Главным претендентом выступил сын Цэван-Рабдана от брака с дочерью калмыцкого хана Аюки Сетерджаб — Шоно-Лоузан, командовавший вторжением джунгар в Казахстан и Среднюю Азию в 1723—1725 гг. Попытка эта не увенчалась успехом, и Шоно-Лоузан, искалеченный пытками, лишенный наследства, бежал через Казахстан к волжским калмыкам, где и умер в 1732 г.⁸⁸

---

⁸⁶ Левшин А. И. Описание... Ч. 2. С. 71.

⁸⁷ О географических названиях, связанных с передвижением казахских ополчений и местами их сражений с джунгарами, см.: Тынышпаев М. Т. Ак-табан шубрынды // В. В. Бартольд — туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927. С. 57—68. Изучив казахские предания, известный этнограф А. Диваев пришел к мысли, что поле сражения ойратов и казахов «Калмак-крылган» находится в местности Кара-Сиир. См.: Диваев А. Мавзолей Кок-Кесене // ПТКЛА. Ташкент, 1905. С. 41.

⁸⁸ Моисеев В. А. Дело Шоно-Лоузана // НКОГК. М., 1983. Ч. 2. С. 96—103. Несколько иную трактовку этим событиям дает В. Бакунин. Когда Галдан-Цэрен вступил на престол, «тогда свою мать, а Лоузанг Шуносеву мать Сетержап и с двумя ее дочерьми сперва ослепил, а потом и убил, то ж хотел учинить и над братом своим Лоузанг-Шуною. Но он, уведав о том, не возвращаясь в отечество, бежал из зенгорских войск на Волгу к тетке свой ханше

Галдан-Цэрэн и его окружение обвинили в смерти Цэвана-Рабдана Шоно-Лоузана. 13 декабря 1727 г. в Тобольск прибыл посол Галдан-Цэрэна Боджир. На следующий день во время встречи с сибирским губернатором М. В. Долгоруким он изложил версию гибели Цэван-Рабдана: «После того как Шоно-Лоузан бежал к волжским калмыкам и женился там на внучке хана Аюки, он согласясь обще с тестем своим прислали к мачихе ево Чирин Дундуковой с людьми своими с шестью человеки зелия, чтобы отравить Галдан-Цэрэна. Но мачеха, т. е. Сетерджаб, дала отраву самому хану. И то зелье в малой чарочке з дочерью своею и с теми посланными обще ему контайше пить дала и от того он умер и у него, контайши, на мертвом теле явился знак». Однако кто-то предал заговорщиков. Сетерджаб призналась под пытками в совершенном преступлении и вместе со своими помощниками была казнена. К волжским калмыкам из Джунгарии было отправлено посольство с просьбой к новому хану Дондук-Омбе наказать Шоно-Лоузана⁸⁹. Такова официальная джунгарская версия гибели Цэван-Рабдана. Спустя два года Джунгарское ханство подверглось нападению со стороны Цинской империи и вынуждено было на своих западных границах перейти к обороне.

В 1729 г. в 120 км к югу от оз. Балхаш в местности Ангракай произошла последняя в этой войне крупная битва. Место сражения получило название «Ит-ишпес Ала-куль» («Озеро Ала-куль, воду которого не станет пить даже собака»). Джунгары вновь потерпели поражение, однако вследствие вспыхнувших между казахскими ханами Абулмамбетом, Самеке и Абулхаиром разногласий по вопросу о том, кому быть старшим ханом трех жузов, казахи не смогли воспользоваться военными и политическими результатами этой победы и развить успех. После ухода ополчения Младшего и Среднего жузов остальные войска также разошлись. Казахский народ ценой огромных потерь и чрезвычайно напряжения сил отстоял политическую независимость и территориальную целостность, однако так и не смог в

Дарме Бале». Бакунин В. Описание истории калмыцкого народа // Красный архив. 1939. № 3. С. 224.

⁸⁹ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1727—1729 гг., д. 1, л. 7—7 об., 79—79 об.

→ ходе войны возвратить захваченные Батуром-хунтайджи и Галданом Семиречье и некоторые другие земли.

Последствия джунгарского вторжения в Казахстан и Среднюю Азию были трагическими. Опустели города, пришли в упадок торговля и ремесла. Оказались нарушенными традиционные циклы и маршруты перекочевков, деформирована структура экономических связей между кочевыми скотоводческими районами Казахстана и ремесленными и земледельческими центрами Средней Азии. На некоторое время часть населения Старшего жуза оказалась в зависимости от джунгарских феодалов, что еще больше ослабило экономические и политические связи казахских жузов, усилило процесс политической раздробленности в Казахстане. Были нарушены этнические границы, вызванные перемещениями племен и народов, что резко осложнило международные отношения в этом регионе Азии. В то же время, пусть и незавершенная, победа над столь грозным противником пробудила в казахском народе чувство национальной гордости, значимости единства⁹⁰. «И по сие время,— писал Я. Гавердовский,— сохраняются еще в преданиях орды (воспоминания) о храбрых героях и несчастных происшествиях того времени. Часто поседелые старики, указывая на крупные насыпи, прикрывающие прах усопших, говорили нам: здесь лежат наши батыры, погибшие на ратном поле, защищая вольность. Тут погребены целые аулы, истребленные многочисленными варварами, но невзирая на сию жестокость мужество не оставляло отцов наших. Облекшись в панцыри они сражались отчаянно и поле битвы оставляли часто под твердыми своими стопами...»⁹¹.

Несмотря на то, что Цэван-Рабдан возобновил прежнюю практику сбора албана с коренных народов Сибири, давно уже являвшихся подданными России, на обострение отношений на Алтае и в Хакасии, русское правительство решительно пресекало попытки цинского двора склонить к войне против Джунгарии хана волжских калмыков Аюку. С этой целью в 1712 г. на Волгу из Пекина было отправлено специальное посольство. Сибирский губернатор М. П. Гагарин, сообщая об этом

⁹⁰ Валиханов Ч. Ч. Исторические предания о батырах XVIII в. // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1984. Т. 1. С. 216—222.

⁹¹ Гавердовский Я. Указ. соч. Л. 52.

правительству, просил казанского губернатора, в ведении которого формально находились волжские калмыки, «в том Люке возбранить и от тово ево удержать для того, что у него контайши, ссора с китайцами, а с нами живет спокойно. И зело надобно беречь, чтоб не допустить сного контайшу разорить и согнать с тех мест»⁹². Некоторое время спустя в письме в Сенат он высказался более определенно: если Цинская империя уничтожит Джунгарское ханство, «от того Сибири будет великая обида для того, что де тот владелец царскому величеству примирителен, и хотя де от порубежных людей его и бываюг ссоры, но для китайского де он всегда надобен и если де китайский хан ево завоюет, то де от китайского владения будет зело тягосно»⁹³. Сенат принял необходимые меры и попытка Канси найти в лице волжских калмыков союзника в борьбе против Джунгарского ханства потерпела неудачу.

Таким образом в конце XVII — начале XVIII в. в центрально-азиатской политике России появился новый внешнеполитический фактор — Цинская империя, без учета которого нельзя правильно оценить политику России в отношении Джунгарии и Казахстана. Агрессивная внешняя политика Цинской империи в Приамурье и Центральной Азии побуждала русское правительство, не располагавшее в Сибири достаточными военными силами, рассматривать Джунгарское ханство как противовес Цинскому Китаю, и поэтому оно не было заинтересовано в его чрезмерном ослаблении, а тем более уничтожении, предпочитая все спорные вопросы решать мирным путем. В письме императрице Екатерине I от 10 мая 1727 г. чрезвычайный посланник в Китае С. Л. Владиславич-Рагузинский подчеркивал, что «сей сосед Российской империи может принести великую пользу повремени, того ради не худо с контайшею иметь доброе обхождение»⁹⁴. Об этом же говорил он и новому императору Петру II в письме от 22 апреля 1728 г.: «Контайша в суседстве... зело нужен и от китайцев не токмо оборона, но по случаю и против их полезнейший союзник»⁹⁵. Это обстоятельство, на наш взгляд, было

⁹² Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 1. 1700—1725. Материалы и документы. М., 1978. С. 130—131.

⁹³ ЦГАДА, ф. Сенат, оп. 113, д. 29, л. 810 об.—811.

⁹⁴ АВПР, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/1. 1725—1729 гг., д. 8, л. 334.

⁹⁵ Там же, л. 629 об.

решающим при рассмотрении русским правительством предложений казахских ханов Тауке, а затем Каипа о заключении русско-казахского антиджунгарского военного союза.

В сентябре 1716 г. в резиденцию сибирского губернатора — Тобольск прибыли казахские послы от хана Каипа с предложениями: «1. Примириться с ними и воевать вместе противу контайши. 2. Дозволить строить города и прислать удостоверяющую о сем грамоту»⁹⁶. Казахские послы привезли с собой и отдали русским властям Маркела Трубникова и писаря из отряда И. Д. Бухгольца, захваченных в Джунгарии. Во время переговоров они заявили М. П. Гагарину, что присланы в Тобольск не только от хана, но и «от всей Казахьей орды, чтоб де губернатор сибирский донес царскому величеству и помирился бы с ними вечным миром... и ест ли де повелено будет от его царского величества им Казахьей орде с людьми его царского величества или одним воевать калмыцкого владельца контайшу, которого город Еркет, то де в двадцати или в тридцати тысячах хан их и вся Казахья орда всегда будут готовы»⁹⁷.

Сообщая Петру I об этих предложениях, сибирский губернатор полагал, что отказать казахскому хану «конечно не надобно, так как соседи они ближние тому калмыцкому владельцу и разоряют они его и опасность, государь, он от Казахьей орды ...имеет». Вместе с тем, не ожидая царского указа, заявил казахским послам, что он прикажет воеводам сибирских городков «с Казахским ханством жить в миру, а калмыцкого владельца воевать им велел». В случае, если Петр I прикажет послать против Джунгар войска, «то будем иметь о том согласие,— говорил М. П. Гагарин послам Каипа,— и пришлю ведомость»⁹⁸. Такого содержания было составлено ответное письмо хану Каипу. Позже, в письме к царю от 23 января 1719 г. М. П. Гагарин подчеркивал, что переговоры с казахским ханом Каипом он хотел использовать как средство давления на джунгарского хана Цэван-Рабдана, войска которого в это время

⁹⁶ ЦГАДА, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 1, 1716 г., д. 3, л. 1.

⁹⁷ Аналогичное письмо было направлено Каипом и казанскому губернатору П. Салтыкову. См.: Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. Алма-Ата, 1961. Док. № 18. С. 21.

⁹⁸ ЦГАДА, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 1, 1716 г., д. 3, л. 1 об.

осаждали в Ямышевской крепости экспедицию И. Д. Бухгольца⁹⁹.

Эту конфликтную ситуацию в русско-джунгарских отношениях пытались использовать в своих интересах казахские феодалы, неоднократно предлагая через местные сибирские власти Петру I заключить анти-джунгарский союз.

Однако русское правительство, несмотря на военные столкновения с джунгарами отрядов И. Д. Бухгольца, а затем генерал-майора И. Лихарева в бассейне Верхнего Иртыша, а также на Алтае, уклонилось от совместной с Казахским ханством войны против Джунгарии. Но продиктовано это было вовсе не политической и военной слабостью казахов, как считал В. Я. Басин¹⁰⁰. Казахские жузы представляли весьма значительную военную силу в Средней и Центральной Азии. А. И. Тевкелев писал в одном из донесений правительству, что казахский народ «сил своих прямо еще не знает»¹⁰¹. Джунгарское ханство рассматривалось правящими кругами России как заслон против Цинской империи, и они стремились не только иметь мирные отношения с этим государством, но и привести его в российский подданство.

Судя по имеющимся материалам, российский двор решил не вмешиваться в события, происходящие в Казахстане и Средней Азии в 1723—1725 гг. и был озабочен одним: не допустить вторжения казахов и каракалпаков на подвластные России территории калмыков и башкир. Уже 12 декабря 1723 г. хану волжских калмыков Аюке была направлена грамота с требованием оказать помощь местным русским властям в отражении наступления казахского и каракалпакского войска. «...Киргис-кайсаки и кара-калпаки, собрався в сороке тысячах человек, идут под наши императорского величества городы и под твои подданного нашего улусы войною и для разорения сел и деревень... тебе, поддан-

---

⁹⁹ ЦГАДА, ф. Сенат. 1711—1722 гг., д. 373, л. 218 об. Об экспедиции И. Д. Бухгольца см.: Гуляев С. Заметки об Иртыше и странах им орошаемых // Вестник РГО. Спб., 1851. Ч. 3. С. 51; Касымбаев Ж. К. Под надежную защиту России. Алма-Ата, 1986.

¹⁰⁰ Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII веках. Алма-Ата, 1971. С. 124.

¹⁰¹ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 576.

ному нашему, о препятствии их дабы до разорения наших городов и уездов их не допускать...»¹⁰².

За два месяца до отправления указанной грамоты к хану Аюке прибыл посол от Цэван-Рабдана с предложением о совместных действиях против казахов. Аюка обратился к царскому правительству с просьбой прислать ему войска, однако царское правительство не рекомендовало ему ввязываться в войну между Джунгарией и Казахским ханством¹⁰³. Таким образом объективно позиция Петра I и его окружения предотвратила нападение на казахов со стороны волжских калмыков.

Казахско-джунгарские отношения в начальный период присоединения Казахстана к России

После Ангракайской битвы умер старший хан Болат. На его место реально претендовали три человека: хан Младшего жуза Абулхаир, проявивший в войне с джунгарами незаурядные полководческие дарования, но он происходил из младшей линии казахских султанов, из которой еще ни разу в старшие ханы никого не избирали; вторым претендентом был брат Болата Самеке (Шахмухаммед), старший из правившей семьи, и третий — сын Болата Абулмамбет. «Выбор,— писал М. Т. Тынышпаев,— по-видимому, не абсолютного большинства пал на Абулмамбета. Такой обиды не мог стерпеть старик Абулхаир, человек крайне честолюбивый; с таким выбором не мог согласиться и Самеке, родной дядя Абулмамбета...»¹⁰⁴. На самом деле старшим ханом был избран сын Тауке, правитель Туркестана Самеке. В эти годы в Среднем жузе ему еще приходилось делить власть с правителем Сайрама — Кушук-ханом.

Ханом Старшего жуза в начале 30-х гг. оставался сын хана Абдуллы Жолбарс. В марте 1735 г. в канцелярии Оренбургской экспедиции посланец Жолбарса ташкентский купец Нур-Мухаммед сообщил, что «нынешний Жолбарс-хан лет с пятнадцать ханом, от роду ему около сорока пяти лет...». Он привел ряд фактов,

¹⁰² АВПР, ф. Калмыцкие дела, оп. 119/1. 1723 г., д. 2, л. 27.

¹⁰³ Там же, д. 2, л. 11.

¹⁰⁴ Тынышпаев М. Т. Ак-табан-шубрынды // В. В. Бартольд — туркестанские друзья, ученики, почитатели. Ташкент, 1927. С. 66—67.

позволяющих уточнить, когда именно «старик» Абулхаир стал ханом Младшего жуза: «Абулхаир получил себе ханство по случаю войны зюнгарских калмык владельца контайши, а до того был салтаном». Следовательно, произошло это в середине 20-х гг. XVIII в. Нур-Мухаммед отмечал, что до джунгарского нашествия 1723—1725 гг. в Среднем и Младшем жузах был один хан¹⁰⁵. Из числа других наиболее влиятельных султанов и старшин в эти годы выделялись сын хана Турсуна — султан Барак, сын хана Болат — султан Абулмамбет, сын султана Вали — султан Аблай; нельзя не назвать также фактического соправителя хана Жолбарса бия Толе Алибекова, мудрого судью, бия Среднего жуза Казбека, старшин Букенбая¹⁰⁶ и Джаныбека.

Характеризуя внутривосточную ситуацию в Казахстане, старшина Букенбай 16 декабря 1731 г. рассказывал русскому послу А. И. Тевкелеву, что «Большая орда кочует от них в дальном разстоянии к Бухаром и с Среднею и с Малою ордами не съезжается и у них же хан особливо, имянем Чолбарс... А в Средней орде два хана: Шемяки-хан, да Кочек-хан, два салтана: Барак-салтан, а в Малой орде один Абулхаир-хан, салтанов двое: Батыр-салтан, которой женат на племяннице Абулхаир-хана, Нуралы-салтан»¹⁰⁷. После кончины Самеке в Туркестане некоторое время правил батыр Нияз, активно поддерживавший притязания султана Абулмамбета на ханский трон в Среднем жузе¹⁰⁸.

Джаныбек сообщал начальнику Оренбургской комиссии генерал-лейтенанту В. А. Урусову, что Абулмамбет «сын бывшего Пулата-хана и будучи де он в прошлом году в Туркестане от знатнейших киргис-кай-

¹⁰⁵ *Добросмыслов А. И.* Материалы по истории России // Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1734 г. Оренбург, 1900. С. 56, 57.

¹⁰⁶ Речь идет о Букенбае, выходец из рода Табын племени жети-ру Младшего жуза; не путать с Букенбаем, фактическим предводителем казахского ополчения в 1723—1729 гг. из рода Канжигалы племени аргын Среднего жуза.

¹⁰⁷ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. Алма-Ата, 1961. С. 63.

¹⁰⁸ А. И. Левшин полагал, что Самеке умер в 1734 г. (*Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 2. С. 127). А. И. Добросмыслов называл другую дату — 1735 г. (*Добросмыслов А. И.* Тургайская область. Исторический очерк. Оренбург, 1901. Т. 1. Вып. 2. С. 109).

сацких родов, яко Аргинского, Актайского и Увактирейского (Уаккерейского.— В. М.) и от других удостоен в ханы, и по прибытии в орду от многих родов поднят на епанче»¹⁰⁹. Избрание султана Абулмамбета ханом Среднего жуза состоялось в период между 1737—1738 гг.¹¹⁰

Спустя два года от рук среднеазиатских ходжей погиб в ташкентской мечети хан Старшего жуза Жолбарс. Причиной убийства явилось то, что жители города не могли более переносить «обид кайсацких, от которых их хан не оборонял и судил неправо». По мнению русских дореволюционных исследователей, убийство хана Жолбарса произошло в 1739 г.¹¹¹ Точную дату указывал глава первого торгового каравана из России в Ташкент поручик К. Миллер. Жолбарс был убит через три дня после отъезда К. Миллера из этого города. Точная дата выезда — 2 апреля 1740 г. Основываясь на этом, русский востоковед Я. В. Ханыков, впервые опубликовавший карту поездки К. Миллера в Джунгарию в 1743 г., пришел к совершенно правильному, на наш взгляд, выводу о том, что хан Старшего жуза Жолбарс погиб 5 апреля 1740 г.¹¹²

В Средней Азии в конце 20-х — начале 30-х гг. также произошли значительные политические изменения. Так, в наиболее крупных городах у власти оказались сыновья Шахрух-бия, выходца из узбекского племени Минг, Абд ар-Рахим-бий и Абд ал-Карим-бий. Они подчинили своей власти Ходжент, Наманган, Коканд и другие области и города и образовали нечто вроде союза или федерации городов¹¹³.

Воспользовавшись феодальными усобицами в Средней Азии, казахские феодалы расширили сферу своего политического влияния в бассейне р. Сырдарьи. В начале 30-х гг. хан Старшего жуза Жолбарс вновь подчинил своей власти Ташкент. Политическая власть в

---

¹⁰⁹ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 148.

¹¹⁰ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1738 г., д. 3, л. 2.

¹¹¹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. С. 382—384; Левшин А. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 76—81.

¹¹² Ханыков Я. В. Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году // Вестник РГО. 1851. Ч. 1. С. 53—54.

¹¹³ Валидов А. З. Некоторые данные по истории Ферганы XVIII столетия // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент, 1916. Вып. 2. Год. 20. С. 80.

пограничных между Казахстаном и Средней Азией районах, как отмечал П. П. Иванов, «была неустойчивой и часто переходила из рук в руки»¹¹⁴. В городах существовала двойная система управления. Во главе местного самоуправления стояли представители религиозных и торговых слоев, а контроль осуществляли казахские, среднеазиатские или джунгарские феодалы в зависимости от соотношения сил между ними. «Казахские ханы,— рассказывал Нур-Мухаммед,— имеют особые дворы, замками в главных городах: Большой орды в Ташкенте, а Средней — в Туркестане. А живут по своей воле, когда хотят, а больше в поле с ордою кочуют, а по выезде в домах живут и управляют дятьки их»¹¹⁵.

Правящий класс казахского общества состоял, как известно, из двух резко отличающихся друг от друга в рассматриваемый период социальных слоев: феодальной аристократии в лице султанов и ханов, ведущих свое знатное происхождение от Чингисхана, и «незнатной» прослойки биев, старшин, батыров, баев, мурз и т. д. «Киргизские дворяне или белая кость (ак сук, тюря, султан),— отмечал известный дореволюционный исследователь обычаев и права народов Казахстана и Средней Азии Н. И. Гродеков,— не причисляются ни к одной орде, ни к одному роду. Они не разделяются на колена (нераздельны —«тачк»). Они суть потомки ханов, царствовавших в степи...»¹¹⁶.

По преданиям, казахские ханы и султаны вели свое происхождение от старшего сына Чингисхана — Джучи. Довольно подробно генеалогию казахских ханов проследил Т. И. Султанов¹¹⁷. Ханам могли быть избраны только султаны. До середины 20-х гг. XVIII в. ханами были представители фамилии султана Жади́га (Джади́ка), сына первого казахского хана Джанибека, умершего в 1503 г. В середине 20-х гг. в нарушение сложившихся традиций ханом части родов Младшего жуза небольшой группой приверженцев был избран предста-

¹¹⁴ Иванов П. П. Казахи и Кокандское ханство // Записки Института востоковедения. 1939. Т. 7. С. 97.

¹¹⁵ Добросмыслов А. И. Материалы по истории России. Т. 1. С. 57, 61—62.

¹¹⁶ Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Юридический быт. Ташкент, 1889. С. 4.

¹¹⁷ Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. М., 1982. С. 111—121.

витель младшей феодальной фамилии Осека — султан Абулхаир. Однако, вопреки мнению М. П. Вяткина, Абулхаир никогда не избирался старшим ханом, олицетворявшим собой единство казахских жузов¹¹⁸. Чтобы быть избранным в ханы, недостаточно было одного происхождения, необходимо было доказать свое превосходство над соперниками в богатстве, на бранном поле или в судебных делах, а самое главное — иметь под своей властью как можно больше родов, и, следовательно, поддержку родовой знати — биев и старшин. «Как бы ни была бела кость ханского потомка, — писал А. И. Левшин, — но если он умом, богатством или другими качествами не составил себе значительного числа приверженцев, то голос его не делает перевеса в собраниях народных»¹¹⁹. Не случайно у казахов бытовала поговорка: «У кого дырявая юрта, того пожирают дождевые капли; у кого мало сородичей, того пожирает ногайка».

Первый оренбургский губернатор И. И. Неплюев, хорошо знавший жизнь казахских степей, в одном из донесений в Коллегию иностранных дел от 26 сентября 1748 г. писал: «казахские ханы пред другими салтанами кроме предпочтения во власти своей почти никакого преимущества не имеют и по состоянию народному усилятся и абсолютным зделается им не только трудно, но и невозможно, ибо чрез одни интриги и военное их искусство один над другим преуспевают, почему и титул ханской достают... а власть и почтение ево зависит не от ханства, но паче от ево ума в народных делах и проворства в поступках»¹²⁰. Действительно, реальная власть казахских ханов порой ограничивалась тем поколением, родом или племенем, в котором он был владельцем. Родовая знать не допускала усиления их власти. А. И. Тевкелев и П. И. Рычков отмечали, что «все киргис-кайсацкие владельцы над старшинами и народом почти никакой власти не имеют... Вся сила их состоит в разтолковании их народной пользы и корысти... а ежели, что по своим собственным видам желают они в действо произвести, то сами лучшим старшинам,

---

¹¹⁸ Вяткин М. П. Батыр Срым. М.; Л., 1947. С. 154.

¹¹⁹ Левшин А. И. Описание... Ч. 3. С. 168.

¹²⁰ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1748 г., д. 3, л. 214—214 об.

да и народу раздают подарки и так их к своим намерениям преклоняют»¹²¹.

Ханы и султаны не могли наказывать преступника без согласия старшин. Если такие попытки предпринимались, род немедленно вставал на его защиту¹²². Доходы владельцев складывались из случайных подношений, доходов при решении судебных дел. Регулярных податей население ханства своему государю не платило. Отсутствие финансов не позволяло ханам содержать государственный аппарат, иметь регулярную армию. Это делало страну беззащитной перед лицом организованного неприятеля.

У дореволюционного исследователя истории и права казахов И. И. Крафта имеется весьма интересное, но оставшееся без внимания советских историков наблюдение о том, что казахские жузы «еще в начале XVIII столетия не имели значения отдельных ханств, а скорее приближались к типу генерал-губернаторств одного и того же государства. Выделение орд в самостоятельные политические единицы резко обозначилось лишь тогда, когда часть киргизского (казахского.— В. М.) народа пожелала принять русское подданство, а другие части, или правильное союз племен, находили более удобным быть независимыми. Тогда оказалось несколько самостоятельных повелителей»¹²³.

Определенную роль в возникновении в жузах новых политических единиц, не всегда совпадающих с традиционным этническим и географическим делением, сыграл не только фактор присоединения к России, но и внешнеполитические обстоятельства. Нашествие джунгар, подчинивших на некоторое время Старший жуз, вторжение в Среднюю Азию и Южный Казахстан войск персидского шаха Надира в 30—40-е гг., завоевание Цинским Китаем Джунгарии и установление оживленных торговых и политических контактов со Средним жузом — все это также способствовало процессу обособ-

¹²¹ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. Алма-Ата, 1961. С. 554.

¹²² Рычков Н. П. Журнал, или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российской империи. Спб., 1770—1772. С. 344.

¹²³ Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. С. 14.

ления и усиления ханской власти на местах после смерти Тауке. После кончины Самеке избрание старших ханов не проводилось вообще до воцарения на ханском престоле Среднего жуза Аблая, власть которого признавали многие владельцы Старшего жуза. Не связанное единой экономической общностью Казахское ханство представляло собой ряд самостоятельных, порой враждующих между собой владений.

Основой экономики казахского аула являлось кочевое скотоводство, со временем во все большей степени дополняемое земледелием и ремеслом. На территории Казахстана в процессе исторического развития сложилось три хозяйственно-культурных типа: оседлого земледелия и ремесла в Южном Казахстане, кочевого скотоводства в Северо-Западном, Центральном и Восточном Казахстане и смешанного характера в Семиречье¹²⁴. Характер кочевания, длина и направленность перекочевков, структура стада самым непосредственным образом зависели от природно-климатических условий среды обитания. Если в степных районах кочевание совершалось, как правило, в меридиональном направлении и преодолевались расстояния до нескольких сот, а то и тысяч верст, то в горных районах Семиречья кочевание носило вертикальный характер, когда направленность и длина перекочевков определялись рельефом местности, направлением хребтов и долин. В обоих случаях скотоводство имело сезонный характер¹²⁵.

---

¹²⁴ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний отар. Алма-Ата, 1972. С. 5.

¹²⁵ Зиманов С. З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1968; Толыбеков С. Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв. Алма-Ата, 1959; Шахматов В. Ф. Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1959; Еренов А. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961; Семенюк Г. И. Проблемы истории кочевых племен и народов периода феодализма (на материалах Казахстана). Калинин, 1974; Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976; Кишибеков Д. Кочевое общество: генезис, развитие, упадок. Алма-Ата, 1984; Масанов Н. Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII—XIX веков. Алма-Ата, 1984; Он же. Дисперсное состояние — всеобщий закон жизнедеятельности кочевого общества // Вестник АН КазССР. 1987. № 3; Он же. Дисперсное состояние — общий закон функционирования кочевого общества // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1987.

В отличие от Джунгарии казахские аулы во время летних перекочевок и зимних стоянок размещались более отдаленно друг от друга. Это обстоятельство не позволяло казахским воинам быстро объединиться в случае военного вторжения неприятеля. Говоря об экономической эффективности кочевого хозяйства казахов, его органической связи с условиями среды, Г. И. Семенюк подчеркивал, что это «была довольно стройная, строго регламентированная и очень гибкая для своего времени продуктивная система выпаса, разведения и сохранения скота в конкретных природно-климатических условиях»¹²⁶.

Важную роль в экономической и политической жизни казахов по-прежнему играли города бассейна р. Сырдарьи. Прибывшие в Москву представители хана Абулхаира Сейткул Койдагулов и Кутлумбет Коштаев заявили, что у казахов имеются такие города: «1. Главный город Ташкент, в нем владетель Чолбарс-хан Абулхаир-хана родной брат; 2. Тюркестан, в нем владетель Шемяки-хан; 3. Сайрам, в нем владетель Кучюк-хан, и к тем городам имеется деревень немалое число»¹²⁷. За господство над этими и другими городами казахским феодалам приходилось вести борьбу не столько с Бухарой и Хивой, сколько с Джунгарским ханством, а с начала 40-х гг. с усиливающимся Кокандским бекством. В начале 30-х гг. влияние казахских феодалов в бассейне среднего течения р. Сырдарьи было преобладающим¹²⁸.

Война с Джунгарией вскрыла политическую и в определенной мере военную слабость Казахского ханства, принесла огромные бедствия казахскому народу, населению Киргизии и Бухарского ханства. Не без основания предполагая, что после завершения войны с Цинской империей джунгарские правители вновь направят свое оружие в Казахстан, часть представителей казахского общества вновь поставила вопрос о заключении союза с Россией. Определенные группы феодалов, укрепляя торговые, экономические и политические

---

¹²⁶ Семенюк Г. И. Проблемы истории кочевых племен и народов периода феодализма (на материалах Казахстана). Калинин, 1973. С. 27.

¹²⁷ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 36.

¹²⁸ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 20—21.

контакты с Россией, стремились решить проблемы, которые затрагивали их личные интересы. Так, посол России в Казахстане, переводчик Коллегии иностранных дел А. И. Тевкелев, говоря о мотивах, побудивших хана Младшего жуза искать российского подданства, отмечал, что последний намеревался «оную орду в наибольшую власть свою взять не так, как предки его владели, причитая их непослушание себе в озлобление, просил и протекции ея и. в., через которую намерен был в той Киргиз-кайсацкой орде себя одного ханом учинить и по себе наследников роду своего на оном ханстве утвердить»¹²⁹. Наконец, не последнюю роль играли планы казахских феодалов Младшего и отчасти Среднего жузов обеспечить безопасность своих кочевий от усилившихся нападений со стороны калмыков, башкир, яицких казаков, пользующихся защитой России.

Причины и сам процесс начального этапа присоединения Казахстана к России обстоятельно изучены и освещены в советской историографии¹³⁰. В данной работе мы рассмотрим некоторые аспекты этой проблемы. Во-первых, что побудило правящие круги России удовлетворить прошение Абулхайра о приеме его в российское подданство и какую роль в присоединении играла для обеих сторон угроза со стороны Джунгарского ханства.

Царское правительство руководствовалось при этом не заботой о защите казахского народа, а интересами Российской империи. Уже в начале 20-х гг. Петр I ставил задачу присоединения Казахстана к России, на первом плане для него были интересы торгово-экономические — выйти на рынки Средней Азии и Среднего Востока. Общеизвестно его высказывание, что «буде оная орда в точное подданство не пожелает придти, то стараться несмотря на великие издержки, хотя бы до миллиона держать, но токмо чтоб только одним листом под протекцию Российской империи быть обещалась. Хотя де оная Киргиз-кайсацкая орда степной и лежкомысленной народ, токмо де всем азиатским странам и

¹²⁹ *Добросмыслов А. И.* Материалы по истории России. Оренбург, 1900. Т. 1. С. 97—98.

¹³⁰ *Аполлова Н. Г.* Присоединение Казахстана к России в 30-х гг. XVIII в. Алма-Ата, 1948; *Басин В. Я.* Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1971; *Бекмаханов Е.* Присоединение Казахстана к России. М., 1957.

землям она де орда ключ и врата — и той ради причины она де орда потребна под российской протекцией быть...»¹³¹.

При преемниках Петра I внешняя политика страны утратила присущий ей динамизм, наступательность и широту. Стремление привести под контроль России казахские ханства сохранилось, однако торгово-экономические соображения уступили место интересам военно-политического характера: в связи с возрастающей опасностью дальнейшего усиления Джунгарского ханства появилось намерение в случае войны противопоставить Джунгарии казахские жузы как подвластные России владения. «Сня Киргис-кайсацкая орда,— говорится в одном из документов,— ея и. в. в подданстве потребна быть имеет особливо для хантайши, так как в случае войны России и Джунгарии немногие кайсаки в домах своих за оною посылкою останутся, понеже они, кайсаки, с ним, хонтайшею, великую жалузию (конфликт.— В. М.) между собою имеют»¹³². Об этом в свое время писал и А. И. Левшин: «Русские власти думали, что добровольно покоряющиеся орды можно будет употреблять к ослаблению зюнгаров, которых владелец Гальдан-Цэрэн, возбудивший опасения в самом Петре Великом, тогда был еще жив»¹³³. Помимо этого русское правительство надеялось таким образом предотвратить набеги и вторжения казахских дружин на Башкирию, Сибирь, Поволжье.

Во-вторых, нам представляется, что не столько опасность нового нашествия побуждала Абулхайра, владения которого располагались дальше всех от Джунгарии, заключить союзный договор с Россией, сколько стремление с помощью России возвратить отнятые у казахов земли. В советской историографии преувеличена роль джунгарской угрозы, на что обращали внимание некоторые западные исследователи¹³⁴. Анализируя содержание посланий хана Младшего жуза Абулхайра

¹³¹ Разные бумаги генерал-майора Тевкелева об Оренбургском крае и о киргиз-кайсацких ордах 1762 года / Временник импер. Московского общества истории и древностей Российских. 1852. Кн. 13. С. 15.

¹³² Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках С. 99—100.

¹³³ Левшин А. И. Описание... Ч. 2. С. 96.

¹³⁴ Bodger A. Abulkhair-Khan of the Kazakh Little Horde, and his Oath of Allegiance to Russia of Octobre 1731 // The Slavonic and East European Review. 1980. V. 58. N 1. P. 40—57.

царскому правительству и местным властям, оренбургский губернатор И. И. Неплюев в своей записке «Известия о начале и о состоянии Оренбургской комиссии» отмечал, что «между представлениями его ханскими знатное было сие: они от зенгорского владельца и от его калмык обижены и когда будут под протекциею ея и. в. могут все свое владение от них со временем возвратить»¹³⁵.

Во время первой встречи с русским послом А. И. Тевкелевым, прибывшим в Казахстан для приведения к присяге населения Младшего жуза, хан Абулхаир раскрыл ему причины, побудившие его искать сюзеренитета России. После ойратского нашествия 1723—1725 гг. он вынужден был оставить Ташкент и Туркестан и уйти в район рек Эмбы и Яика, где также «со всех сторон окружен стал быть неприятelmi и от того времени и донныне городов своих, мачеху и жену свою от него, хонтайши, выручить не может. Поэтому-то он и послал своих людей просить протекцию российскую, чтоб ему, Абулхаир-хану, с волжскими калмыками и с оралскими башкирами быть в миру, а от хонтайши отыскивать свой реванш было ему свободно». Во время беседы Абулхаир подчеркивал, что когда калмыки или башкиры подвергаются нападениям неприятелей, «то охранены они бывают протекциею ея и. в., також де и он, Абулхаир-хан, был охранен ея и. в. протекциею»¹³⁶. 10 октября 1731 г. был подписан акт о присоединении Младшего жуза к России. Вскоре с прошением о принятии в подданство России обратились хан Среднего жуза Самеке, хан Старшего жуза Жолбарс и др. Совершенно прав был, на наш взгляд, П. Г. Галузо, когда писал, что главным мотивом для казахских феодалов, побуждавшим их обращаться к России, были поиски «выгодного сюзерена-покровителя»¹³⁷.

Таким образом, внешнеполитические факторы ускорили процесс присоединения Казахстана к России, придали ему динамизм и своеобразие. Несмотря на тяжелый колониальный гнет царского самодержавия, опиравшегося в своей политике на господствующие слои казахского общества, присоединение Казахстана к

¹³⁵ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, д. 5, л. 9 об.— 10.

¹³⁶ Там же, д. 1, л. 13—13 об.

¹³⁷ Галузо П. Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг. Алма-Ата, 1965. С. 11.

России явилось поворотным событием в жизни казахского народа, облегчило его международное положение, ускорило темпы социально-экономического развития страны¹³⁸. Однако, как отмечали многие дореволюционные и советские исследователи, подданство казахов в XVIII в. носило номинальный характер и по существу представляло собой разновидность протектората¹³⁹.

Признание частью казахских владетелей Младшего и Среднего жузов российского подданства оказало определенное воздействие на политику русского правительства по отношению к джунгарам. Правящие круги России стали занимать более жесткую позицию в переговорах по территориальным и другим вопросам. Прекратились крупные вторжения казахских дружин и разорение ими сел и посадов в Сибирской и Казанской губерниях. Из казахского плена было освобождено много пленных русских, башкир, татар и других подданных России народов, вырос масштаб и объем русско-казахской торговли.

Некоторые феодалы Старшего жуза — Толе-бий, Кодар-бий, Кангильды-батыр и др. также обратились к императрице Анне Иоанновне с просьбой принять их в подданство России. 10 июня 1734 г. императрица подписала указ об удовлетворении их просьбы¹⁴⁰. Однако отдаленность территории Старшего жуза от границ России, межфеодалные усобицы в Казахстане и осложнение внешнеполитической обстановки в связи с нападением Джунгарии на время приостановили развитие отношений Старшего жуза с русской администрацией; царский указ не был доставлен по назначению и остался в архиве оренбургской канцелярии¹⁴¹.

В 1734 г. А. И. Тевкелев возвратился в Петербург и сообщил сведения о результатах посольства и положении в Казахстане и Средней Азии. Ober-секретарь Сената И. К. Кирилов обратился в правительство с проектом, содержащим пакет предложений и мероприятий по укреплению позиций России в Казахстане, Сред-

¹³⁸ Навекы вместе. К 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1982.

¹³⁹ Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. С. 27; Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. С. 258.

¹⁴⁰ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 101, 128.

¹⁴¹ Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии. С. 72.

ней и Центральной Азии. Одной из первоочередных задач, по его мнению, было выполнение просьбы Абул-хаира и строительство крепости в устье р. Орь. Тщательно изучив предложения И. К. Кирилова, Сенат и Коллегия иностранных дел одобрили их. Вскоре императорским указом от 1 мая 1734 г. была создана Оренбургская экспедиция во главе с И. К. Кириловым, наделенным широкими полномочиями, помощником его стал А. И. Тевкелев. «В задачи экспедиции входило хозяйственное освоение восточных районов страны — Казахстана, Башкирии и Каракалпакии, подготовка к использованию их богатых природных ресурсов»¹⁴².

Укрепление позиций России в Казахстане, строительство сети укреплений на Урале было связано и с русско-джунгарскими отношениями. В инструкции Сената начальнику Оренбургской экспедиции И. К. Кирилову от 18 мая 1734 г. подчеркивалось: «Частого известия домогаться о зюнгорах, о их внутреннем состоянии и о войне с киргизцами — кто в выигрыше и в потери, нет ли затейных претензий к Сибири... Искать способ, чтоб зенгорские претензии и нападения на сибирские места упредить и подданных от податей зюнгорцам освободить домогаться. Однак при войне с китайцами ему не мешать, чтоб китайцы принуждены были от российской стороны помосчи требовать и за то какую-либо уступку или другое интересам полезное учинить»¹⁴³.

Между тем в конце 20-х — начале 30-х гг. активность ойратов в Казахстане и Средней Азии резко упала, так как главное направление их внешнеполитической деятельности вновь было обращено к Цинской империи. Связано это было с начатой маньчжурами в 1729 г. новой войной против Джунгарского ханства. Утвердившись на императорском престоле, четвертый сын Канси Инчжэн (девиз правления Юнчжэн) решил довести завоевание монгольских народов до конца. «Богдыхан учинил намерение, — доносили с китайской границы местные русские власти, — контайшу, яко главного своего неприятеля разорить до основания»¹⁴⁴. Военные действия между ойратскими и цинскими армиями начались в 1730 г. и имели затяжной харак-

¹⁴² История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Алма-Ата, 1979. Т. 3. С. 45—46.

¹⁴³ ГАОРО, ф. Оренбургская комиссия, оп. 1. 1739 г., д. 9, л. 8 об.

¹⁴⁴ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1728 г., д. 1, л. 1 об.

тер, что привело к огромным потерям людских и материальных ресурсов¹⁴⁵. Обе стороны начали искать пути к примирению. Посредниками в переговорах, фактически начавшихся в 1734 г., выступили ламаистские иерархи Лхасы¹⁴⁶. Переговоры были длительными и трудными и завершились лишь в 1740 г.¹⁴⁷

В ходе этой, третьей по счету, ойрато-цинской войны воюющие стороны неоднократно обращались к русскому правительству с предложениями о союзе. 24 мая 1732 г. Галдан-Цэрен обратился к находившемуся в Джунгарии русскому послу Л. Угримову с просьбой: «Можно ли де мне послать ныне доложить ей и. в. не повелит ли на них, китайцов, и свои войски отправить... мы их сообщась все искоренили»¹⁴⁸. Пекин, не надеясь собственными силами справиться с джунгарами, также весьма настойчиво домогался от правительства Анны Иоанновны разрешения на участие в войне против джунгар волжских калмыков. В столице России побывали два представительных китайских посольства, доставивших императрице и сановникам богатые дары. Отдельная миссия побывала и в кочевьях волжских калмыков, пытаясь склонить их владельцев, в том числе бежавшего из Джунгарии к торгоутам брата Галдан-Цэрена Шоно-Лоузана, к войне на стороне империи Цин¹⁴⁹. Русские китаеведы С. Липовцов и П. Каменский отмечали, что император Юнчжэн «отправил два посольства одно за другим. Первое к Петру II, а второе к императрице Анне Иоанновне. Последнее принято было в Москве в бытность тогда государыни в оной. Сверх сего он прислал после для роздачи российским чиновникам на 100 000 лян серебра, шелковых материй и китайки...»¹⁵⁰.

¹⁴⁵ По данным китайского историка XIX в. Вэй Юаня, расходы цинского двора на эту войну составили 30 млн лян. См.: АВПР, ф. БАД, оп. 505, д. 81, л. 9 об.

¹⁴⁶ Моисеев В. А. О джунгаро-цинских переговорах в 1734—1740 гг. // НКОГК. М., 1977. С. 2. С. 3—11.

¹⁴⁷ Ходжаев А. Джунгаро-цинский договор 1740 г. // Новое в изучении Китая. М., 1988. С. 59—67.

¹⁴⁸ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1731—1733 гг., д. 3, л. 45 об.

¹⁴⁹ Моисеев В. А. Дело Шоно-Лоузана / К истории посольств из Цинского Китая в Россию в 30-е гг. XVIII в. // НКОГК. М., 1983. Ч. 2. С. 96—103.

¹⁵⁰ Лян — денежная единица и мера веса в старом Китае, равная 37,3 г; китайка — цветная хлопчатобумажная ткань. АВПР, ф. БАД, оп. 505, д. 44, л. 17 об.

Как показали последующие события, цинское правительство рассчитывало, что выступление волжских калмыков против Джунгарии послужит толчком к нападению на Джунгарское ханство народов Казахстана и Средней Азии. «Хотя Земля Тургутская сама собою чюнгар победить не возможет,—убеждали цинские дипломаты российских министров,—однако ж ежели по возможности своей несколько тысяч войска в Землю Чюнгарскую чрез северную сторону отправит, и то услыша пограничные татары, хасак, бурут, Ерким (Яркенд.—В. М.), Хашхар и протчие многие может быть с ними в войну вступить похотят и, таким образом, разбойники чюнгуры для сопротивления с четырех сторон силу свою разделить принуждены и скорее прогнаны и побеждены будут»¹⁵¹.

Цинским дипломатам, отправленным в кочевья волжских калмыков, предписывалось пробраться в казахские кочевья и попытаться поднять местное население на борьбу против Джунгарского ханства, ибо казахи «от колена до колена не в совете с ойратами»¹⁵². Однако осуществить задуманные планы маньчжурскому правительству не удалось. Русское правительство решительно отвергло предложения Юнчжэна о войне против Джунгарии и запретило хану волжских калмыков Цэрен-Дондуку вести военные действия против ойратов.

Результаты переговоров с китайскими посольствами и последующие шаги царского правительства свидетельствовали о том, что в основном политика России в отношении Джунгарского ханства в начале 30-х гг. не претерпела существенных изменений. В инструкции Коллегии иностранных дел иркутскому вице-губернатору А. Бибикову подчеркивалось, что «контайша во всяком случае Российской империи весьма полезен... и главнейший интерес российской состоит в том, чтоб оного каким способом склонять к подданству Российской империи...»¹⁵³.

---

¹⁵¹ АВПР, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/1. 1733 г., д. 1, л. 10 об., 12.

¹⁵² Моисеев В. А. Джунгаро-цинские отношения и казахские ханства в первой половине XVIII в. // НКОГК. М., 1980. Ч. 2. С. 91—94.

¹⁵³ АВПР, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/1. 1730 г., д. 8, л. 16—16 об.

Несмотря на очевидную дипломатическую неудачу в начале 1731 г. цинское правительство направило к волжским калмыкам новое посольство. Русское правительство предписало местным властям не пропускать его в пределы Сибири. В Пекин был направлен лист, в котором Сенат объяснял причины своего отказа пропустить посольство: «Понеже в Генеральном трактате (речь идет о Кяхтинском договоре 1728 г.— В. М.) того не гласит, чтоб к подданным е. и. в. от Трибунала китайского были когда послы посланы и для того оные послы к калмыцким владельцам чрез Сибирь пропущены не будут»¹⁵⁴. Завязалась дипломатическая переписка, и цинское посольство, ожидая результатов, находилось на русско-китайской границе почти три года и возвратилось в Пекин лишь 12 июля 1734 г.¹⁵⁵ Цинский двор стал проявлять заинтересованность по поводу состояния русско-казахских и джунгаро-казахских отношений. Капитан Петров, доставлявший в Пекин послания Сената, по возвращении сообщил, что во время пребывания его в Китае цинские чиновники неоднократно спрашивали о положении в Джунгарии и Казахстане.

На Урале и в Западной Сибири началось строительство новых крепостных линий. В 1734 г. была заложена Верхнеяицкая крепость (Верхнеуральск), в 1735 г. Орск, в 1743 г. Оренбург и др. Была создана новая укрепленная линия от Гурьева до Звериноголовской крепости протяженностью 2500 верст со 114 населенными пунктами, охрану которых несло сформированное в эти годы Оренбургское казачье войско и регулярные армейские части¹⁵⁶. От Звериноголовской крепости до

¹⁵⁴ См. донесение иркутского вице-губернатора А. Жолобова в Коллегию иностранных дел от 31 марта 1732 г. АВПР, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/1. 1735 г., д. 6, л. 73.

¹⁵⁵ Там же. 1734 г., д. 5, л. 54; д. 7, л. 39.

¹⁵⁶ В 1734 г. при впадении реки Ор в Яик И. К. Кириловым была заложена Оренбургская крепость. В 1739 г. по представлению его преемника В. Н. Татищева крепость переименована в Орскую, а Оренбург начали строить на 84 версты ниже по р. Яик в урочище Красная горка. Однако сменивший в 1742 г. В. А. Урусова И. И. Неплюев нашел место неудобным и построил Оренбург близ устья р. Сакмары. В 1744 г. была учреждена Оренбургская губерния и Неплюев И. И. стал первым оренбургским губернатором. Подробно см.: Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 3—6; Зобов Ю. С. Оренбургская пограничная линия // Седьмые Бирюковские чтения, посвященные 250-летию Челябинска. Тезисы докладов. Челябинск, 1987. С. 11—12; АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1752 г., д. 1, л. 17 об.—18.

Омской на протяжении 556 верст в конце 30-х — начале 40-х гг. было построено 11 крепостей и тридцать три редута¹⁵⁷.

В 1733 г. Коллегия иностранных дел рекомендовала Военной Коллегии принять ряд мер по укреплению границ в Западной Сибири. «Надлежит во все пять иртышских новопостроенных крепостей, которые по Иртышу-реке также и в Томск, и в Кузнецк, и в Чауск, и к Барабинским степям и границам Калмыцкой и Казачей орды прибавить регулярных войск перед прежним многое число»¹⁵⁸. Беспокойство царского правительства возросло после заключения Галдан-Цэреном перемирия с цинским двором. 26 июня 1736 г. Коллегия иностранных дел сообщала в Сенат, что «ежели контайша с китайцы войну прекратил, то силы оного имеют быть свободны... от онаго владельца опасение иметь весьма надлежит». Сенат принял решение о формировании в Сибири дополнительно к имеющимся войскам еще одного драгунского полка и пехотного батальона¹⁵⁹.

Таким образом, в противовес агрессивным устремлениям цинского двора русское правительство стремилось поддерживать с Джунгарским ханством нормальные политические и экономические отношения, отказывая в военной помощи как маньчжурам, так и Галдан-Цэрену, и пыталось не допустить угрозы своим владениям в Сибири. В отношении джунгаро-цинской войны русское правительство придерживалось политики нейтралитета, объективно более выгодной правителям Джунгарии¹⁶⁰.

О состоянии ойрато-казахских отношений на рубеже 30-х гг. свидетельствует дошедший до нас дневник тобольского дворянина Максима Этыгерова, отправленного 16 января 1729 г. в ставку Галдан-Цэрена вместе с джунгарским послом Боджиром с требованием возвратить русских пленных и казну, захваченных ойратами под Ямышевом в 1716—1717 гг. Дневник поездки М. Этыгерова в Джунгарию содержит сведения о том,

---

¹⁵⁷ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1752 г., д. 1, л. 17 об.—18.

¹⁵⁸ АВПР, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/1. 1733 г., д. 5, л. 9 об.

¹⁵⁹ АВПР, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/1. 1736 г., д. 3, л. 27 об., 37.

¹⁶⁰ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. С. 247.

что ойрато-казахские отношения в этот период оставались крайне напряженными. Во время прибытия посольства на первый джунгарский караул, которым командовал сын известного ойратского Цэрэн-Дондоба Старшего Бали, на границе Джунгарии и Казахстана происходили постоянные стычки джунгарских охранных отрядов с нападавшими казахскими дружинами. Вокруг русского посольства было выставлено 60 воинов, категорически запрещалось разводить костры¹⁶¹.

22 июня 1729 г. М. Этыгеров прибыл в ставку хунтайджи. Галдан-Цэрэн принял его через два дня и интересовался не столько требованиями сибирской администрации, сколько настойчиво расспрашивал представителя сибирского губернатора «не ходят ли де с вашей стороны на казаков», подготавливая почву относительно совместных военных действий против казахов Среднего жуза. Однако местные сибирские власти категорически отклонили подобные предложения джунгарского хана. В ответ на набеги казахских дружин ойратские войска также совершали грабительские рейды по казахским кочевьям¹⁶². Переброска основных сил ойратской армии против Цинской империи позволила казахам Среднего жуза вытеснить неприятеля и занять ряд своих прежних кочевий по реке Цар-Гурбан. В журнале другого русского посла Л. Угримова (1731—1733 гг.), ездившего в Джунгарию, отмечено, что осенью 1731 г. казахи кочевали у Цар-Гурбана и Голмо-Тологая, а ойратские караулы были отведены к горам Хамар-Дабан¹⁶³.

В связи с усилившимся нажимом казахских войск, посольство Л. Угримова вынуждено было задержаться в Семипалатинске, ожидая, пока будет собран достаточный конвой. Зимой 1731 г. казахские отряды, возглавляемые Рахманкулы, Янкулы и Иделбаем, разбили шедший из России джунгарский торговый караван и захватили в плен сопровождавший его русский конвой. Тобольский татарин Куташ Уразов, бывший в конвое,

---

¹⁶¹ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1729—1730 гг., д. 1, л. 54 об.—55.

¹⁶² Там же. 1733—1734 гг., д. 1, л. 99.

¹⁶³ Там же. 1731—1733 гг., д. 3, л. 9—10 об. Цар-Гурбан (ныне р. Чар), левый приток р. Иртыш. Горы Голмо-Тологой расположены южнее истоков этой реки, Хамар-Дабан — на северных склонах Тар-багатай.

возвратившись в декабре того же года в Семипалатинск, рассказал, что караван и конвоиры сбились с дороги и были захвачены в плен казахским отрядом. Казахские батыры были хорошо осведомлены о состоянии русско-джунгарских отношений, в частности о том, что в Джунгарию возвращается ойратское посольство. Русских казахи отпустили с миром обратно, а ойратских и уйгурских купцов задержали, чтобы потребовать выкуп или обменять на своих пленных, находившихся у джунгар¹⁶⁴. Несмотря на сложные отношения между Джунгарским и Казахским ханствами вопрос о пленных решался довольно гуманно. А. И. Тевкелев подчеркивал, что «ежели войском контайши взяты бывают киргис-кайсаки в полон и после той баталии вольно киргис-кайсакам привозить своим пленникам на смену за одного кайсака по одному калмыку его контайши, или из волжских калмыков, за деньги или за товары не за какую цену не отдает, кроме того что привезут на смену за одного кайсака одного ж калмыка... и о том накрепко смотрят и за тем кайсаки для смены своих ясырей ездят к контайше со всякою охотою»¹⁶⁵.

Сообщение казахских батыров о присутствии поблизости с войсками ханов Абулхаира и Самеке было ложным и преследовало цель запугать ойратов. Казахи рассказывали русским казакам из конвоя, что незадолго перед этим они разбили в районе оз. Зайсан «три зайсанских улуса, при которых оставались токмо старики да бабы, а делные де люди уехали все воевать китайцев... А у них де ныне крайние улусы почти пусты и в близости никого нет»¹⁶⁶. Сильный удар казахские отряды нанесли по кочевьям дербетов. Ойраты говорили Л. Угримову, что летом 1730 г. «Казачья орда разбила их калмыцких дербетов с тысячу кибиток, у которых и скот весь отогнали и их самих в полон взяли»¹⁶⁷. Осенью 1731 г. казахские дружины совершили глубокий рейд в глубь Джунгарии. Сбежавшие из джунгарского плена халхасы сообщали русским, что когда ойратские

---

¹⁶⁴ АВГР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1731 г., д. 1, л. 529—529 об.

¹⁶⁵ Там же. 1731—1733 гг., д. 3, л. 104; *Добросмыслов А. И. Материалы для истории России*. Т. 1. С. 104.

¹⁶⁶ АВГР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1731—1733 гг., д. 1, л. 529 об.—530.

¹⁶⁷ Там же, д. 3, л. 9 об.—10.

войска в 1730 г. двинулись навстречу цинским армиям, «тогда в Контайшино владение на некоторые улусы набегали Казахья орда и в полон побрали контайшинных людей, жен и детей, юрт с тысячу и больше со скотом и пожитками»¹⁶⁸. Вторгались казахские дружины и в подвластные джунгарам районы Горного Алтая. Один из наиболее сильных алтайских князей — Омба обратился к русским властям в Южной Сибири с предложением о военном союзе в борьбе против казахов¹⁶⁹.

В 1731 г. феодалы Среднего жуза намеревались совершить новое крупномасштабное вторжение в Джунгарию. В конце декабря 1731 г. приехавший из Среднего жуза башкир Такмас сообщил находившемуся в ставке хана Абулхаира А. И. Тевкелеву, что хан Среднего жуза Самеке «имеет намерение ехать на контайшу и войска собирается 6000 человек и двое салтанов: Барак-салтан и Абалмамет-салтан и знатной человек Чекебек (Джаныбек.— В. М.)-батыр»¹⁷⁰. В ответ на это летом 1732 г. крупные отряды джунгарских войск численностью около 7 тыс. человек напали на крайние казахские улусы Среднего жуза, но были отбиты¹⁷¹.

В 1731 г. из Джунгарии на Волгу бежал ойратский князь Лозон-Цэрэн со всеми подвластными, число которых по некоторым сведениям достигало 30 тыс. человек. 13 октября 1731 г. Л. Угримов сообщал в Коллегию иностранных дел, что зять Галдан-Цэрена Лозон-Цэрэн «ушел чрез Казахью орду к российским калмыкам и немалую часть при себе взял войска, с которым он был послан от контайши для охранения от Казахей орды на пас близ бухарского города Ташкана»¹⁷².

В 1732 г. ойратам стало известно о прибытии в Казахскую степь российского посла А. И. Тевкелева, об острых столкновениях различных группировок казахских феодалов по вопросу о подданстве. «1 июня,— записал в своем журнале Л. Угримов,— получили в урге известие, что Казахья орда ныне забунтовали на своего Абулхаир-хана, что он требовал из России посланника,

¹⁶⁸ АВПР, ф. Сношения России с Китаем. оп. 62/1. 1732 г., д. 6, л. 61 об.

¹⁶⁹ ЦГАДА, ф. 1-й департамент Сената, оя. 113. 1737 г., д. 108, л. 344—344 об.

¹⁷⁰ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1733 г., д. 1, л. 57—57 об.

¹⁷¹ Там же, л. 95—96 об.

¹⁷² Там же. 1731 г., д. 4, л. 1—1 об.

которой у них ныне и находится, и онаго де посланника назад не отпускают и чинят великое утеснение...»¹⁷³. Расценив эти сведения как явно недружественную акцию со стороны казахов в отношении России, Галдан-Цэрен поставил перед Л. Угримовым вопрос о заключении военного союза против казахов. Прибывший в мае 1733 г. в Семипалатинск ойратский князь Цаган заявил местным военным властям следующее: «Имею я от владельца своего указ, чтоб по имеющей дружбе учинили ныне с нами в здешних крепостях командиры согласие и отправили б из оных крепостей российского войска, с которым бы и мы обще пошли для разорения Казачьей орды, о чем ныне и вам объявить велено»¹⁷⁴. В ответ на это предложение представителю хунтайджи было сказано, что хотя на границе с Казахстаном и Джунгарией российских войск много, но отправить их «с вами или дать в помощь без указа ея и. в. не могут, а к тому ж от них казаков и обид никаких ныне к здешним крепостям не показуется»¹⁷⁵. Предпринятый ойратами поход против Среднего жуза в 1732 г. закончился неудачно. Ойратские войска, сообщал Л. Угримов, возвратились «с великим ущербом, так что едва и не все там остались». Из-за этого вторжения не состоялось традиционное собрание знати Среднего жуза¹⁷⁶. Таковы были отношения Среднего жуза с Джунгарским ханством. Правители Младшего жуза изредка принимали участие в набегах на Джунгарию, главным образом, совершали нападения на волжских калмыков и на Башкирию¹⁷⁷.

В Старшем жузе сложилась совсем другая военно-политическая ситуация. В советской и дореволюционной исторической литературе вопрос о времени и обстоятельствах подчинения джунгарскими феодалами Старшего жуза практически не затрагивался. Н. Г. Аполлова и ряд других советских исследователей считают, что Старший жуз вынужден был признать свою зависимость от Джунгарии после нашествия ойратов в 1723—

¹⁷³: АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1731—1733 гг., д. 3, л. 53—53 об.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Там же, л. 157—157 об.

¹⁷⁶: Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. С. 244; Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 74.

¹⁷⁷ Добросмыслов А. И. Материалы по истории России. Т. 1. С. 131, 133—136, 142—146.

1725 гг.¹⁷⁸ Источники сообщают об этом довольно неопределенно. Используя косвенные данные, попытаемся установить истину. Несомненно, что это покорение совершилось в 30-е гг. XVIII в. После поражений от казахских войск в 1727—1729 гг. и начала войны с Цинской империей в 1729 г. Галдан-Цэрен вынужден был оставить занятые им в 1723—1725 гг. Южный Казахстан и северные районы Средней Азии. 24 октября 1734 г. начальник Оренбургской экспедиции И. К. Кирилов и его помощник А. И. Тевкелев сообщали в Коллегию иностранных дел, что хан Старшего жуза Жолбарс «во владении прежних городов Ташкента и иных, кои завоевал бывший зенгорской владелец контайша, а сын его Галдан-Черин для китайской войны покинул, вступили... и ныне де владеют спокойно, и калмыки зенгорские присылали к ним, дабы жить в миру»¹⁷⁹. Со своей стороны Жолбарс отправил послов с мирными предложениями¹⁸⁰.

Имеются и другие показания, подтверждающие факт независимости Старшего жуза от ойратских феодалов в начале 30-х гг. XVIII в. Так, 16 декабря 1731 г. во время одной из бесед с А. И. Тевкелевым старшина Младшего жуза Букенбай заявил, что «у них, киргискайсаков, прежде были города, а именно: Ташкент, Тюркустан, Сейрам с принадлежащими городками и деревнями и оными владели киргискайсацкие ханы и старшина. В тех городах живут сарты, то есть посацкие мужики, с которых брали они дань. А из тех городов выслал их хонтайша тому с 15 лет (видимо, 5 лет.— В. М.). А ныне оными никто не владеет и дань не собирает, живут праздно...»¹⁸¹. В 1738—1739 гг. К. Миллер, возглавлявший первый русский торговый караван в Ташкент, сообщал, что Старший жуз, города Ташкент и Туркестан находятся в зависимости от джунгарского хана¹⁸².

Имеются факты, свидетельствующие о том, что вторичное завоевание Старшего жуза и сырдарьинских

¹⁷⁸ Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х гг. XVIII в. С. 177.

¹⁷⁹ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 120—121.

¹⁸⁰ АВПр, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1731 г., л. 4, л. 103.

¹⁸¹ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 63.

¹⁸² Абдураимов М. Первый русский купеческий караван в Ташкент (1738—1739 гг.) // Известия АН УзССР. 1955. № 6. С. 90.

городов началось сразу же после перемирия между маньчжурским двором и ургой. Селенгинский комендант и бригадир подполковник И. Бухгольц в 1734 г. сообщал в Сибирскую канцелярию, что «контайша сей весны с войском своим с границы китайской с реки Хобдану, где прежде стоял, отступил в свою землицу и на урочище ныне стоит китайская армия... А контайшин брат Церен-Дундук с войском будто пошел воевать на Казачью орду...»¹⁸³. В этом же году 10-тысячный ойратский отряд вторгся в кочевья киргизов Тянь-Шаня¹⁸⁴. Осенью 1741 г. джунгарский посол Кашка, прибывший в ставку Абулхайра, сообщал находившимся там представителям царских властей, что «наперед сего Большая киргис-кайсацкая орда, воровски подбегая под Зенгорское владение, вред причиняла, того ради зенгорской владелец не мог более терпеть, принужден силою оружия их усмирить и в свое точное подданство покорил»¹⁸⁵.

Послы хана Старшего жуза Жолбарса и ташкентского магистрата Нур-Мухаммед и Науруз-Бокей в Россию выехали из Ташкента в марте 1734 г. и не могли сообщить русским властям о том, что джунгары напали на Старший жуз, поскольку удар был нанесен только летом 1735 г.¹⁸⁶ В ЦГАДА нами был обнаружен документ, в котором бежавшие из джунгарского плена в Ямышевскую крепость 19 июля 1735 г. татары У. Раков и К. Хужулнов сообщали, что, когда они готовились к побегу, «нарежалось калмык на казаков двадцать тысяч, да десять тысяч на Киргизскую землицу»¹⁸⁷. Эти сведения в июле 1735 г. подтвердил волжский калмык Черем Тумесов, также бежавший из ойратского плена в Ямышевскую крепость¹⁸⁸.

Одновременно с вторжением на территорию Старшего жуза и Средней Азии ойратские феодалы вторглись в приграничные кочевья Среднего жуза. Об этом, в частности, свидетельствуют показания солдата Ивана Хорошкова. Ойраты рассказывали ему, что они ходили

¹⁸³ АВПР, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/1. 1734 г., д. 5. л. 40—40 об.

¹⁸⁴ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1735 г., д. 1, л. 512.

¹⁸⁵ ЦГАДА, ф. Сенат, оп. 113. 1742 г., д. 14/145, л. 98.

¹⁸⁶ Добросмыслов А. И. Материалы по истории России. Оренбург, 1900. С. 56.

¹⁸⁷ ЦГАДА, ф. Сенат, оп. 113. 1735 г., д. 334, л. 170.

¹⁸⁸ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1735 г., д. 1, л. 512.

в поход против Среднего жуза «и разбили несколько казачьих улусов и взяли в полон из Казачьей орды сто человек, да отогнали лошадей десять тысяч, верблюдов сто... близость к Иртышским крепостям Казачьей орды никого не имеется, а которые и были, и тех всех разбили, а прочие разбежались»¹⁸⁹.

Таким образом, приведенные свидетельства доказывают, что Старший жуз и северные районы Средней Азии, в том числе города Ташкент и Туркестан, были вновь подчинены ойратскими феодалами летом 1735 г. Феодалы Старшего жуза были вынуждены ежегодно отправлять в ургу заложников, а население — платить Галдан-Цэрену албан в размере одной шкурки степной лисицы с каждой семьи в год¹⁹⁰. Характеризуя правление ойратов в сырдарьинских городах, в том числе и Ташкенте, исследователь Ю. Соколов подчеркивал, что Ташкент для джунгар был весьма важным источником доходов. «Поэтому политика джунгаров в отношении Ташкента была направлена на прочное закрепление власти над городом. Для обеспечения интересов казны впервые в Средней Азии была проведена перепись домовладений, что по мусульманским обычаям считалось весьма греховным делом»¹⁹¹. По сведениям К. Миллера, в 1739 г. в Ташкенте насчитывалось около 6 тыс. домовладений. Галдан-Цэрен предпринял попытку навязать населению Южного Казахстана и Средней Азии ламаизм, но безуспешно. Торгово-ремесленное население городов частично переселялось ойратскими феодалами в различные города Восточного Туркестана, иногда и собственно в Джунгарию¹⁹².

Политика ойратских феодалов в кочевьях Старшего жуза и сырдарьинских городах в известной степени раскрывает причины вторичного завоевания этих районов. Трудно согласиться с мнением А. И. Левшина, полагавшего, что завоевание Старшего жуза Галдан-Цэреном было предпринято с целью помешать присоединению его к России¹⁹³. Нам представляется, что

¹⁸⁹ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1736 г., д. 2, л. 5—6 об.

¹⁹⁰ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1744 г., д. 1, л. 307—307 об.

¹⁹¹ Соколов Ю. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965. С. 29—30.

¹⁹² Молла Муса Сайрами. Тарих-и амния (История спокойствия и безопасности) // МИКХ. С. 487.

¹⁹³ Левшин А. И. Описание... Ч. 2. С. 79.

главным явилось стремление обезопасить свои границы от вторжений казахских дружин и получить новый источник доходов.

Хан Старшего жуза Жолбарс, оказавшись в зависимости от Галдан-Цэрена, не оставил мысли о российском подданстве. В 1738 г. через К. Миллера он вторично обратился к русскому правительству с просьбой о приеме в российское подданство, заявляя о своей готовности содействовать развитию торговли России со Средней Азией. Начальнику Оренбургской комиссии В. Н. Татищеву было предписано «разведать о его состоянии и можно ль в том на него надеяться и ежели он твердого состояния, то с ним далее кореспондовать и его по тому его желанию к подданству склонять»¹⁹⁴. Смерть Жолбарса прервала на время связи Старшего жуза с Россией.

Результаты посольства А. И. Тевкелева в Казахстан, а именно, приведение к присяге на подданство России Младшего жуза, довольно быстро стали известны в Джунгарии. Галдан-Цэрен направил к Абулхаиру послов и в знак примирения и «дружеского» расположения возвратил находившихся в Джунгарии в плену жену и родственников хана Младшего жуза. Джунгарские послы поздравили Абулхаира с принятием российского подданства, отметив при этом, что Галдан-Цэрен с казахским ханом «желает быть в дружбе, а не в войне» и уверяли казахских владетелей, что хунтайджи также будет искать покровительства России¹⁹⁵. Таким образом, расчет Абулхаира с помощью России добиться от хунтайджи возвращения родственников, оказался правильным, однако главных целей он так и не достиг.

Во второй половине 30-х гг. Галдан-Цэрен начал перебрасывать войска к границам Среднего жуза. 6 сентября 1735 г. начальник Оренбургской экспедиции И. К. Кирилов сообщал сибирскому губернатору А. Л. Плещееву, что «от зюнгорских калмык посланные ведомости привезли, будто китайский богдыхан умер, а зюнгорские калмыки с китайцами помирились и хочет зюнгарский владелец Галдан-Цырен на кайсаков Сред-

---

¹⁹⁴ ГАОРО, ф. Оренбургская комиссия, оп. 1. 1738 г., д. 3, л. 56—57.

¹⁹⁵ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 126.

ней орды послать 20 тысяч войска»¹⁹⁶. Ойратские караулы вновь были передвинуты на север и, по сообщениям барабинских татар, появились на р. Карасу. Крупные отряды джунгарских войск расположились в Горном Алтае¹⁹⁷.

Средний жуз из всех трех казахских жузов был самым многочисленным и сильным. Подготовка к широкому вторжению на его территорию велась в Джунгарии в течение нескольких лет. Однако до тех пор, пока не был заключен мир с Цинской империей, Галдан-Цэрэн не рискнул начать военные действия. Судя по сообщениям, поступавшим из разных мест к сибирским и оренбургским властям, широкомасштабное вторжение в Казахстан ойраты планировали начать весной 1739 г. Однако суровая снежная зима 1738—1739 гг., незавершенность переговоров с Цинским Китаем сорвали эти замыслы. Кроме того, несколько охладило воинственный пыл ойратов формирование в Сибири новых воинских объединений и расположение их на Сибирских линиях¹⁹⁸. Бежавшие в Сибирь из Джунгарии пленные осенью 1739 г. сообщали в Тобольске, что получив от ойратских и уйгурских купцов известие о прибытии на Сибирские линии русских войск, Галдан-Цэрэн отдал приказ, чтобы «воинские люди имели крепкие караулы и опасность, когда де оных воинских людей днем и ночью повестят, то б были всегда с ружьем и с припас в готовности». Выставили новые многочисленные караулы на дорогах из Сибири в Джунгарию¹⁹⁹.

Несмотря на растущую угрозу со стороны Джунгарии, казахские владетели Младшего и Среднего жузов в это время были всецело поглощены своими делами в Башкирии, совершали набеги на кочевья волжских

¹⁹⁶ Император Юнчжэн скончался в 1735 г. Преемником его стал Хунли, правивший под девизом Цяньлун. Подробно см.: *Сидихменов В. Я.* Маньчжурские правители Китая. М., 1985; *Добротыслов А. И.* Материалы по истории России. Т. 2. С. 119.

¹⁹⁷ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1738 г., д. 2, л. 42 об.

¹⁹⁸ Там же, л. 160 об.—161. К имевшимся в Западной и Южной Сибири двум гарнизонам и одному драгунскому регулярным полкам в 1736—1737 гг. добавился вновь сформированный Тобольский драгунский полк и пехотный батальон. См.: *Быков Г. Ф.* Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII — начале XIX в. Красноярск, 1985. С. 174.

¹⁹⁹ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1738 г., д. 2, л. 160—161.

калмыков, вели дипломатические переговоры с кубанцами и по существу совершенно не готовились к отпору нового джунгарского нашествия²⁰⁰.

Таким образом, в годы правления в Джунгарии Цэван-Рабдана ойратские феодалы совершили несколько крупномасштабных и весьма значительных по своим последствиям вторжений в Казахстан и Среднюю Азию: в 1698—1699 гг.; 1709—1710 гг.; 1723—1725 гг. Несмотря на одерживаемые, как правило, в начале войны победы, Цэван-Рабдан не смог подчинить своей власти ни один из трех казахских жузов. Более того, казахские ополчения в 1727—1730 гг. поставили его преемника Галдан-Цэрена в сложное положение, разгромив ойратские армии. Однако казахские владельцы вследствие внутренних разногласий не воспользовались результатами своих военных побед. Личные интересы возобладали над общенациональными, и проблема возвращения казахских кочевий в Семиречье и Восточном Казахстане не была решена. Заключив мир с цинским правительством, хунтайджи Галдан-Цэрен в 1735 г. подчинил своей власти Старший жуз.

Борьба с Джунгарским ханством и стремление обезопасить свои владения со стороны России, найти в ее лице сюзерена побудили ряд правителей Младшего и Среднего жузов принять российское подданство. Русское правительство, принимая казахские жузы под свою протекцию, в первую очередь рассчитывало защитить границы империи и получить в лице казахских ополчений союзника против возможных вторжений ойратов в Сибирь.

---

²⁰⁰ Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737—1739 гг. М.: Л., 1950. С. 94, 105. Материалы по истории Башкирской АССР. М.: Л., 1936. Ч. 1. С. 357; ГАОРО, ф. Оренбургская комиссия, оп. 1. 1738 г., д. 3, л. 47.

Глава четвертая

ВТОРЖЕНИЕ ДЖУНГАРСКИХ ФЕОДАЛОВ В КАЗАХСТАН И СРЕДНЮЮ АЗИЮ В 1739—1745 гг. И ПОЛИТИКА РОССИИ

Ойрато-казахская война 1739—1741 гг.

В конце 30-х — начале 40-х гг. XVIII в. главным направлением во внешней политике правящего класса Джунгарского ханства были взаимоотношения с Россией, казахскими ханствами и феодальными государствами Средней Азии. После присоединения Цинами Халхи, захвата Тибета и Кукунора джунгарским феодалам стало ясно, что сил у них явно недостаточно не только для объединения монгольского мира, но и для успешного сопротивления наступлению Цинской империи в Центральной Азии. Поэтому в конце 30-х гг. острое их военно-политической активности окончательно повернулось на запад.

Желая скрыть захватническую сущность своей политики в Казахстане, Галдан-Цэрен дал указание послам Ламе и Науруз Баю, отправленным в 1740 г. в Россию, представить военное нападение на казахские кочевья как «справедливое мщение» казахам за их набеги. Послы 8 января 1741 г. заявили сибирскому губернатору В. Бутурлину, что в годы правления Цэван-Рабдана «Казачей орды третья часть была с ним, контайшей, в замирении и были в подданстве у владельца их Галдан-Чирина, а той же Казачей орды две трети паки остались в прежнем своем состоянии и происходили по природному своему злему обычаю в воровствах. А у владельца их Галдан-Чирина из фамилии ево имелся ближний родственник, ездил за ловлею зверей в пятнадцати человеках и на одного его родственника незапно наехав Казачья орда и поймав его убили до смерти, и для того оной их владелец Галдан-Чирин,

мстя кровь одного родственника своего, послал ныне для искоренения их Казачью орду войска своего на три дороги многолюдно. А она де Казачья орда... подданных их владельца Галдан-Чирина разоряют и скот отгоняют и людей побивают»¹.

Тревожные сведения о выводе ойратским командованием войск из Халхи и Восточного Туркестана и о сосредоточении их близ границ Среднего жуза вдоль Иртышской военной линии начали поступать в Коллегию иностранных дел и в Военную коллегию еще в 1737—1738 гг. 3 июля 1738 г. сибирский губернатор В. Бутурлин сообщил в Петербург, что восьмимысячный джунгарский отряд появился в Горном Алтае в районе р. Кан. Командир отряда приказал алтайцам, чтобы они к весне «были в готовности с лошадми и ружьем»². В Казахстане об этом стало известно гораздо раньше. Весной 1735 г. Буkenбай-батыр сообщил русским пограничным властям, что к ним «от зенгорских калмык пленники ведомости привезли, будто китайской богдыхан умер, а зенгорские калмыки с китайцами помирились и хочет де владелец зенгорской, Галдан-Чирин на кайсаков Средней орды послать войско двадцать тысяч человек»³. Это говорит о том, что Джунгарское ханство готовилось к вторжению в Казахстан в течение нескольких лет.

Между тем, когда уже отчетливо обозначились планы Галдан-Цэрена нанести по кочевьям Среднего жуза новый удар, многие крупные родоправители приняли участие в походе против волжских калмыков. Так, в 1738 г. к ополчению Младшего жуза, идущего на калмыков, присоединились батыры Буkenбай, Есет, Алтай и другие с 2000 отрядом своих воинов⁴. Ханы и султаны Среднего жуза в самый последний момент, когда уже в казахских степях появились отряды, начали собирать войска, переводить в безопасные отдаленные районы стада, укрывать свои семьи. Феодалы Старшего жуза, находившиеся в политической зависимости от

---

¹ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1741 г., д. 2, л. 42 об.— 43.

² Там же. 1738 г., д. 2, л. 42—42 об.

³ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1735 г., д. 4, л. 22.

⁴ Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х гг. XVIII века. Алма-Ата, 1948. С. 100.

хунтайджи, оставались нейтральны, хан Младшего жуза Абулхаир был всецело поглощен хивинским вопросом, пытаясь захватить хивинский престол⁵.

Политическая разобщенность казахских жузов давала Галдан-Цэрену основания полагать, что казахи не смогут оказать серьезного сопротивления его армиям. «Галдан-Церын,— писал Н. Я. Бичурин,— по заключении мира с Срединным государством решился наказать киргиз-казаков, которые, пользуясь пред сим тесными обстоятельствами его на востоке, производили набеги на западные пределы Чжунгарии»⁶. Единственное, что беспокоило джунгарский двор,— это позиция России. Ойраты знали, что в начале 30-х гг. Младший жуз был принят в российское подданство, затем ряд султанов и старшин Среднего жуза также добровольно принесли присягу на верность императрице Анне Иоанновне. В связи с этим было решено направить в Россию посольство и уточнить, какие именно казахские феодалы приняты в российское подданство и как русское правительство отреагирует на вторжение джунгарских войск в кочевья Среднего жуза.

Вторжение ойратских войск в Казахстан началось весной 1739 г. Летом 1739 г. бежавшие из казахского плена башкиры в канцелярии начальника Оренбургской комиссии В. А. Урусова рассказали, что «контайшинской де хан Галдан-Чирин с калмыками собрал великое войско... в 24 000 человеки и разделя оное надвое вырубил киргиз-кайсацких 5 волостей: Канзыгалинскую, Карагулскую, Ятаманлимайскую, Увацкую, Керенскую и 50 000 овец отогнали»⁷. Командовал джунгарскими войсками дядя хана Цэрен-Дондоб⁸. Довольно многочисленные отряды из расположенной вдоль южной части Иртышской линии джунгарской армии под командованием нойона Септеня начали совершать отдельные набеги на кочевья Среднего жуза с целью грабежа и выяснения обстановки.

⁵ Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII веках. Алма-Ата, 1971. С. 159.

⁶ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834. С. 102.

⁷ АВПр, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1740 г., д. 3, л. 15—15 об.; Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках (Сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1961. С. 13.

⁸ АВПр, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/1. 1739 г., д. 5, л. 40—46.

Зимой 1739—1740 гг. было совершено новое вторжение одновременно с двух сторон. Северная группировка ойратских войск под командованием Септеня нанесла удар по родам и племенам, кочевавшим по Ишиму и Тоболу. Южная группа войск, возглавляемая пойнгом Сары Манджи, вторглась в район Сырдарьи. Общая численность ойратских войск составляла примерно 30—35 тыс. человек⁹. 25 января 1740 г. Казанская губернская канцелярия сообщала в сенатскую контору в Москве «о приезде в киргис-кайсацкие орды контайшинских калмыков в пятнадцать тысяч и о нападении на кайсацкие кочевья владения Увак-Гирея, Абулмамет и Барак-салтанов и которые кочевали около Иртышу и Ишиму рек. Оные оттого, оставя свой скот и тягости, також и пажить, бежали к Яику и ныне кочевье возы-мели к Сырдарье...»¹⁰. Сложные природные условия, отсутствие достаточного количества лошадей, неизвестность намерений русского правительства заставили ойратское командование вывести свои войска из Казахстана и расположить вдоль Иртыша.

Потерпев неудачу в сражениях с захватчиками, казахские феодалы тогда же, зимой 1740 г., организовали нападения на волжских калмыков с целью восполнить свои потери в сражениях с ойратами¹¹.

Русское правительство, получив тревожные известия о намерении ойратов напасть на казахские ханства, 9 сентября 1740 г. направило начальнику Оренбургской комиссии В. Урусову указ «Иметь от зюнгорских калмык крепкую предосторожность», а султану Бараку, старшине Джаныбеку и другим казахским владельцам «по необходимости нужде помогать порохом и другими потребностями, кроме пушек и ружья»¹².

Осенью 1740 г. сражения вспыхнули вновь. Казах Абыз Байбулатов, бежавший от джунгар, в декабре 1740 г. рассказал в Ямышевской канцелярии, что «калмыцкое Галдан-Чиринское войско, наехав на казачьи жилища, начали разорять»¹³. Однако на этот

---

⁹ Там же. 1741 г., д. 3, л. 32.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 1-й департамент Сената, 1740—1746 гг., д. 12/143, л. 1006.

¹¹ Там же, д. 72, л. 1—1 об.; ГАОРО, ф. Оренбургская комиссия, оп. 1. 1739 г., д. 7, л. 16, 18, 21.

¹² ГАОРО, ф. Оренбургская комиссия, оп. 1. 1739 г., д. 9, л. 78.

¹³ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1741 г., д. 1, л. 6.

раз ойраты столкнулись с организованным сопротивлением казахских дружинников и ополченцев. Тот же Абыз Байбулатов показал, что «на калмык Галдан-Чиринских пошло казаков две тысячи человек под башлыком Абдулмаметем»¹⁴. Сражения с переменным успехом продолжались до зимы 1741 г. Ойраты пытались отрезать казахам дорогу к русским крепостям и в Барабинские степи. В одной из бесед с поручиком Проскуряковым джунгарский главнокомандующий заявил, что «калмык две тысячи пошлет он прямо на Барабу для поиска неприятелей Казачьей орды, понеже де они калмыки слышали, что тамо при Барабе казаков много». Порученец Септеня, приехав в Ямышевскую крепость, подтвердил это сообщение, добавив, что ойратские войска намерены «итти вниз по Иртышу на здешнюю ямышевскую сторону к Оми для искоренения Казачьей орды и о том де ныне имеются у них советы»¹⁵.

Главное наступление джунгар в Казахстане планировалось начать в феврале-марте 1741 г. Между тем среди казахских ханов не было достигнуто единства в вопросе об отражении неприятеля, а некоторые владельцы пытались вести двойную игру. Позже от ойратов царским властям стало известно, что хан Младшего жуза Абулхаир отправил к Галдан-Цэрену своего посла Кутлумабет-батыра «с таким прошением, чтоб ему владеть городами Туркестаном и Ташкентом, обещая за то быть у него, Галдан-Череня, в подданстве и во знак верности дать сына своего в аманаты»¹⁶.

В январе 1741 г. состоялись переговоры ойратского посольства во главе с Ламой-Даши с сибирским губернатором П. Бутурлиным. Представителей Галдан-Цэрена интересовал прежде всего вопрос «ис которых де орд ныне под Всероссийскою державой находятца в подданстве и в которых местах и какая именно орды»¹⁷. П. Бутурлин ответил, что об этом лучше известно оренбургскому губернатору, а он знает только, что «в подданстве под Всероссийскою державой находятца Абулхаир-хан з детьми и с ордою своею»¹⁸. К этому времени

---

¹⁴ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1741 г., д. 1, л. 6.

¹⁵ Там же, л. 7 об.

¹⁶ Там же. 1742 г., д. 2, л. 342 об. — 343.

¹⁷ Там же. 1741 г., д. 2, л. 43 об. — 44.

¹⁸ Там же, л. 44 об.

значительная часть родов и племен Среднего жуза во главе с ханом Абулмамбетом, султаном Аблаем приняли подданство России¹⁹. Лама-Даши и Науруз Казы заверили П. Бутурлина, что тех казахов, которые признали подданство России, их войска не тронут, «а которые де орды живет на степях и под высочайшею Всероссийскою державою не в подданстве, то они, Галдан-Чиринское войско, тех воевать будут и в том им от российских верноподданных какого препятствия чинено не было»²⁰.

Ойратские послы формально ехали для поздравления Анны Иоанновны, а она в 1740 г. скончалась и они под предлогом срочно, якобы для немедленного сообщения об этом в ургу, отправили одного из членов посольства. Есть все основания предполагать, что главной целью посольства было выяснить позицию России относительно военных намерений джунгарского хана в Казахстане, осуществить дипломатическую подготовку к войне. Послы расспрашивали царских чиновников о численности тех или иных казахских родов, выясняли места их кочевий, просили не пропускать казахов за линию русских крепостей. П. Бутурлин в ходе переговоров не только пообещал джунгарским послам не пропускать казахов за крепостные линии, но и заявил, что им во все крепости «посланы указы с крепким подтверждением... от приходу неприятельских людей Казачей орды везде иметь всегда крепкую и неусыпную предосторожность и неоплошные везде караулы...»²¹.

Ободренные исходом переговоров, ойратские послы заявили сибирскому губернатору, что «нападения де на них, Казачья орду, намеряны они учинить февраля с 15 числа сего году». В ответ на выраженное пограничными сибирскими властями беспокойство по поводу расположения джунгарских войск вблизи российских крепостей и перехода их на левый берег р. Иртыш посланцы Галдан-Цэрена объяснили, что сибирским властям нечего бояться и что это был вынужденный шаг ойратского командования, так как казахи выжгли

---

¹⁹ Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII веках. Алма-Ата, 1971. С. 149.

²⁰ АВПр, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1741 г., д. 2, л. 44 об.

²¹ Там же, л. 45 об.

траву на тех местах, где первоначально было запланировано размещение войск²².

Таким образом, обстановка для ойратов складывалась весьма благоприятная. Сибирские власти по своему неведению фактически развязали Галдан-Цэрену руки для агрессивных действий против Среднего жуза. Цинский двор также не имел в этот период враждебных намерений в отношении Джунгарии. Среди казахских владетелей царил разброд. Более того, феодалы Младшего и отчасти Среднего жуза по-прежнему вели борьбу с волжскими калмыками. Оренбургская комиссия, находившаяся в Самаре, 26 августа 1741 г. доносила в Коллегию иностранных дел, что эти военные столкновения происходят «как видно не только для того, чтоб обиды свои отмстить, но притом бы и разорении от зюнгорцов причиненным им... наградить». В сражениях с калмыками во главе многотысячного казахского войска участвовали Абулмамбет и Кучук, султан Барак, батыры Имет, Джаныбек и др.²³

Непосредственным поводом для нового широкого наступления ойратов в Казахстан были вторжения в Джунгарию султана Барака и Карасакала. Этот авантюрист, бежав из Башкирии и выдав себя в казахских степях за умершего в Калмыкии сына Цэван-Рабдана Шоно-Лоузана, начал агитировать казахских владетелей помочь вернуть якобы принадлежащий ему трон в Джунгарии. «Киргизы будучи исконными врагами зюнгар, охотно собрались вокруг славного вождя, который в случае успеха мог сделаться добрым соседом и другом киргиз»²⁴.

В конце февраля 1741 г. 30-тысячная ойратская армия под командованием Септения и старшего сына Галдан-Цэрена Ламы Доржи вторглась в кочевья Среднего жуза. Удар по Среднему жузу был нанесен в трех направлениях. Казак Федор Найденов, ездивший разыскивать хана Абулмамбета, сообщал, что джунгарская армия численностью 30 тыс. человек разделена командованием на три части: «одна часть идет по Ишиму,

---

²² АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1741 г., д. 2, л. 43—43 об.

²³ Там же. 1741—1742 гг., д. 3, л. 6—6 об.

²⁴ Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край. Казань, 1897. Т. 1. С. 173. Подробно о Карасакале см.: Мусеев В. А. Степной самозванец // Простор. 1984. № 6.

другая от Ташкента, третья от Туркестанта, а все на киргис-кайсаков, коих везде весьма разоряют»²⁵.

Хан Абулмамбет, сообщали русские местные власти в Петербург, «с своим улусом переправился через реку Орь и идет к Оренбургу», за ним ойраты «во многолюдстве идут». Под ударами ойратских войск Абулмамбет отступил на территорию Младшего жуза и скрывался по р. Илек и Яик. Однако и здесь подвергся нападению джунгарского отряда. Направленный для сбора сведений в Хиву и Бухару ногайский казак Федор Найденов докладывал с дороги командующему Троицкой крепости полковнику Я. Павлуцкому, что «за 20 верст до Илецких вершин зенгорские калмыки, например, тысячи с три и больше, наехав встречу их киргис-кайсаков разбили... и несколько до смерти побили и в полон побрали, сколько именно того за великою их обширностью не знает, а скот их весь взяли...». После чего у хана Абулмамбета осталось всего 30 кибиток и он покочевал вниз по Яику²⁶.

В марте 1741 г. Абулхаир с тревогой сообщал В. А. Урусову: «Верхние калмыки (джунгары.—В. М.) со всех сторон нас окружили» и просил построить в его кочевьях крепость. Прибывшие в конце того же года в Петербург представители Абулхаира старшина Кутырбатыр и Байбек от имени своего владельца просили русское правительство «при реке Сыр-Дарье построить новую крепость, дабы от неприятеля персиян и зенгорских калмык безопасно было»²⁷.

1 июня того же года к коменданту Ямышевской крепости подполковнику Зарину прибыл ойрат Ургудзжун Галзат с поручением своего военачальника Септеня сообщить русским властям о результатах похода: «Он, ноен Септень, со всем войском возвратился благополучно в свою Зенгорскую землицу... а с собой де он Септень привел полону Казачьей орды и торгоутов (живших в плену у казахов.—В. М.) мужеска и женска пола три тысячи человек, токмо мужск пол все мало-возрастные, а болших всех кололи. А был де он Септень с войском нынешней зимы и весны на Обото и Тоболе

---

²⁵ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 113/1. 1741 г., д. 4, л. 73 об.

²⁶ Там же, оп. 122/1. 1741 г., д. 4, л. 72—73 об.

²⁷ Там же. 1741—1742 гг., д. 1, л. 5 об., 14, 42.

реках по таком случае, когда он, Септень, с войском были на Ишиме в урочищах Шилигу и Чюдурту и тут выбежал было на них калмык с войском Казачьей орды Аблай-солтан в двух стах человеках, коих они калмыки разбили и взяли в полон одного султана Аблая, а потом не в далности наехали на Казачью ж орду, коя стояла в лесках и у них Казачьей орды они, калмыки, прежде лошадей отогнали, а потом нападение учинили на самих и они де Казачья орда без сопротивления здались, коих было з двести человек мужеска пола или более, а с ними Барак-султан, Дургун-султан, да Атыкмаш, Кобутыган-батыр, коих они калмыки главных султанов и батыря послали наперед зимою в свою Зенгорскую землю...

Протчих несколько Казачьей орды на побег тогда ушли за Тобол, за которыми в догоне и для указывания протчих таких Казачьей орды вел их, калмыков, пленник их Казачьей орды человек и то все обманом водил нарочно и напускал снег и мороз великой, потому что был еретик и от того едва они калмыки спаслись, а несколько было урону, от холоду померли и так они калмыки онаго вора-еретика сожгли и пошед паки напали на Казачьи жилища, коих весма многолюдно было по-видимому и за вышепоказанным уроном своих людей от морозов наступать на них не смели и так возвратились здорово и от них казаков никакой изневаги калмыкам не было... А их де калмыцкого войска ныне возвратно с Септением пошло тысяч с пятнатцать, а протчие де их же калмыцкие войска, которые пошли для поиска же Казачьей орды разными тракты под особливыми башлыками, по за камню и по близости к, Кыргызским жилищам»²⁸. К сожалению, не удалось выяснить фамилию этого человека, предотвратившего в известной степени гибель и пленение тысяч и тысяч своих соплеменников.

Однако попытки джунгарского командования нанести казахам удар с юга потерпели неудачу. Бежавший из джунгарского плена енисейский киргиз Кычик Чюганов 10 июня 1741 г. показал в Кузнецке, что «с тою калмыцкою силою Казачья орда дралась в прошедшем полузimy по их названию в месяце Чеган Цара (февра-

---

²⁸ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1741 г., д. 1, л. 41—41 об.

ле.— В. М.) и Казачья орда калмыцкую силу одолела и с правого крыла калмыков Казачья орда много побдила». Еще раньше казахские дружины разгромили улус ойратского главнокомандующего Септеня. Особенно отличился в этой войне батыр Олжабай, которого народ в своих преданиях и исторических песнях называет победителем Галдан-Цэрена²⁹.

В мае 1741 г. война, продолжавшаяся в общей сложности немногим более трех лет, была закончена. Несмотря на успехи в отдельных сражениях, казахи, занятые войной с волжскими калмыками, потерпели поражение.

Объясняя причины успехов Джунгарии в этой войне, русский историк И. А. Попов совершенно справедливо отмечал, что они «заклучались в различных условиях жизни джунгарцев и киргизов (казахов.— В. М.). Последние были разделены на три орды, в которых не столько ханы имели власть, сколько их старшина (князьки и родоначальники), зорко следившая за каждым властолюбивым движением своего хана, не дававшая ему усилиться ни богатством ни людьми... А джунгарский владелец Галдан-Черен, не как киргизские ханы над подданными своими безвластные, имел он власть подобно самодержавной, войск своих мог выставить до 80 000 человек с огненным ружьем и между всеми тамошними народами был сильной»³⁰.

Такому исходу войны способствовали и внешнеполитические условия: пассивность царского правительства и местных властей в организации военной и дипломатической защиты своих новоподданных, мир, заключенный в 1740 г. между Джунгарией и Китаем. Сумев нанести поражение владетелям Среднего жуза, Галдан-Цэрен попытался заставить их признать подданство Джунгарии.

Дипломатическое наступление джунгар на Средний и Младший жузы

Летом 1741 г. в ставках ханов Младшего и Среднего жузов происходили советы знати по вопросу о дальнейших взаимоотношениях с Джунгарским ханством:

²⁹ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1741 г., д. 1, л. 49, 78; РФ ЦНБ (Редкий фонд Центральной научной библиотеки). Казахский героический эпос. Т. 5. С. 74—80.

³⁰ Попов И. А. Татишев и его время. М., 1861. С. 171—172.

готовиться ли к войне или начать мирные переговоры. Большинство владельцев высказалось за мирные переговоры. 11 ноября 1741 г. ойратские купцы, ехавшие в Россию, доставили в Ямышевскую крепость плененного ими по дороге казаха Уразая, который заявил в Канцелярии, что «послы де их Казачьей орды ушли пословатца к Галдан-Чирину, чтоб с ними, казаками, Галдан-Чирин примирился, тому три месяца назад»³¹. Побывавшие в 1742 г. в кочевьях Среднего жуза башкиры А. Кусебаев и другие подтвердили эти сведения. Они сообщили, что «посланы были от кайсаков к зенгорскому владельцу Галдан-Чирину посланцы их, ис коих главным был Акчура-батырь, которые де в прибытие их и возвратились и с ними прибыли зенгорских калмык три человека»³².

Галдан-Цэрен в ответ на предложение о заключении мира предъявил владельцам Среднего жуза следующие требования. Прислать в качестве заложников «знатных людей детей десять человек с домами их и со скотом», в том числе таких влиятельных в Казахской степи владельцев как султан Барак, батыр Джаныбек и др. Кроме того, Галдан-Цэрен потребовал немедленной выдачи «бывшего в Башкирии возмутителя Карасакала, коего в той орде называют контайшиным сыном Суною-батырем, объявляя, что ежели де оных те киргисцы отдадут, то зенгорской владелец Галдан-Чирин и воевать с ними не будет, буде же не отдадут, то просят срочного дни когда и на котором месте быть бою». В ответ на это требование ойратских послов было сказано, что казахские владельцы «желают собраться и учинить о том совет и намерены ответствовать, что понеже ныне орда их кочует на разное, а более к Оренбургу, того ради без совету всех и ответу учинить не могут»³³.

Несмотря на то, что волна джунгарского нашествия практически не задела Младший жуз, положение его было сложным. В значительной степени это объяснялось вторжением в Бухару, а затем и в Хиву войск персидского шаха Надира, который имел планы нанести удар

³¹ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1741 г., д. 1, л. 75 об.

³² ЦГАДА, ф. Правительствующий Сенат, оп. 113. 1742 г., д. 14/145, л. 11 об.

³³ Там же.

и по казахским ханствам. В такой обстановке Абулхаир, находившийся в Хиве, куда он был приглашен местной знатью в ханы, решил использовать прибывшего к нему из Оренбурга геодезиста Ивана Муравина. Русский представитель вместе с депутацией аральских узбеков и каракалпаков был отправлен к шаху Надиру. С Муравиным Абулхаир отправил грамоту Анны Иоанновны и свое письмо, в котором писал Надиру, что «ежели он вашему и. в. мирен, то и нам мирен». Хорошо приняв И. Муравина и признав, что Абулхаир действительно является подданным России, шах тем не менее потребовал, чтобы «хан со всеми старшинами хивинскими, аралскими, каракалпаками и киргисцами приехал ко мне, ...а ежели де он не будет, то б на меня не пенял и уйти де ему от меня некуда». Абулхаиру была послана шахская грамота и направлен посол³⁴.

На словах и в письме, врученном шахским послом Абулхаиру, последний настоятельно приглашался в персидское войско. В письме императрице Анне Иоанновне Абулхаир сообщал, что намеревается послать к Надиру своего родственника Нияза-султана, нескольких казахских и каракалпакских биев, главу аральских узбеков Артука и некоторых других. Однако в момент отправления посольства люди Абулхаира перехватили указ Надира к хивинским бекам не выпускать Абулхаира из Хивы. Захватив с собой хивинских биев, «которые владели оным городом», Абулхаир бежал из Хивы в свои кочевья. Персидское войско захватило и разграбило Хиву. «Мы им, персиянам, ничего не смеем,— писал Абулхаир императрице,— пока от вашего и. в. придет сила»³⁵.

По сведениям геодезиста Муравина, сообщенным ему офицерами персидской армии, Надир-шах после завоевания Хивы действительно «намерение тогда имел итти по Сырдарье на Туркестант и Ташкент и их взять под власть свою»³⁶. Эти сведения подтверждались другими лицами. Бежавшие вместе с Карасакалом в Казахстан башкиры рассказывали в 1742 г. приезжавшему к ним казаку Федору Найденову, «что персичкое

³⁴ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1741 г., д. 1, л. 10 об.—11.

³⁵ Там же. 1741—1742 гг., д. 3, л. 3 об.

³⁶ Там же. 1741 г., д. 1, л. 10 об.

войско к Туркестанту городу и поблизости того мусульманские города и местечка все взял...»³⁷

Английский купец Гок, ездивший по торговым делам в Казахстан и Среднюю Азию, сообщал в Оренбург, что в апреле 1742 г. Галдан-Цэрен прислал хану Среднего жуза Абулмамбету грамоту, в которой предписывал, чтобы «Абулмамет-хан, Батыр-салтан и прочие владельцы и главные старшины приехали жить к Туркестану, прислали заложников и дань с каждой кибитки Среднего и Младшего жузов по одной шкурке степной лисицы». В грамоте говорилось о том, чтобы казахи беспрепятственно пропускали торговые караваны и не нападали на пограничные джунгарские кочевья. Если эти требования не будут выполнены, «то он, Галдан-Чирин, пришлет двух зайсангов с войском своим, одного на Среднюю, а другого на Меншую орду и велит всех разорить»³⁸. В начале 1742 г. с аналогичными требованиями появились ойратские послы Кашка и Баранг в ставке хана Абулхаира³⁹.

10 января 1742 г. у Д. Гладышева и ойратского посла Кашки состоялся разговор. На вопрос русского представителя о цели приезда ойратских послов в Младший жуз Кашка заявил, что в 1740 г. Абулхаир присылал к Галдан-Цэрэну в качестве посла Кутлумбета-батыра с просьбой, «чтоб ему владеть городом Туркестантом и Ташкентом, за что будет он хан у него Галдан-Чирина в подданстве и в верности того обещал дать сына своего в аманаты, зачем де он Кашка-зайсанг к нему Абулхаир-хану и приехал»⁴⁰.

18 июня 1742 г. Абулхаир прислал И. И. Неплюеву письмо, полученное им от Галдан-Цэрена. Письмо это, написанное в ультимативном тоне, содержало ряд требований: «...3 белыми кибитками Абулхаир-ханова сына Айчувака-салтана, то есть с молодою женою в аманаты прислать» и, кроме него, сыновей 9 наиболее влиятельных старшин. Джунгарский хан требовал уплаты подати со ста дворов по одному корсаку, поимки и выдачи

³⁷ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1742 г., д. 4, л. 82 об.

³⁸ Там же, л. 70.

³⁹ ЦГАДА, ф. Правительствующий Сенат, оп. 113. 1742 г., д. 14/145, л. 97—97 об.

⁴⁰ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1742 г., д. 2, л. 7 об.

Карасакала, беспрепятственного пропуска торговых караванов.

Требования Галдан-Цэрена обсуждались на собрании Младшего жуза, где присутствовало около полуторы тысячи человек. После окончания собрания, как доносил И. И. Неплюеву Д. Гладышев, в юрту к Абулхаиру пришли четыре бия и объявили, что большинство участников собрания решили принять требования джунгарского хана. «Мы де Меншая и Средняя орда,— заявили бии Абулхаиру,— в том состоим, чтоо калмыцких посланцов с порядком отправить для того, что на здешнем месте кочевья наши утеснились, не примириться де с калмыками, ежели отечественный юрт отдадут, нельзя. Мы де с калмыками довольно привыкли и что де те калмыки просят, то надобно дать». Абулхаир заявил, что будет советоваться по этому поводу с И. И. Неплюевым⁴¹.

Принять требования джунгарского правителя означало бы фактическое признание ойратского сюзеренитета. В сложившейся обстановке большинство казахских султанов и старшин Среднего жуза высказались за сохранение и упрочение отношений с Россией. Выступая на собрании знати Среднего жуза осенью 1741 г., султан Барак заявил, что «сколько до сего при российской стороне они не находились, то от оной не только никакого озлобления не видали... и жили во всяком покое и по своей земле, а к зюнгурской стороне не успели еще и пристать, то видите какое от них благополучие является»⁴². Все же целый ряд влиятельных феодалов Среднего жуза, стремясь извлечь для себя ряд политических и материальных выгод, в частности, вернуть захваченные джунгарами районы Южного Казахстана, согласились выполнить некоторые требования Галдан-Цэрена. Отправил своего сына в качестве заложника джунгарскому хану Абулмамбет. Его примеру последовали некоторые султаны и старшины — Абулфеиз, Нияз-батыр, Девлетбай и другие, которые, как докладывали возвратившиеся из Казахстана русские представители Уразин и Лихачев, «наперед сего с лежащих около Ташкента городков дань обирывали»⁴³.

⁴¹ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1742 г., д. 4, л. 79 об., 80 об., 86 об.

⁴² Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России. С. 106.

⁴³ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 270.

В марте 1742 г. хан Младшего жуза Абулхаир доносил императрице Елизавете Петровне, что «Абулмамбет и Барак, Батыр салтаны и Карасакал четверо советуют единогласно, чтоб зенгорским калмыкам отдать детей своих и давать дани и отвращать свой народ от вашего императорского величества... приговаривают отдать зенгорскому калмыку белые знатные кибитки и дань»⁴⁴. Не исключено, что Абулхаир, враждуя с этими феодалами, старался очернить их деятельность и поведение в глазах царской администрации и правительства. Ойратский посол Базар, направленный Галдан-Цэреном в Средний жуз, как сообщали в конце 1742 г. казахи майору К. Миллеру, «привез от онаго Абулмамбета сына ево в аманаты, а от Барака посланцев, которых всех приехало человек з двести, в том числе многие и для выкупу своих детей и родственников»⁴⁵. Абулмамбет отправил в Джунгарию своего сына Абулфеиза, чтобы «Туркестанскую провинцию во владение свое от зюнгорского владельца получить, что ему тот владелец акибы и обещает... жить в том городе Туркестане, а в орде сделать на свое место другого хана из племянников своих Тевкея-солтана сына Шемяки-хана»⁴⁶.

Старшина Среднего жуза Букенбай и Джапак рассказывали в октябре 1752 г. приезжавшему в ставку Аблая капитану А. И. Яковлеву, что когда в 1742 г. по требованию Галдан-Цэрена в его ставку в качестве заложника прибыл только сын хана Абулмамбета, последний «с гневом говорил: для чего де не ото всех родов в аманаты привезены?» В ответ на это батыр Малай-Сары заявил, что «у нас и в Россию со всех родов в аманаты не требуют, а ты де хочешь быть больше Великороссийского государства». Хан ничего не ответил и требования свои снял.

Стремясь воспрепятствовать укреплению связей между Россией и казахскими ханствами, Галдан-Цэрен начал применять в отношении казахских владетелей Младшего и Среднего жузов более гибкую тактику. В конце 1741 г. он направил в ставку хана Абулхаира новое посольство «с тем, чтоб он, Абулхаир, отдал дочь

⁴⁴ ЦГАДА, ф. Правительствующий Сенат, оп. 113. 1742 г., д. 14/145, л. 43 об.

⁴⁵ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1742 г., д. 3, л. 103 об.

⁴⁶ ЦГАДА, ф. Правительствующий Сенат, оп. 113, 1742 г., д. 14/145, л. 303—303 об.

свою в замужество за сына ево Галдан-Чирина»⁴⁷. Для того чтобы добиться от казахских феодалов выполнения своих требований относительно выплаты дани и заложников, хунтайджи решил использовать вопрос о выдаче пленных, и прежде всего султана Аблая. Приехавшему в Джунгарию казахскому послу Акчуре было заявлено, что «если он, Акчур, и с калмыками тремя человеки к зенгорскому владельцу возвратится и требуемых в аманаты десять семей и вора Карасакала приведет, тогда и киргис-кайсацкие пленники от зенгорцов отпустятся все». По свидетельству побывавших в Джунгарии казахов, при приезде казахских послов Галдан-Цэрен «Аблаю-салтану приказал руки и ноги сковать и во всю ево, Акчуры, бытность был скован, и по отъезде ево, Акчуры, руки у него Аблай-салтана расковали, а брата ево Аблаева отпустили в киргис-кайсаки обратно». После отъезда посольства Аблаю была предоставлена отдельная кибитка, свобода передвижения, хотя и в сопровождении караула⁴⁸.

В марте 1743 г. после приезда заложников от Абулмамбета, Барака и некоторых других казахских феодалов, Аблай с сыном и ряд других знатных пленников были отпущены⁴⁹. Об этом докладывал в Коллегию иностранных дел начальник Оренбургской комиссии И. И. Неплюев: «Галдан-Чирин тот отпуск в такой образ учинил, чтоб показать с какою умеренностью и лготою хочет касак в своей протекции содержать, которую своею политикою, больше нежелъ посылкою войск оной лехкомысленной народ поколебать и привлечь к себе возможен». Вместо себя Аблай вынужден был присылать в Джунгарию своих сыновей, которые содержались там на весьма льготных условиях. Подпрапорщик Савва Соболев, в 1745 г. ездивший в Джунгарию, по возвращении докладывал командующему

⁴⁷ ЦГАДА, ф. Правительствующий Сенат, оп. 113. 1740—1746 гг., д. 12/143, л. 1025 об.

⁴⁸ Там же. 1742 г., д. 14/145, л. 111; АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1742 г., д. 2, л. 17 об. Чуть позже сержант Александр Подзорнов, отправленный из Тобольска в Джунгарию, сообщал, что Аблай жил в урге под наблюдением зайсана Харачинского отока Цегука. С ним вместе находились один из его сыновей и 20 казахов. Караульные не дали возможности поговорить с Аблаем. См.: АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1743 г., д. 2, л. 39 об.—40.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. Правительствующий Сенат, оп. 113. 1739—1745 гг., д. 142, л. 28—28 об.

войсками на Сибирских линиях генералу Г. Х. Киндерману, что «дети Аблай-салтана и Барак-салтана в орду ко владельцу их Галдан-Чирину с легкими юртами (приезжают) и живут по месяцу и по два и гуляют с галданскими детьми и находятся де у Галдан-Чирина в милости»⁵⁰.

Вскоре хан Младшего жуза Абулхаир послал в Джунгарию своего сына. Эти сведения подтвердил ездивший в Джунгарию в качестве посла К. Миллер. Старшина Кангердинского рода Старшего жуза Баитбай, которому было велено от ойратов доставить его в Туркестан, говорил ему, что казахские владельцы «ныне к калмыкам послали детей своих, а именно Абулмамбет-хан — сына, Нияз-батыр — сына, Девлетбай — сына и другие старшины. Им бы де надлежало милости ожидать от российской великой государыни, а то видно, что наши кайсаки разделились надвое»⁵¹. Рядовое население всех жузов, значительная часть старшин и батыров не одобряли принятую казахскими владельцами тактику лавирования между Россией и Джунгарией с целью получить от той и другой стороны наибольшую выгоду.

Пытаясь привлечь на свою сторону казахскую знать, ойратские дипломаты в переговорах постоянно подчеркивали, что казахи и западные монголы — кочевые народы, имеющие много общего между собой в экономике, культуре по сравнению с Россией. Вот наглядный образец такого рода пропаганды. В одном из посланий к хану Младшего жуза Абулхаиру Галдан-Цэрен откровенно писал, что «когда он, Абулхаир, пред белой государыней стоит на коленях, то ему, Галдан-Чирину, неприятелем находится. С такими речми мы де калмыки и кайсаки вдвоем — ястребы, а пред оной вороной (российской императрицей. — В. М.) не станем на колени, ибо де они тележные, а мы узбеки (кочевники. — В. М.) и ежели де вы на российских понадеетесь, то наши калмыки всякий день вас, киргисцов, будут бить»⁵². В этом послании содержится многое: намек на общее историческое прошлое, на пренебрежительное

⁵⁰ ЦГАДА, ф. 1-й департамент Сената, оп. 113. 1745 г., д. 1607, л. 41.

⁵¹ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1743 г., д. 2, л. 115.

⁵² АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1742 г., д. 4, л. 89 об.

отношение кочевников к земледельческим народам, откровенный призыв к объединению для борьбы с Россией. Однако экономические и политические связи Казахстана с Россией крепились и становились теснее с каждым годом, среди всех слоев населения усиливалось понимание необходимости единства для противостояния Джунгарскому ханству⁵³.

Тем не менее неспособность царских властей защитить казахов от ойратских вторжений и мощный дипломатический нажим Галдан-Цэрена на казахских феодалов, его политика кнута и пряника принесли определенные плоды. В начале 40-х гг. во всех казахских жузах росли проойратские настроения, выразителем которых был известный батыр Среднего жуза Малайсары, возглавлявший, по словам Чокана Валиханова, «Патриотическую партию»⁵⁴. Под воздействием ряда причин, прежде всего стремления добиться с помощью Галдан-Цэрена разрешения своих личных интересов, произошли значительные перемены в умонастроении многих влиятельных казахских владетелей — султанов Батыра, Барака, Аблая и даже хана Абулмамбета. От некогда враждебных отношений они перешли к политике активного сотрудничества, расширения политических и торговых связей, однако это вовсе не означало признания ими власти джунгарского хана. «Русская партия» была может быть менее многочисленной, но вопреки мнению Чокана Валиханова, далеко не «ничтожной» и «слабосильной». Ее лидеры — Абулхаир, хотя и ссорившийся с оренбургской администрацией, Джаныбек, Кулсара, зять Толебия и отец известного акына Тлеуке-улы Кулеке-батыр и другие были влиятельнейшими в Степи людьми. Их твердая позиция в отношении домогательств хунтайджи оказывала заметное влияние на многих колеблющихся и неустойчивых владетелей.

В 1743 г. под предлогом нападения казахского отряда на пограничные джунгарские кочевья Галдан-Цэрен через родного брата батыра Нияза, бывшего в аманатах у джунгар вместе с Абулфеизом, передал письмо хану Среднего жуза Абулмамбету с требованием «тех воров

⁵³ Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М., 1960.

⁵⁴ Валиханов Ч. Ч. Черновой набросок о древних грамотах // Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 3. С. 170—171.

переловить и с ними для верности в аманаты прислать от Жанбек-тархана, от Барак-салтана, да от Казбек-бия по одному сыну. Почему Абулмамбет-хан з Барак-ком предписанного Котаметюляка и поимали для отсылки ево, также и Баракова и Казбек-биева детей в аманаты... с протчими их владений старшинами и батырами, учиня совет... в аманаты к Галдан-Чирину послать». Однако большинство старшин и батыров высказались против такого решения, заявив своему хану и султанам, что «мы под властью Галдан-Чирина быть не хотим и желаем быть в верности под протекциею у ея и. в. и от вас де пойдем прочь кочевать к Джанбек-тархану». Джаныбек, как рассказал возвратившийся из Среднего жуза башкир Тюкан Балтасев, «по неоднократно от Абулмамбет-хана и Барак-салтана призыву на тот их совет не поехал...»⁵⁵. Многие казахские старшины последовали примеру Джаныбека и отказались приехать на совет.

Как отмечалось советскими исследователями, важное место в ойрато-казахских отношениях в это время занимал вопрос о Карасакале⁵⁶. Этот прожженный авантюрист, как его охарактеризовал Ч. Валиханов, выходец из каракалпакских князей, много лет проживший среди волжских калмыков⁵⁷, выдавал себя в казахских степях не только за соискателя ойратского трона Шоно-Лоузана, родного брата джунгарского хунтайджи Галдан-Цэрена, но и за «святого» и даже «мессию». Собрав вокруг себя степных удальцов, он часто тревожил набегами пограничные джунгарские кочевья, многие недовольные политикой Галдан-Цэрена ойраты находили убежище в лагере этого самозванца. Несмотря на уговоры и угрозы как со стороны царских властей, так и джунгарского хана казахи категорически отказались выдать им этого человека. Более того, его укрывали в лихую годину от врагов, снабжали скотом, выделяли людей и воинов для охраны. Для определенной части казахских феодалов (Казбек-бия, Кабанбай-батыра и др.) этот претендент на джунгар-

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 1-й департамент Сената, оп. 113. 1744 г., д. 365, л. 4—4 об.

⁵⁶ Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII—XVIII вв. М., 1979. С. 52—54.

⁵⁷ Моисеев В. А. Степной самозванец // Простор. 1984. № 6. С. 200—204.

ский престол был нужен как важное орудие в борьбе с ойратской державой, в которой нередко вспыхивали княжеские усобицы. Возможность посадить на престол своего ставленника сохранялась до тех пор, пока Карасакал находился в их руках⁵⁸. В 1742—1743 гг. Галдан-Цэрен потребовал в обмен на возвращение из плена султана Аблая и некоторых других знатных казахских пленников выдачи Карасакала. Однако из казахских владетелей никто не решился схватить и представить Карасакала в Джунгарию, а тем более, в Россию, хотя правительство обещало за его поимку награду в 500 рублей, а за доставку головы 250 руб.⁵⁹

Многие документы и материалы сообщают, что Карасакал отговаривал казахских феодалов посылать своих детей в качестве заложников к джунгарскому хану. На этой почве он разошелся с наиболее близким ему султаном Бараком. Башкир Девлет Бакбиев, проживший более года в Среднем жузе, 15 июня 1745 г. показывал в Оренбургской губернской канцелярии, что Барак и Карасакал «до нынешнего времени между собою были согласны, но когда оной Барак-салтан на смену сына Абулмамет-хана послал к зенгорскому владельцу, тогда реченной зенгорский владелец к нему, Бараку, что ежели он Карасакала поймает и к нему зенгорскому владельцу придет, за то ево Баракова сына отпустит. На что Барак якоб и склонился и умыслил к поимке ево Карасакала способ зговором за него Карасакала в жены сестру свою». Хотя помолвка в 1744 г. и состоялась, но схватить Карасакала Бараку не удалось, поскольку Карасакал, узнав о грозящей ему опасности, откочевал к Казбек-бию и Кабан-бию⁶⁰.

Характеризуя статус Большого жуза в 30-е гг. XVIII в., П. И. Рычков отмечал, что эта орда состоит «некоторым образом в протекции, или паче в союзе зюнгорского владельца, и хотя в ней свои ханы бывали и старшины знатные есть, но поступают они большею частию по воле зюнгарского владельца, чего ради и ташкентские обыватели оному же владельцу в протек-

⁵⁸ АВПр, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1743 г., д. 2, л. 55.

⁵⁹ ГАОРО, ф. Оренбургская комиссия, оп. 1. 1739 г., д. 7, л. 29.

⁶⁰ ГАОО, ф. Военно-походная канцелярия, оп. 1, д. 4, л. 108 об.—

цию отдались, боясь, чтоб им от сей Большой орды вовсе разоренными не быть»⁶¹.

Говоря о Ташкенте, А. И. Левшин приводил показания Ш. Арсланова и Мансура, побывавших в 1742 г. в этом городе. Они сообщали, что «до 1739 года владел Ташкентом вышеупомянутый хан (Жолбарс.— В. М.), что с ним разделял власть один сильный старейшина киргизский по имени Тюля-бий и что они собирали с города ежегодную подать. Потом Юлбарс убит, но Тюля-бий и без него продолжал еще несколько времени владычествовать и собирать доходы. Власть его прекращена каким-то Кусек-беком, данником, а может быть и наместником Галдан-Цырена. Однако до него, после гибели Жолбарса, ханом Ташкента, по сведениям Абулмамбета, был султан Старшего жуза Аблязи»⁶². В 1742 г. он правил в Ташкенте, однако подать поступала не к нему, а прямо в ургу Галдан-Цэрена. Казахи, лишившись влияния на внутренние дела города, взяли его буквально в кольцо. Они «развели под стенами его пашни, завладели близлежащими лесами и при малейшем неудовольствии брали в плен как жителей городских, так и купцов, приезжавших к ним для торга»⁶³.

Весной 1743 г., после приезда в Джунгарию сына хана Абулмамбета Абулфеиза, получил свободу султан Аблай и его приближенные. Отпуская Аблая из плена, Галдан-Цэрен говорил ему, что он «чрез отдачу к нему Абулмаметова сына засвидетельствование уже имеет, что кайсаки ему уничились уже подданными, а когда де Барак-салтан своего сына отдаст, то о их подданстве и паки будет засвидетельствован». Аблай обещал хану поймать и доставить в Джунгарию Карасакала. От имени казахских владетелей Среднего жуза Аблай подписал с Галдан-Цэреном договор о мире.

Абулхаир сообщал царским властям, что через возвратившегося из джунгарского плена султана Аблая получен указ хунтайджи: «1-е. Дабы он, Абулхаир, к показанным городам (Туркестану и Ташкенту.— В. М.) кочевал и жил с ним дружески; 2-е. Для верности прислал бы к нему сына своего и при нем тысячу чело-

⁶¹ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 18.

⁶² Левшин А. И. Описание... Ч. 2. С. 80; АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1742 г., д. 4, л. 4.

⁶³ Левшин А. И. Описание... Ч. 2. С. 81.

век киргисцов, а он напротив того пошлет к нему хану своего сына с толиким же числом людей, и чтоб одному у другого дочерей в замужество за детей брать и калмыкам у киргисцов, а киргисцам у калмык жениться и быть в соединении; 3-е. Напрасно он, хан, в подданство российское вступил, ибо де российские люди пахотные и того одного смотрят, чтоб токмо города строить и привести киргиской народ в такое разорение, как нижние (волжские.— В. М.) калмыки и башкирцы приведены; 4-е. Что он, зенгорский владелец, от России нимало не опасен и посланного де к нему российского посла не боясь ничего к себе не допустил»⁶⁴.

Таким образом происходило постепенное сближение части владетелей Среднего жуза с джунгарским ханом Галдан-Цэреном. Хан Абулмамбет, влиятельные султаны Аблай, Барак и другие феодалы, не порывая связей с Россией, все же уступали давлению хунтайджи, направляя в его ставку своих детей и родственников в качестве заложников.

Особую позицию во взаимоотношениях с Джунгарией занимал хан Младшего жуза Абулхаир. Поддерживая с ойратским двором активные посольские связи, на все требования Галдан-Цэрена он отвечал, что может их выполнить лишь с разрешения российской императрицы. Более того, регулярно информировал оренбургские власти о результатах переговоров с ургой. Хотя не всегда он сообщал полную правду И. И. Неплюеву и его помощникам.

В 40-е гг. XVIII в. ойратские феодалы попытались подчинить своей власти каракалпаков и киргизов.

Судьба каракалпаков после джунгарского нашествия в середине 20-х гг. XVIII в. складывалась драматически. После того, как русский посол А. И. Тевкелев привел к присяге на подданство России ряд каракалпакских старшин, никто из них ни разу не приезжал ни в Оренбург, ни в другие российские крепости. В 1741 г. в ставку хана Младшего жуза Абулхаира был направлен поручик Оренбургского драгунского полка Дмитрий Гладышев. Он нашел Абулхаира в низовьях р. Сырдарьи, где вместе с ним находились ряд каракалпакских старшин. Последние обратились к Д. Гладышеву с

⁶⁴ АВГР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1743 г., д. 3, л. 124 об., 103 об.

просьбой о принятии в подданство и изъявили желание принести присягу. В присутствии Абулхаира присяга была принята. В 1742 г. в Оренбург приехали послы от каракалпакских старшин Мамор-батыр и Кушан-батыр и снова принесли от имени своих старшин присягу. Однако реально упрочить свои позиции в Каракалпакии оренбургским властям не удалось. В 1743 г. казахи Младшего жуза разгромили нижних каракалпаков «за вступление их в российское подданство». В такой обстановке часть их откочевала вверх по Сырдарье и признала джунгарское подданство⁶⁵. Весной 1742 г. ойраты совершили нападение на киргизов⁶⁶.

Одним из наиболее известных в степи противников сближения с Джунгарией был батыр Среднего жуза Джаныбек, прославившийся некогда в битвах с ойратами. 31 января 1743 г. в г. Туркестан, где находился в это время Джаныбек, справлявший годовые поминки по своей матери, прибыл ойратский посол Торбей с письмом от ойратского главнокомандующего Септеня. На словах ойратский посланец передал: «В письме написано дабы они прислали аманатов и Септень де хвалит тебя, что в Средней орде первой человек». В письме же Септень угрожал Джаныбеку войной, если он откажется прислать в ургу своих детей в качестве заложников. В ответ Джаныбек заявил, что «Септень грозит еще нас разорять и до Ургеня прогнать, то де не боюсь, разве прежде русских убьет, а я де подданной великой российской государыни и что она изволит приказать, то де мы и зделаем — в миру ли жить или воеваться»⁶⁷.

Возвратившись из Туркестана в свои кочевья, Джаныбек обратился к оренбургскому начальству с предложением немедленно пресечь происки джунгар в Казахстане. Тогда же он обратился с письмами к влиятельным феодалам Среднего жуза Казбек-бию, Кабан-бию, Карасакалу и некоторым другим. Он сообщал им об угрозах ойратского военачальника и заявил, что он «Джаныбек вместо того намерен ныне прикочевать с своим войском к их улусам в близость и ежели де на зенгорские калмыки пойдут войска с одну сторону российское, а з другую Абдулкарим-бек (кокандский

⁶⁵ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 114—115, 122, 123.

⁶⁶ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1742 г., д. 4, л. 70.

⁶⁷ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1743 г., д. 2, л. 122.

бек Абд ал-Карим.— В. М.), то с третью сторону и ему Джаныбеку своими и с их карасакаловыми войсками идти для разорения зенгорских калмык. На что оные Карасакал и старшины и согласовали». В степи даже ходили слухи о том, что якобы Галдан-Цэрэн «обещал его учинить в своей земле знатным человеком и в число имеющих у него для всяких калмыцких дел семи человек чиновных людей определить»⁶⁸.

Среди влиятельных казахских феодалов в 40-е гг. XVIII в. выделялся султан Барак, сын хана Турсуна. Именно его, а потом и Аблая, старались перетянуть на свою сторону джунгарские правители, заставить не только отказаться от ориентации на Россию, но и толкнуть на прямые враждебные действия против царских властей. Султан Барак, хотя и склонялся к признанию российского подданства, однако присягу на верность императорскому престолу не приносил, и на все приглашения прибыть для этого в одну из российских крепостей отвечал отказом. О переговорах, которые происходили между Бараком и очередным ойратским посольством, прибывшим из ойратской армии, ходившей к Самарканду, рассказал служивому И. Лапину батыр Сарабий.

Во время тоя, который дал султан в честь прибытия послов, ойраты пытались вызвать у самого Барака, его приближенных антирусские настроения: «русские де люди у них зенгорцов Иртышом, а у вас отняв Яиком реками завладели.., а затем де уже и так забратся не оставят, что и в кочевье их места не будет и тако де, что вы думаете, а мы де своего не уступим и что де они на Иртыше построили, то де все збивать будем... или нынешней зимою или будущую весною». В ответ на это султан Барак заявил джунгарам, что казахам «от построения на Яике русскими крепостей и от них русских самих не только никаких обид и помешательства нет, но полза есть, потому что они всегдашним торгом при оных довольствуютца». Что же касается нападения на российские крепости, «то де нетрудно зачать, но было б де как скончать, ибо де с русскими в такое действо вступить не з другим с кем и нелехко»⁶⁹.

Прекрасно понимая, что каждый казахский хан и

⁶⁸ ГАОО, ф. Военно-походная канцелярия, оп. 1, д. 4, к. 3, л. 114 об.

⁶⁹ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1744 г., д. 1, л. 306.

султан стремится владеть древней казахской столицей Туркестаном, и пытаясь посорить между собой казахских владетелей, Галдан-Цэрен некоторым из них обещал отдать во владение этот город. Между ханами Среднего жуза Абулмамбетом, Младшего — Абулхайром, а также султанами Бараком и Аблаем началось соперничество за право владения Туркестаном. Это, безусловно, не только осложняло внутривосточную обстановку в Казахстане, но и ставило в тяжелое экономическое положение население этого города и его округи. В 1744 г. сами жители Туркестана обратились к хану Среднего жуза с просьбой взять их под свою опеку. Дал согласие на это и Галдан-Цэрен. Однако правивший городом ставленник ойратов султан Сеит категорически отказался делить с ним власть. Башкир Тюкан Балтасев сообщал, что Абулмамбет был вынужден вновь отправить послов к Галдан-Цэрэну, последний же потребовал от Абулмамбета лично приехать в ургу⁷⁰.

Город Туркестан хунтайджи обещал отдать и Абулмамбету, и Абулхайру, и Аблаю. Как следует из показаний Р. Уразина, побывавшего летом 1745 г. в кочевьях Среднего жуза, джунгарский хан пообещал Туркестан и Бараку, «на что де оный Барак весьма обрадовался и имел к тому крайнюю охоту, чтоб быть ему у него Галдана в подданстве и жить во отцовском городе и владеть тамошними татарскими городами, токмо де помешал ему Абдулкаримбек». А между тем правитель Туркестана Сеит-хан был «владельцем определен от Галдан-Чирина»⁷¹.

В 1744 г. отношения между Средним и Младшим казахскими жузами, с одной стороны, и Джунгарским ханством, с другой, нормализовались: развивалась торговля, происходили довольно частые политические контакты, обмен пленными, мирно обсуждались вопросы о приграничных кочевьях. Тесные связи поддерживал с Галдан-Цэреном султан Аблай. Так, урянхаец Карна 10 января 1745 г. рассказывал в канцелярии Усть-Каменогорской крепости, что «с киргис-кайсаками ныне у них согласно и Аблай-салтан собрал со своих подданных киргис-кайсаков алман и послал ко владельцу их Галдан-Чирину, а оной де Аблай-салтан с

⁷⁰ ГАОРО, ф. Оренбургская губернская канцелярия, оп. 1, 1745 г., д. 8, л. 143—143 об.

⁷¹ ГАОО, ф. Военно-походная канцелярия, оп. 1, д. 4, к. 3.

кайсаками кочует по Чар-Гурбану и к ним де завсегда ездит с меною и выменивает хлеб и прочее. А Аблау де салтану владелец их Галдан-Чирин от себя пшено и муку посылает, понеже у киргис-кайсаков хлеба никакого не имеетца»⁷². Говоря о настроениях казахских феодалов, Р. Уразин подчеркивал, что они «более имеют желание быть согласными с Галдан-Чириним или с Абулкаримбеком, а не с Россиею и намерены, кто из них сильнее явится, то к тому и приклонится... А хан их Абулмамбет ныне находится в Средней орде и намерен ехать к Галдан-Чирину, для чего де при нем имеются поныне калмыцкие посланцы, кои и зимовали у него, а Барак-салтану оная ево езда к Галдан-Чирину ничтож признавается за противность»⁷³.

По свидетельству ойратских торговцев в России, общая численность казахских аманатов в ставке Галдан-Цэрена составляла 30 человек. Весной 1744 г. на смену сыну Абулмамбета Абулфеизу прибыл сын султана Барака Шигай. При нем были представители от хана Абулхаира, каракалпаков⁷⁴. Заложники задерживались в Джунгарии не надолго. В качестве символической дани казахские ханы и султаны присылали хунтайджи собак и орлов.

Отдельным представителям родовой казахской знати Галдан-Цэрэн начал выдавать тарханные грамоты. Так, звание тархана получил сподвижник Аблая знаменитый бий и батыр из рода Басентиин племени аргын Малайсары⁷⁵.

Казахские кочевья Среднего жуза приблизились вплотную к границам Джунгарского ханства. Ездивший в начале 1745 г. в Джунгарию поручик Ф. Аблязов сообщал, что казахи «кочуют к ним со здешней стороны во близости, а имянно по речке Чар-Гурбану не в далности зенгорских караулов, например з две тысячи юрт владения Аблай и Барак салтанов и чрез те киргис-кайсацкие улусы я обратно к Семиполатной ехал и следующей из Зенгорской землицы в Россию купеческой караван шел и обид от тех кайсаков нам и зенгорским

⁷² АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1745 г., д. 2, л. 4 об.

⁷³ ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 4, к. 3, л. 232 об.

⁷⁴ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1745 г., д. 2, л. 64 об., 152; ГАОО, ф. Военно-походная канцелярия, оп. 1, д. 4, к. 3, л. 48.

⁷⁵ Валиханов Ч. Ч. Черновой набросок о древних грамотах // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: Т. 3. С. 170—171.

купцам не было. Напротиву ж того оным кайсакам от их зенгорских караулных чириков (воинов.— В. М.) утеснений де и обид не чинитца ж»⁷⁶.

Летом 1745 г. Галдан-Цэрен неожиданно потребовал приезда к нему в ставку одного из трех владельцев: Абулмамбета, Аблая или Барака. Встревоженный этим известием, в 20-х числах августа Аблай поехал к Абулмамбету, но узнав, что к нему едут послы из России, возвратился. Действительно, 27 августа к Аблаю приехали от командующего войсками на Сибирских линиях генерал-лейтенанта Г. Х. Киндермана капрал С. Волков с казаками. Аблай отправил в ставку Абулмамбета своего доверенного человека Сары-батыра с предложением, чтобы «поехал ныне к реченному Галдан-Чирину Барак-салтан или других кого знатных от себя послал»⁷⁷. Источники не отвечают на вопрос, зачем Галдан-Цэрен потребовал в качестве заложника одного из известных в казахской степи владельцев, но если учесть, что этим летом фактически все джунгарское войско, кроме немногочисленных караулов, было отправлено в Среднюю Азию, то можно с уверенностью сказать, что таким образом хунтайджи пытался предотвратить возможные нападения со стороны казахских дружин на его опустевшие улусы. Несмотря на многократные требования и просьбы оказать Джунгарскому ханству помощь в деле подчинения среднеазиатских владений казахские феодалы как Среднего, так и Младшего жуза отвечали решительным отказом: «Мы сами к пограничным местам поблизости живем и люди нам надобны и дать де нам войска никоими мерами нельзя»⁷⁸.

Между двумя ханами Сеитом и Абулмамбетом обострилась борьба за владение Туркестаном и оба искали поддержки у Галдан-Цэрена. Побывавший по поручению оренбургской администрации летом 1745 г. в Ташкенте и Туркестане башкирский сотник после возвращения докладывал, что «Абулмамет-хан Средней киргис-койсацкой орды и Сеит-хан, ево Абулмамета племянник, который в городе Туркестанте ханствовал.

⁷⁶ ГАОО, ф. Военно-походная канцелярия, оп. 1, д. 7, к. 4, л. 1969 об.

⁷⁷ Там же, л. 15—16.

⁷⁸ ЦГАДА, ф. 1-й департамент Сената, оп. 113, д. 1607, л. 41—41 об.

оба прошедшим летом поехали к зенгорскому владельцу друг друга перемогать, чтоб в помянутом городе ханством утвердился, ибо каждой из них оное к себе присвоет». Эмиссар оренбургских властей сообщал о стремлении к России населения Туркестана и Ташкента, их горячем желании освободиться от власти джунгар⁷⁹.

Характеризуя взаимоотношения Джунгарии с Младшим и Средним жузами, следует подчеркнуть, что за сравнительно небольшой промежуток времени они стабилизировались. С целью привлечь к себе народ и родоправителей Среднего жуза, джунгарский хан использовал торговлю. Казахи, приезжавшие торговать в Орскую крепость, рассказывали помощнику оренбургского губернатора А. И. Тевкелеву, что «зенгорский владелец Среднюю орду весьма себе собит и посылает своих купцов у россиан товары покупать и те киргисцам продавать без всякой прибыли, чтоб тем киргисцов приласкать и к себе приманить»⁸⁰.

Уже в 1744 г. началась инфильтрация казахов в пределы Джунгарии. В декабре 1744 г. поручик А. Левашов, сопровождавший ойратского посла Науруз Хазы в Джунгарию, писал в журнале, что в районе р. Цар-Гурбан кочевали улусы казахского старшины Ходжи Берды Батура⁸¹.

В свете вышеизложенных фактов вряд ли можно согласиться с мнением И. Я. Златкина, полагавшего, что «одержанные ойратскими феодалами в начале 40-х гг. XVIII в. победы временно превратили правителей Среднего казахского жуза в их вассалов и данников»⁸². Отдельные уступки были со стороны некоторых владельцев этого жуза, прежде всего Абулмамбета, Аблая и Барака, относительно требований прислать заложников, но они оставались самостоятельными правителями своих владений, не выплачивая дани Галдан-Цэрену и категорически отказываясь участвовать в его военных предпрятиях.

Несмотря на военные успехи, сильнейший диплома-

---

⁷⁹ Там же, л. 195 об.

⁸⁰ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1755 г., д. 1, л. 48.

⁸¹ ЦГАДА, ф. 248. Правительствующий Сенат, оп. 113, д. 383, л. 1039.

⁸² Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. С. 252.

тический нажим, всяческие посулы и угрозы Галдан-Цэрен добился лишь прекращения нападения казахских отрядов на пограничные джунгарские кочевья, установления торгово-экономических связей. Взаимоотношения Среднего жуза с Джунгарским ханством, следовательно, нужно рассматривать как взаимоотношения независимых, хотя и различающихся по силе и могуществу, феодальных государств. В период с 1738 по 1742 г. около 400 султанов, старшин и других влиятельных лиц Младшего и Среднего жузов признали подданство России⁸³. Вторжение ойратских феодалов в Казахстан и их последующие попытки помешать этому процессу в конечном итоге потерпели неудачу.

Активизация политики России в Казахстане.

Посольство К. Миллера в Джунгарию

Первые сведения о возможном нападении ойратских феодалов на казахские ханства начали поступать к русским властям сразу же после прекращения третьей джунгаро-цинской войны. В 1738—1739 гг. ойратские войска стали сосредоточиваться для вторжения в Средний жуз на стоверстном протяжении левого берега р. Иртыш между Семипалатинской и Ямышевской крепостями. Главнокомандующий Септень уведомил русские местные власти, что он намерен перейти на правый берег реки и двинуться в Барабу. Получив эти известия, Сибирская губернская канцелярия предписала ямышевскому коменданту Зарину направить к джунгарскому военачальнику офицера и заявить, чтобы Септень «войска на Барабу не посылал, понеже неприятельских людей Казачьей орды в Барабе ныне нет». Одновременно коменданту г. Тары капитану Юматову было приказано в случае появления ойратских войск в Барабе выслать к ним представителя и потребовать, чтобы они «в Барабу не ходили, понеже неприятельских людей Казачьей орды в Барабе нет»⁸⁴. Эти предосторожности оказались излишними. Хотя отдельные группы ойратских войск и появлялись в различных районах правобережья, однако до Барабы не доходили. Казах-

⁸³ Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. С. 154.

⁸⁴ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1741 г., д. 1, л. 7 об.

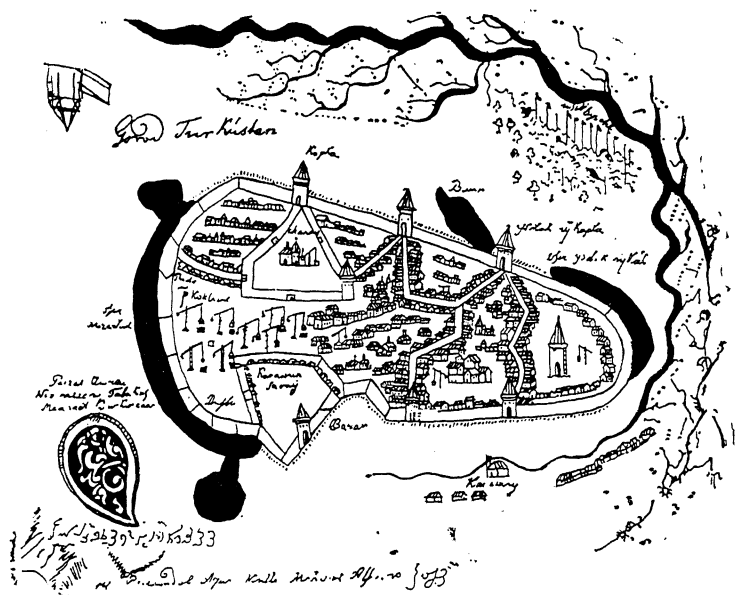
ские аулы, откочевавшие частично в Барабинские степи, оказались в безопасности.

Оренбургская администрация, в обязанности которой входило наблюдение за политической обстановкой в Казахской степи, сознавала нарастающую угрозу со стороны Джунгарского ханства, чего нельзя сказать об администрации Сибирской губернской канцелярии. Представителям и эмиссарам Оренбургской канцелярии, регулярно направлявшимся в ставки ханов, султанов и влиятельных старшин Младшего и Среднего жузов, предписывалось собирать сведения и о положении в Старшем жузе. Так, в инструкции начальника Оренбургской комиссии В. А. Урусова поручику Оренбургского драгунского полка Д. Гладышеву, направленному в 1740 г. к хану Абулхаиру, говорилось: «Выведать: Большая киргис-касацкая орда каким образом и давно ли зенгорскому владельцу Галдан-Чирину под власть пришла и какую с той орды оной владелец дань берет и почему и нет ли у него на ту орду и землю каких старинных претензий. Живусчие во оной киргис-касаки не имеют ли на зенгорских калмык каких жалоб и утешения от них и в каком намерении состоят той Большой орды старшины и касаки, ест ли у них намерение к подданству или нет»⁸⁵.

Заявление сибирского губернатора П. Бутурлина о том, что Средний казахский жуз не находится в российском подданстве, развязало руки Галдан-Цэрэну. Эта неосведомленность сибирского губернатора дорого обошлась казахскому народу. В разгар джунгарского наступления на Средний жуз П. Бутурлин в апреле 1741 г. уведомил начальника Оренбургской комиссии князя В. А. Урусова о результатах его переговоров с ойратскими послами Науруз-Казы и Ламой-Даши по казахскому вопросу. В архивах не удалось обнаружить ответа В. А. Урусова на это уведомление, однако о его содержании можно судить по донесению оренбургского начальника в Коллегию иностранных дел от 13 мая 1741 г.: «в подданстве е. и. в. находятся: 1. Киргис-кайсацкая Меншая орда и владеющий оною Абулхаир-хан з. детми и со всем своим родом; Средняя киргис-

---

⁸⁵ ЦГАДА, ф. Правительствующий Сенат, оп. 113. 1740—1746 гг., д. 12/143, л. 101 об.—102.

кайсацкая орда владения Абулмамбет-хана и Аблая-солтана, которые в прошлом 1740-м году его и. в. присягу в верности учинили; 3. Каракалпацкой хан со всею ордою в подданстве его и. в. также де принят и еше в прошлом 1731-м году присягал...; 4. Вышеупомянутой же Средней орды Барак-салтан, хотя в подданство действительно еше и не принят, ибо к присяге не приведен, однак к тому всякую охоту показывает и понеже подданные его и. в. все в засчисчении его и. в. состоят... когда зенгорцы на подданных его и. в. киргис-кайсаков будут чинить вредительные нападения, в таковых случаях представлять, что они подданные его и. в. и без призрения оставлены быть не могут». Кроме того, он просил дать распоряжение сибирскому губернатору, чтобы он впредь информировал оренбургскую канцелярию о том, что касается Казахстана⁸⁶.

Особое опасение русских властей вызывало то обстоятельство, что ойраты смогут прорваться к Волге и соединиться с волжскими калмыками, среди которых не затихали междоусобные столкновения. «Немалая опасность есть в том,— писал астраханский губернатор Я. Соймонов императрице Елизавете Петровне,— что оныя черные калмыки под видом наступления на кайсаков нарочно к Яику не подошли, чтоб оную ханшу⁸⁷ с ее улусами и с другими владельцами к себе подманить и увезти в Зюнгорское владение, как то и сама она ханша желает». Сенат отдал указ любыми способами, вплоть до применения оружия, не допустить джунгар до соединения с волжскими калмыками⁸⁸. Неоднократно на губернском и правительственном уровне обсуждался вопрос пропускать ли казахские аулы внутрь крепостных линий. 18 февраля 1741 г. правительство предписало оренбургской администрации в случае острой необходимости хана Среднего жуза Абулмамбета со свитой принять в Оренбурге, но казахское население внутрь линий не пропускать. Чуть позже Коллегия иностранных дел направила в Оренбург распоряжение сделать все возможное, чтобы «между киргис-кайсаками и зенгорцами происшедшия ссоры прекращены и безвредно отвращены быть могли»⁸⁹.

В августе 1741 г. в ставку хана Младшего жуза Абулхайра, которая располагалась в пределах Хивинского ханства, был вновь отправлен поручик Гладышев в сопровождении английского купца Реональда Гока. В январе 1742 г. они достигли кочевьев хана и встретились с посланцами Галдан-Цэрена Кашкой и Борангом, приехавших к Абулхайру за аманатами⁹⁰. Русский представитель заявил им, что Абулхайр и население Младшего жуза десять лет назад приняты в российское подданство и что привлечение их под власть джунгарского хана противоречит нормам отношений между Российской империей и Джунгарским ханством. Ойратские послы ответили, что Галдан-Цэрэн «не силою к

⁸⁷ Речь идет о жене калмыцкого хана Дондук-Омбы (1735—1741), дочери кабардинского князя Магомета Кургокина по имени Джан, игравшей важную роль в межфеодалных усобицах в Калмыкии в начале 40-х гг. XVIII в.

⁸⁸ ЦГАДА, ф. Правительствующий Сенат, оп. 113. 1740—1746 гг., д. 12/143, л. 472.

⁸⁹ ГАОРО, ф. Оренбургская комиссия, оп. 1. 1739 г., д. 9, л. 80.

⁹⁰ Басин В. Я. Россия и казахские ханства. С. 164—169.

себе оного хана с ордою в подданство влечет, но оной хан сам самоизвольно того просит». В письме, переданном Абулхаиру, начальник Оренбургской комиссии И. И. Неплюев просил, чтобы он «на требовании зенгорский отповедь учинил, что ему аманатов зенгорскому владельцу без особливаго ея и. в. указа дать неможно, колми ж паче дань давать, ибо оной и от ея и. в. никогда не требовано»⁹¹.

В августе 1742 г. Абулхаир вместе с ойратскими послами прибыл на свидание с И. И. Неплюевым под Оренбург. Неплюев сообщил, что казахи Младшего и Среднего жузов «в подданство ея и. в. приняты...»⁹². Ойратские послы заявили, что в таком случае русскому правительству необходимо отправить посла к Галдан-Цэрену и уведомить его об этом. Тогда же в августе 1742 г. Кашка и Боранг стали свидетелями повторной присяги знати Младшего жуза на верность новой императрице Елизавете Петровне (1741—1762). В ходе неоднократных встреч и бесед И. И. Неплюев убеждал Абулхаира и его приближенных не посылать аманатов в Джунгарию и не бояться мщения за это со стороны хунтайджи. В свою очередь последний пытался настроить русскую администрацию против своих противников султанов Батыра и Барака, а также хана Абулмамбета, предлагая захватить и держать их в российских крепостях в качестве заложников, но встретил решительный отказ. Коллегия иностранных дел одобрила поведение и тактику командующего войсками на оренбургской и яшской линиях Л. Я. Соймонова и начальника Оренбургской комиссии И. И. Неплюева⁹³.

Энергичные меры принимала оренбургская администрация и по отношению к Среднему жузу. Посланному в июне 1742 г. к хану Абулмамбету переводчику Р. Уразину удалось не только убедить Абулмамбета, его советника старшину Нияза и султана Барака присягнуть на верность Елизавете Петровне, но и направить

---

⁹¹ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1742 г., д. 2, л. 7 об.—8; АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1742—1744 гг., д. 3, л. 2 об.

⁹² ЦГАДА, ф. Правительствующий Сенат, оп. 113. 1742 г., д. 14/145, л. 216.

⁹³ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1742—1744 гг., д. 3, л. 3 об.; Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 229—253.

послов в Петербург. Однако все попытки Р. Уразина и его спутника уговорить Абулмамбета не отправлять своего сына Абулфейза в качестве заложника в Джунгарию оказались безуспешными.

Абулмамбет объяснял русским властям, что был вынужден отправить своего сына в заложники «ибо де зенгорской владелец того требует угрожая войною», но при этом он уверял, что отправляет Абулфейза не в качестве заложника, а «для свидания з братом своим Аблаем и чтоб ево Аблай-салтана выручить», а также «для утверждения между киргис-кайсаками и зенгорцами спокойного пребывания и чтоб тако места к кочеванию распространить»⁹⁴. Нам представляется, что Абулмамбет, как впрочем и Абулхаир, в своих отношениях с царскими властями умалчивали о некоторых весьма важных обстоятельствах, побуждавших их отвечать на некоторые требования хунтайджи. Подтверждением этому служит один из докладов И. И. Неплюева правительству, в котором он, характеризуя взаимоотношения Абулхаира и Абулмамбета с Галдан-Цэреном, отмечал, что оба казахских хана «желают дабы им тем над своими киргис-касацкими ордами усилится и на ханстве наследников своих утвердить, ибо доньне у них ханы бывали по выбору, а не по наследству»⁹⁵. В ответ на это сообщение И. И. Неплюеву было предписано найти вблизи Оренбурга или по Яику место для строительства крепости, а может даже и нескольких крепостей, «чтоб тех ханов удобней было в подданстве ея и. в. утвердить и в их касацких народах усилить». В случае же нового нападения джунгарских войск на Средний, а тем более на Младший жуз, необходимо было со стороны местных русских властей «действительное оным сохранение учинить»⁹⁶.

Получив указание, И. И. Неплюев немедленно отдал распоряжения командующим на Яицкой и Оренбургской линиях в случае нападения ойратских войск на казахские улусы пропускать их под защиту русских крепостей, самих владельцев содержать в крепостях.

---

⁹⁴ ЦГАДА, ф. Правительствующий Сенат, оп. 113. 1742 г., д. 14/145, л. 303; АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1742 г., д. 4, л. 211.

⁹⁵ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1742 г., д. 2, л. 343.

⁹⁶ Там же, л. 343 об.—344.

В случае необходимости «вывести регулярных и нерегулярных людей потребное число и несколько пушек и такую партию улусы их прикрыть», разрешить казахам переходить на правый берег р. Яик⁹⁷. Так постепенно изменялась политика России в отношении Младшего и Среднего казахских жузов в связи с угрозой подчинения их Джунгарии.

Одной из наиболее крупных дипломатических акций правительства и оренбургской администрации в этом регионе было снаряжение и отправка в Джунгарию специального посольства. Еще весной 1742 г., когда возвратился от Абулхаира поручик Д. Гладышев и доставил письмо И. И. Неплюеву от хана Младшего жуза, а также копии с послания Галдан-Цэрена Абулхаиру, из которого стало известно о конкретных требованиях хунтайджи, начальник Оренбургской комиссии обратился в Сенат с просьбой разрешить ему вступить в непосредственные отношения с ойратским ханом.

8 августа 1742 г. Коллегия иностранных дел направила И. И. Неплюеву указ отправить в Джунгарию «искусного офицера» с письмом к хунтайджи. В письме этом обязательно указать, что «Меншей киргис-касацкой орды Абулхаир-хан со всею своею ордою еще в 1730-м году вступил в подданство Российской империи... также Средней орды Абулмамет-хан с ордою своею давно то же учинил и для того ему, зенгорскому владельцу, оных ханов с их ордами в подданство себе призывать, а паче принуждать и подати с них требовать не надлежит»⁹⁸. И. И. Неплюев остановил свой выбор на майоре Пензенского гарнизонного полка Карле Миллере, уже имевшего некоторый опыт путешествий по Средней Азии и Казахстану и контактов с различными казахскими владельцами. В состав посольства помимо К. Миллера вошли: прапорщик Пазухин, переводчик Ерофеев, геодезист Тохтаров, капрал Дмитриев и шесть человек казаков. Вместе с возвращавшимися из Оренбурга ойратскими послами Кашкой и Борангом, в сопровождении конвоя казахов Младшего жуза под

⁹⁷ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1742 г., д. 2, л. 109—109 об.

⁹⁸ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1742—1744 г., д. 3, л. 2—5 об.

командованием султана Ералы, русская дипломатическая миссия 3 сентября 1742 г. двинулась в путь⁹⁹.

Перед К. Миллером и его спутниками оренбургская администрация поставила ряд довольно трудных задач. Во-первых, убедить джунгарского хана, чтобы он не только «более никаких разорений им (казахам.— В. М.) не причинял, также б и вышеназначенных запросов более к ним не производил», т. е. прекратил требовать от казахских феодалов дань, заложников, поскольку последние являются подданными Российской империи. Во-вторых, добиваться возвращения из плена султана Аблая с его приближенными. И, наконец, при проезде через казахские степи успокоить население и заверить его в помощи со стороны России в случае повторения ойратских вторжений¹⁰⁰.

Когда посольство находилось в пути, из ставки хана Среднего жуза Абулмамбета возвратился переводчик Р. Уразин, доставивший И. И. Неплюеву сведения о присяге на верность новой императрице Елизавете Петровне Абулмамбета, Барака и других владельцев Среднего жуза. Копии присяжных листов через Сибирскую губернскую канцелярию И. И. Неплюев немедленно отправил К. Миллеру, указав при этом, чтобы он предъявил Галдан-Цэрену эти листы и заявил, что его требования «с соседственной дружбой несходны»¹⁰¹. Однако отправленного сибирской губернской канцелярией А. Подзорова со спутниками ойраты не пропустили к К. Миллеру и держали в урге под строгим караулом.

16 ноября 1742 г. К. Миллер со свитой прибыл на джунгарскую границу, где был остановлен командующим отъезжим караулом зайсаном Батышем и переправлен в улус зайсана Деджита. Прибытие русского посла в Джунгарию через Казахстан, а не через Сибирь как обычно, в сопровождении казахских воинов и проводников, произвело на ойратов глубокое впечатление. Видимо, это обстоятельство и послужило причиной

---

⁹⁹ Моисеев В. А. К вопросу об ойрато-казахских отношениях в 30—40-х гг. XVIII в. // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1983. С. 184.

¹⁰⁰ ЦГАДА, ф. Правительствующий Сенат, оп. 113. 1742 г., д. 14/145, л. 219.

¹⁰¹ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1743 г., д. 2, л. 36; ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1742 г., д. 4, л. 210 об.—211.

жестокой расправы джунгар с главным проводником русского посла, племянником батыра Джаныбека Байгулаком. Еще в пути ойратские послы Кашка и Боранг, под предлогом оскорбления Байгулаком ойратов, во время одной из остановок ворвались в его кибитку, связали и избили плетьюми за то, что он, «будучи в пути, назвал их калмык всех вшивыми тулупами...». По приезде в Джунгарию Байгулака обвинили в колдовстве, якобы он напускал на ойратские кочевья мороз и снег. Он был схвачен и предан жестокой казни через сожжение, за то, отмечал К. Миллер, «что он, Байгулак, ево, майора, новою дорогою провел и путь к ним из Оренбурга открыл»¹⁰².

Узнав о том, что К. Миллер приехал от начальника Оренбургской комиссии по казахским делам, джунгарские чиновники в течение нескольких месяцев не только не пропускали его в ургу, но даже под предлогом эпидемии оспы не допускали до встречи с нойоном Сары Манджи, который «всем тамошним краем управляет». К. Миллер отправил к Сары Мандже прапорщика Пазухина с письмом от И. И. Неплюева Галдан-Цэрэну, приказав ни в коем случае не давать ойратскому князю распечатывать письмо. 27 ноября 1742 г. Пазухин возвратился обратно и доложил, что он так и не был пропущен в ставку Сары Манджи, который отправил его обратно и передал К. Миллеру, что им незачем встречаться «ибо де они присланы не для российского дела, но для защищения кайсаков, наших неприятелей, а мы де с Россиею из давних лет в союзе, ныне же, защищая кайсаков, знатно тем хотите ссору начать»¹⁰³. Вскоре после этого русское посольство перевели в улус зайсана Хара-Кобена, который обманом выманил у Карла Миллера письмо и отвез Сары Мандже. Последний согласился принять К. Миллера лишь в конце января 1743 г. Русский посол на словах изложил ему требования российской администрации, рассказал историю присоединения Младшего и Среднего жузов к России. Его рассказ не произвел на джунгарского

¹⁰² АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1743 г., д. 2, л. 104 об.—105 об. Подробно о маршруте, которым ехал К. Миллер, см.: Ханьков Я. В. О карте Миллерова маршрута от Орска до Зенгорских владений и обратно // ИРГО. 1850. Вып. 4. С. 661—663.

¹⁰³ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1743 г., д. 2, л. 100—100 об.

нойона должного впечатления, он упорно настаивал на том, что начальник Оренбургской комиссии «самовольно» называет казахов подданными России и посольство отправил «собою, а государыня про то ничего не знает»¹⁰⁴.

1 февраля Сары Манджа вручил К. Миллеру ответное послание и сказал, что русское посольство обратно будет отправлено другой дорогой через Туркестан, «Я к тамошнему Сеит-хану и к Тюле-бию (Большой киргис-кайсацкой орды главному старшине) напишу письмо, которые де вас благополучно проводят до Абул-хаир-хана без всякого помешательства». В письме Сары Манджи на имя начальника Оренбургской комиссии И. И. Неплюева говорилось, что те «касацкие Средняя и Меншая орды не поданные вашей России и есть ли бы оные были ваши поданные и при таком у ея н. в. с его светлостию Галдан-Черенем дружелюбном союзе и между обоих государств благом покое оные, тобою имянуемые подданные касаци пограничным нашим улусам чинили безпокойство и задор, то б такой к нарушению между двух великих ханов дружелюбия поступок мог причтен быть к собственному твоему поущению, а когда оные касаци не ваши, а ты их посторонних называешь своими и сие також де между двух великих ханов следует к развращению для того, что из сих двух обстоятельств, которое б ни было никакого согласия между двух великих ханов не учинит, кроме того, что ссоры произойти и продолжится могут»¹⁰⁵.

Послание ойратского нойона И. И. Неплюеву весьма характерный образчик степной дипломатии, в данном случае, довольно неплохо проведенной игры, в которой все действия были тщательно рассчитаны и поставили царскую-администрацию в невыгодное положение. Тот факт, что русское посольство не было пропущено в ургу под предлогом свирепствовавшей в Джунгарии оспы, Галдан-Цэрен в случае осложнений с Россией всегда мог использовать в свою пользу, заявив, что он ничего не знал о подданстве вышеназванных казахских жузов России, тем более, что и ответ был послан от пограничного командира, а не из урги.

¹⁰⁴ Там же, л. 100 об.—101.

¹⁰⁵ Там же, д. 3, л. 17 об.

Царская администрация и сам посол К. Миллер были уверены, что письмо И. И. Неплюева было доставлено Галдан-Цэрену и ответ также составлен в ставке хунтайджи. Однако отказ джунгарских властей пропустить К. Миллера в ургу в России расценили не как вызов, а как стремление Галдан-Цэрена скрыть тяжелое положение ханства. «То, ево майора Миллера к Галдан-Череню недопущение,—полагал начальник Оренбургской комиссии И. И. Неплюев,—воспоследовало ни для чего иного, токмо для того чтоб о всем нынешнем зенгорского владельца неблагополучном состоянии здесь никакого известия не было, ибо кроме того, что в калмыцких улусех множество людей оспую померло, завязан он, зенгорской владелец, несчастливою войною... под городами Дабдакаримом и под Бадакшаном»¹⁰⁶. Соглашаясь в целом с подобной оценкой И. И. Неплюева мотивов поведения джунгарского хана, необходимо добавить, что Галдан-Цэрен рассчитывал таким путем поднять свой авторитет в глазах казахских владетелей, киргизских и кокандских феодалов. Отпуская из плена султана Аблая, хунтайджи просил его передать хану Абулхаиру, что тот «напрасно в подданство российское вступил»¹⁰⁷.

К. Миллер в сопровождении нескольких десятков ойратских воинов под командой Боджи был доставлен в кочевья старшины Кангердинского рода Старшего жуза Баитбая, располагавшиеся в двух днях езды от г. Туркестана. Боджи вручил Баитбаю письмо Сары Манджи правителю Туркестана Сеит-хану с приказом, «чтоб он...ево майора отправил в Туркестант». Баитбай принял посольство «приятно» и обещал препроводить их в Туркестан¹⁰⁸.

17 марта 1743 г. К. Миллер приехал в гости к батыру Старшего жуза Койгилдею, у которого в это время находился старшина Джаныбек. Русский посол подробно рассказал ему о результатах посольства, обстоятельствах своих переговоров с ойратскими чиновниками. К его удивлению, Джаныбек уже знал о том, что произошло с русским посольством в Джунгарии. Джа-

¹⁰⁶ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1742—1744 гг., д. 3, л. 13 об.—14.

¹⁰⁷ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 305—306.

¹⁰⁸ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1743 г., д. 2, л. 114.

ныбек сообщил К. Миллеру, что он приехал в г. Туркестан для погребения тела матери и для того, чтобы потребовать от старшины Койгилдея, возглавлявшего шайку, которая разграбила первый русский торговый караван, направленный в Ташкент в 1738—1739 гг., выплату стоимости товаров. В течение зимы 1742—1743 гг. он вел с Койгилдеем трудные переговоры. В присутствии Толе-бия и сопровителя Сеит-хана ходжи Каипа они заключили договор о выдаче Койгилдеем двух тысяч лошадей. Однако, возвратившись из Туркестана в свои кочевья, Койгилдей заявил, что в ограблении каравана участвовало свыше 100 человек и он не намерен за них платить¹⁰⁹. Галдан-Цэрен делал вид, будто он пытается заставить людей Койгилдея возвратить награбленное. Так, в апреле 1743 г. ойратский посол Торбей, находившийся у каракалпаков, говорил К. Миллеру будто бы Койгилдей был вызван в ургу и хунтайджи выговаривал ему, что «то зделал он худо и чтоб отвечал сам».

Во время пребывания в г. Туркестане К. Миллер 1 апреля был принят и имел беседу с правителем города, братом хана Среднего жуза Абулмамбета Сеит-ханом. Сеит-хан обратился к русскому послу с просьбой о подданстве российской императрицы, заявив, что он «посылает с ним письмо к ея и. в. и усердно желает быть ея и. в. подданным, так как брат ево Абулмамет-хан и другие». На вопрос русского посла о том, как же Сеит-хан, являясь подданным джунгарского хана, может принять российское подданство, правитель Туркестана ответил, что «он у Галдан-Черина не в подданстве, токмо живет в миру». Его дед и отец «имели владение по Сырдарье, а ныне де он владеет одним городом Туркестантом, да и тут от Галдан-Черина определено иметь ему управление вместе с ходжами». Поэтому он намеревался съездить посоветоваться со старшинами подвластных ему родов и направить посольство в Россию. Но посольство от него так и не прибыло¹¹⁰.

Вместе с батыром Джаныбеком К. Миллер и его спутники в апреле двинулись домой. 1 мая приехали к реке Орь, откуда Джаныбек поехал в свои кочевья,

¹⁰⁹ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1743 г., д. 2, л. 117 об.

¹¹⁰ Там же, л. 123—123 об.

наказав К. Миллеру передать И. И. Неплюеву, чтобы тот немедленно собирал всех знатных людей Среднего жуза «и дело, что касается до калмык верхних (джунгар.— В. М.) и нижних (волжских.— В. М.) окончать, а ежели де ныне время упустится и Барак и другие старшины в Оренбург не будут, то ис того может последовать некоторой разврат»¹¹¹.

14 мая 1743 г. русское посольство возвратилось в Орск и К. Миллер доложил начальнику Оренбургской комиссии о результатах своей поездки в Казахстан и Джунгарию, вручил ему письмо от нойона Сары Манджи, а также послание правителя Туркестана Сеит-хана на имя Елизаветы Петровны с просьбой о принятии его в российское подданство.

Русское правительство, оренбургская и сибирская администрации пытались пресечь или хотя бы нейтрализовать джунгарские акции в Казахстане. Указом Коллегии иностранных дел от 8 августа 1742 г. были одобрены мероприятия Оренбургской комиссии, в частности приглашение в Орск Абулхаира, Абулмамбета и других казахских владетелей, «чтоб обоих тех ханов от подданства зенгорскаго владельца добрым способом отвести иметь ему тайному советнику всевозможное старание, обнадеживая тех ханов высочайшею ея и. в. милостию и защищением, и для того б оные ханы своими ордами от зенгорских жилищ поудалились и приближились ко Оренбурху и к каракалпацким жилищам и от своей стороны на зенгорские улусы нападение не чинили»¹¹².

Информируя Сенат о создавшемся в Казахстане положении, Коллегия иностранных дел подчеркивала опасность происков джунгар для России. «Зенгорской владелец Галдан-Чирин время от времени усиливающийся многими утеснениями привлекает их (казахов.— В. М.) в свое подданство и с великими угрозами требует с них дани, и Среднюю киргис-кайсацкую орду... так поколебал, что хан оной орды сына своего с несколькими старшинами в аманаты к нему Галдан-Чирину действительно послал». Если Галдан-Цэрэну, заключала Коллегия иностранных дел, удастся подчинить своей власти хана Среднего жуза, «то уже нетрудно ему

¹¹¹ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1743 г., д. 2, л. 126 об.— 127.

¹¹² Там же. 1742—1744 гг., д. 3, л. 5 об.

будет и других киргисских владельцев и протчих подданных ея и. в. на свою сторону приклонить и тако российской стороне опаснейшим соседом быть»¹¹³.

В связи с этим вопрос об урегулировании политического положения в Казахстане неоднократно обсуждался на заседаниях высшего государственного органа Российской империи — Сената. 12 декабря 1742 г. Сенат указал Коллегии иностранных дел изыскать «лучшие способы и предприятия» пресечь притязания джунгарских феодалов в отношении Среднего и Младшего казахских жузов¹¹⁴.

Тот факт, что Галдан-Цэрен отпустил султана Аблая и других казахских пленников, как это ни странно, еще больше встревожил царскую администрацию. «Опасаясь,— писал 9 июня 1743 г. в Коллегию иностранных дел И. И. Неплюев,— дабы от предреченного владельца по ево чинимым интригам отпуском Аблая-салтана и возвратом ханского сына (Абулфеиза.— В. М.) киргискайсацкие владельцы, а паче Абулхаир-хан, наиболее от верности не поколебались». В связи с чем информировал правительство о том, что вновь направляет эмиссаров к хану Абулмамбету, султанам Бараку и Аблаю с приглашением приехать в Орск.

17 марта 1743 г. в г. Шадринске состоялось совещание начальника Оренбургской комиссии И. И. Неплюева и сибирского губернатора А. Сухорева, на котором рассматривались вопросы о мерах военно-политического противодействия джунгарским феодалам в Казахстане, об укреплении сибирских и яцких крепостных линий. Одним из результатов этого совещания было предложение правительству провести новую крепостную линию от Семипалатинска до озера Телецкого, построить новые крепости от слободы Чернолуцкой до Семипалатинска, а также перебросить в Сибирь 10-тысячный корпус регулярных войск. И. И. Неплюев предлагал создать ряд новых оборонительных сооружений вдоль р. Яик. 11 августа 1743 г. Сенат, одоблив в целом эти предложения, дал указание соответствующим коллегиям тщательно изучить предложения, произвести предварительные расчеты и доложить.

¹¹³ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1752 г., д. 1, л. 1 об.—2.

¹¹⁴ ЦГАДА, ф. Правительствующий Сенат, оп. 113. 1739—1745 гг., д. 142, л. 34.

Отправляя в Коллегию иностранных дел материалы посольства К. Миллера и добавляя к ним прошение туркестанского правителя Сеит-хана о подданстве, И. И. Неплюев полагал, что с положительным решением этого вопроса следует воздержаться: «Оную орду (Старший жуз.— В. М.) и город Ташкент помянутой зенгорской владелец под свою власть подобрал и в Ташкенте своего управителя содержал, равно же и означенный Сеит-хан и город Туркестант во власти сего ж Галдан-Чирина состоял и по его повелениям исполнять был принужден и тако ежели с ним Сеит-ханом на присланное от него прошение в корреспонденцию вступить, а зенгорской владелец про то уведает, то тем явной уже повод подастся и ему подданных ея и. в. киргис-кайсаков к себе привлекать». Нельзя исключать и того, что после принятия Сеит-хана в российское подданство, ойраты могли двинуть в Туркестан войска. «В таком случае будут они с стороны ея и. в. защищения просить, которого по состоянию здешних краев учинить крайняя невозможность, то чрез оное может потеряться кредит между пограничных народов»¹¹⁵. И. И. Неплюев предлагал правительству воспользоваться прошением Сеит-хана о подданстве лишь в том случае, если Галдан-Цэрен «при прежних своих претензиях останется и кайсаков подданных ея и. в. явно еще привлекать к себе учнет». Однако правительство вопрос о приеме в российское подданство правителя Туркестана Сеит-хана не рассматривало.

Информируя хана Младшего жуза Абулхаира о результатах поездки К. Миллера в Джунгарию и содержания ответного послания Сары Манджи, И. И. Неплюев заверял его, что угроза Младшему жузу со стороны Джунгарии ликвидирована, так как дипломатическая защита русским правительством казахов произвела сильное впечатление на джунгарское правительство¹¹⁶.

29 июля 1743 г., получив из Орска материалы о поездке в Джунгарию К. Миллера, Сенат дал указание

---

¹¹⁵ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1743 г., д. 6, л. 2—3; л. 85—85 об., 86.

¹¹⁶ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1743 г., д. 3, л. 41 об.—42.

Коллегии иностранных дел подробно изучить их и представить свои соображения и предложения¹¹⁷.

20 августа 1743 г. состоялось заседание Коллегии иностранных дел, специально посвященное вопросу ойратской политики в Казахстане, результатам посольства К. Миллера и выработке мер по предотвращению растущего влияния джунгарских феодалов в Младшем и Среднем казахских жузах. Рассматривалась также возможность нового военного вторжения джунгар в Казахстан и действия русского правительства в такой ситуации. На заседании отмечалось, что необходимо сделать все возможное, чтобы не допустить нового вооруженного конфликта между казахскими жузами и Джунгарским ханством, поскольку в условиях степей и пустынь русские войска не смогут оказать казахам быструю и эффективную помощь.

Находившемуся в это время в Петербурге ойратскому посольству было сделано представление, где указывалось, что население Младшего и Среднего казахских жузов принято в российское подданство и нападения на них джунгарских войск, требование присылать заложников и дань расценивается правительством России как вторжение в ее пределы и дает правительству право принимать все необходимые военные меры. Главе посольства Ламе-Даши было предложено передать Галдан-Цэрену требование, «дабы подданной ей и. в. Меншей киргис-касацкой орды Абулханрхан со всем его родом, старшиною и улусами от стороны зенгорского владельца Галдан-Черена всемерно в покое оставлены были», в случае же каких-либо неприязненных действий со стороны казахского населения этого ханства, обращаться к российским пограничным командирам. Коллегия иностранных дел нашла возможным согласиться с требованием джунгар присылать заложников от владельцев Среднего жуза, но только в том случае, если со стороны казахов Среднего жуза на джунгар действительно «нападения происходят». Решено было также потребовать от Галдан-Цэрена возмещения ущерба и наказания виновных в разграблении

¹¹⁷ О слушании и обсуждении этого вопроса в Сенате см.: «Выписка о привлечении зенгорским владельцем киргиз-кайсаков в подданство и о посылке в Зенгорское владение майора Миллера, сочиненная 1743 года. Слушана 9 и 20 августа 1743 года». АВПр, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1742—1744 гг., д. 3, л. 2—28.

русского торгового каравана, отправленного в 1738 г. в Ташкент. Сенат одобрил эти и другие решения Коллегии иностранных дел и 26 августа 1743 г. принял указ, гласивший: «Вышеписанное той Коллегии определение апробуетца»¹¹⁸.

Вторжение в Среднюю Азию войск Надир-шаха, а в Казахстан армий Галдан-Цэрена побудило ряд среднеазиатских правителей вновь обратить свои взоры к России. В 1743 г. к астраханскому губернатору В. Н. Татищеву через хана волжских калмыков Дондук-Омбу обратились туркмены, которые, «видя себе от Персии и от зюнгорцев утеснение, обещали в российское подданство прийти с тридцатью тысячами кибиток». Однако Надир-шах «учинил им между тем некоторые обнадеживания, по которым они возвратились»¹¹⁹.

В советской историографии принято сравнительно высоко оценивать результаты посольской миссии К. Миллера в Джунгарию. Так, известный советский историк Н. Г. Аполлова в рецензии на монографию В. Я. Басина «Россия и казахские ханства в XVI—XVIII веках» писала, что «претензии джунгарских правителей на власть в Старшем жузе были значительно нейтрализованы уже в 1743 г. направленным из России посольством К. Миллера. Ему удалось освободить из джунгарского плена султана Среднего жуза Аблая и дать понять, что значительная часть Казахстана уже находится под протекторатом России, а потому необходимо прекратить все „непристойные требования“ и военные вторжения»¹²⁰.

Имеющиеся в нашем распоряжении факты свидетельствуют, что подобная оценка итогов посольства явно не соответствует действительности, тем более, что К. Миллер не был даже пропущен в ургу. О Старшем жузе в письме начальника Оренбургской комиссии И. И. Неплюева Галдан-Цэрэну и в инструкции К. Миллеру не говорится ни слова. Русское правительство и Оренбургская администрация фактически давно уже не оспаривали сюзеренитет джунгарских ханов над Стар-

¹¹⁸ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1743 г., д. 3, л. 265—266 об., 266, 272 об.

¹¹⁹ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. С. 11.

¹²⁰ Аполлова Н. Г. [Рецензия] // Вопросы истории. 1972. № 2. С. 154. Рец. на кн.: В. Я. Басин. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII веках. Алма-Ата, 1971.

шим жузом. Возвращение из плена Аблая, на наш взгляд, произошло не столько вследствие дипломатического наступления России, сколько явилось результатом новой тактики джунгарского правительства в отношении казахов Среднего и Младшего жузов, стремившегося «добрым» отношением привлечь казахских владетелей на свою сторону в борьбе с усиливавшимся Кокандским бекством и возникновением напряженности в отношениях с Россией¹²¹.

В 1744—1745 гг. произошло резкое ухудшение русско-джунгарских отношений. Вызвано это было тем, что местные русские власти из разных источников стали получать сообщения о концентрации близ границ Сибири и Казахстана крупных контингентов ойратских войск, о намерениях ойратских феодалов напасть на сибирские города. Приехавшие 10 января 1745 г. в Усть-Каменогорскую крепость урянхайцы «тайно сообщили местным властям, что Галдан-Цэрэн «имеет намерение собрать войско и послать осенним временем, как на реке Иртыше лед станет, на Усть-Каменогорскую, Семиполатную, Ямышевскую крепости и Колывано-Воскресенские заводы с войною»¹²². В верховьях Иртыша появилось тысячное ойратское войско. Тогда же зимой 1744—1745 гг. ойраты сожгли один из алтайских рудников¹²³.

Сенат, получив эти сведения, отдал указ Военной коллегии и Коллегии иностранных дел, а также властям Оренбурга и Сибири принять меры к обороне. Коллегия иностранных дел заявила резкий протест находившемуся в Москве ойратскому посольству. В заявлении отмечалось, что «ея и. в. подданные никакой причины ко всчастью неприятелств зенгорцам не подали, если же на границе что-то произошло, «то бы приличнее не доходя до крайностей о том дружески изъяснится». Послам также было сказано, что поскольку в настоящее время Россия ни с кем войны не имеет, она может направить против Джунгарии большую армию, напо-

¹²¹ Моисеев В. А. К вопросу об ойрато-казахских отношениях в 30—40-х гг. XVIII в. // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1983. С. 186—187; АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1745 г., д. 3, л. 20.

¹²² ГАОРО, ф. Оренбургская губернская канцелярия, оп. 1. 1744—1745 гг., д. 6, л. 106 об.

¹²³ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1745 г., д. 3, л. 18—18 об.

нив при этом, что русское правительство фактически спасло Джунгарию от разгрома, не присоединившись к Цинской империи в войне 1729—1733 гг. Один из членов посольства Науруз-Хазы с текстом этого заявления был немедленно отправлен в Джунгарию¹²⁴.

Военная коллегия начала перебрасывать части в Западную и Южную Сибирь. 29 сентября 1744 г. Сенат издал указ «О умножении для предосторожности от зенгорской стороны в Сибири полков и определении над ними командиром генерал-майора Киндермана и бригадира Юрлова»¹²⁵. К этому времени из Оренбургской губернии в крепости по Сибирским линиям были переведены Олонецкий, Луцкий и Вологодский полки. В Оренбургскую губернию из центральных районов страны передислоцированы Ревельский, Троицкий и Московский драгунские полки, которые в случае осложнений также было решено перебросить к границам Джунгарии¹²⁶.

Оренбургской администрации было приказано в случае войны России с Джунгарией «склонить к диверсии» Младший и, по возможности, Средний жуз. Получив этот указ, И. И. Неплюев обратился в Коллегию иностранных дел с просьбой направить в его распоряжение бригадира А. И. Тевкелева. 25 июня 1745 г. Коллегия иностранных дел направила в Оренбург А. И. Тевкелева «для поднятия тамошних (казахских.— В. М.) владетцев на зенгорцев», если же этого сделать будет невозможно, тогда стараться «дабы они к зенгорской стороне не пристали и от себя шатости не учинили»¹²⁷.

К этому времени царское правительство и оренбургская администрация, стремясь нейтрализовать усилия Галдан-Цэрена, а также привлечь на свою сторону казахских владетелей в возможной войне с Джунгарским ханством, все чаще использовало политику «пряника», награждая деньгами, подарками, грамотами

---

¹²⁴ ГАОРО, ф. Оренбургская губернская канцелярия, оп. 1. 1744—1745 гг., д. 6, л. 128—128 об.

¹²⁵ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1743—1747 гг., д. 1, л. 3.

¹²⁶ ГАОО, ф. Военно-походная канцелярия, оп. 2, д. 3, л. 3 об.; ГАОРО, ф. Оренбургская губернская канцелярия, оп. 1. 1744—1745 гг., д. 6, л. 13.

¹²⁷ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1743—1747 гг., д. 1, л. 6; АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1744—1745 г., д. 8, л. 2.

казахских феодалов. В 1742 г. старшине Джаныбеку было пожаловано звание тархана. Неоднократно награждался Абулхаир и его родственники. В 1744 г. направлена царская грамота о приеме в российское подданство и сабля султану Бараку. Все это, безусловно, оказывало воздействие на определенную часть казахских феодалов. Так, например, как только отправленные султаном Бараком в Петербург послы Давлетбай-бий и его спутники доставили ему в конце сентября 1744 г. грамоту о приеме его в русское подданство и саблю, он немедленно отправил посольство в Джунгарию с требованием возвратить содержавшегося в заложниках сына Шигая. В письме Барака к Галдан-Цэрэну содержались прямые угрозы: «Ежели он, зенгорской владелец, оного сына ево не отпустит, то он, Бараксалтан, по власти ея и. в. может ево от него и военною рукою взять». Вскоре султан Шигай был отпущен, а Галдан-Цэрэн заявил, что ему уже от казахов «в аманатах нужды нет и впредь бы не присылали, только с ево владением жили спокойно»¹²⁸.

Ряд влиятельных казахских старшин: Казбек-бий, Кабанбай-батыр, а несколько позже Толе-бий также обратились с просьбой о приеме их в российское подданство. Оренбургской администрации в ноябре 1744 г. был направлен царский указ Абулхаиру и его старшине, в котором говорилось, что в случае войны с Джунгарией, «дабы вы наши верные подданные по присяжной к нам должности согласясь между собою и собрався с своими киргис-кайсацкими ордами оружейно противу помянутого зенгорского владелца и войска его шли и поступали с ним как с неприятелем нашим»¹²⁹. Грамота эта так и осталась в недрах Оренбургской губернской канцелярии. Между тем войска перебрасывались в Сибирь ускоренными темпами. Без фуража и продовольствия они шли от одной крепости до другой вдоль Сибирских линий. Значительная часть войск обеспечивала себя за счет местных жителей, что вызывало большое недовольство.

Военные приготовления России вызвали панику в урге Галдан-Цэрэна. Русским пограничным властям

¹²⁸ ГАОРО, ф. Оренбургская губернская канцелярия, оп. 1. 1745 г., д. 8, л. 136 об., 137.

¹²⁹ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1744 г., д. 1, л. 5—5 об.

стало известно, что джунгары угоняют в отдаленные районы свои стада, уводят аулы, собирают и отправляют к границам России войска.

Казахские владетели, как свидетельствовал старшина Джаныбек, «желали всеми головами до последней капли крови... учинить вспомоществование»¹³⁰. Открытого военного столкновения не произошло, однако попытки ойратов склонить на свою сторону казахских владельцев продолжались. В апреле 1745 г. был отправлен в Казахстан переводчик Роман Уразин. И. И. Неплюев поставил перед ним задачу не просто собрать информацию о происках Галдан-Цэрена в Младшем и Среднем жузах, но главное «киргис-кайсацких владельцев и народ воздержать, что они интригами зенгорскими и вышеозначенными внушениями в обман не дались и не приведены были в согласие к их противным намерениям и на противности к российской стороне», и добиться согласия хана Абулмамбета, султанов Аблая и Барака на приезд в Оренбург для личного свидания с губернатором¹³¹.

Р. Уразину было велено попытаться правителя Кокандского бекства Абд ал-Карим-бия «противу оного владельца (Галдан-Цэрена.— В. М.) возбудить и чрез то силы его в разделение привести»¹³². Р. Уразину поручалось также отправить эмиссара к Карасакалу с целью убедить его не вмешиваться в казахско-джунгарские отношения и принести повинную царскому правительству. Если же он будет по-прежнему к «противным поступкам склонен», попытаться посорить его с казахскими владетелями, уверяя их, что Карасакал не является братом хунтайджи Шоно-Лоузаном, который умер еще в 1732 г.¹³³

Миссия Р. Уразина также не оправдала большинства надежд оренбургской администрации. Ни один из султанов Среднего жуза так и не приехал на встречу с И. И. Неплюевым. Карасакал, несмотря на все уговоры

¹³⁰ ГАОРО, ф. Оренбургская губернская канцелярия, оп. 1, 1745 г., д. 8, л. 75 об.

¹³¹ АВГР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1745 г., д. 3, л. 21—21 об., 38 об.—39.

¹³² ЦГАДА, ф. 1-й департамент Сената, оп. 113. 1745 г., д. 1607, л. 54.

¹³³ АВГР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1745 г., д. 3, л. 43—43 об.

ездившего к нему казака Лапина, не изменил своего поведения. Кокандский правитель Абд ал-Карим-бий сам был полон решимости вытеснить ойратов из Средней Азии.

Таким образом, в 1742—1745 гг. русское правительство и оренбургская администрация предпринимали энергичные военно-дипломатические меры, направленные на предотвращение сближения Среднего и Младшего жузов с Джунгарией. Призрак объединения казахских ханств с Джунгарией и возможного возникновения близ границ России в Сибири могущественного кочевого государства вызывал серьезные опасения у правящих кругов Российской империи. Поэтому главная цель всех дипломатических акций состояла именно в том, чтобы не допустить джунгаро-казахского сближения. Военно-оборонительные мероприятия русского правительства в Сибири в 1744—1745 гг. были продиктованы стремлением в первую очередь укрепить безопасность границ и поселений в Сибири. Тем не менее объективно эти мероприятия способствовали защите казахских земель от новых нападений со стороны Джунгарского ханства. Несмотря на воинственные заявления, Галдан-Цэрен постепенно умерял свои требования, касающиеся заложников и дани от владельцев и старшин Среднего и Младшего жузов, а затем стал добиваться их поддержки в борьбе с Кокандом.

Борьба ойратских феодалов с Кокандом и позиция казахских владельцев

История взаимоотношений Джунгарского ханства накануне своего падения с возникшим в результате феодальной раздробленности Бухарского ханства Кокандским бекством в 40-е гг. XVIII в. практически не изучена в советской и зарубежной историографии¹³⁴. Между тем противоборство с Кокандом и его союзниками окончательно подрывало силы Джунгарского ханства, способствовало его дальнейшему ослаблению,

---

¹³⁴ Отдельные сведения по этому вопросу см.: *Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII—первой половине XIX вв. М., 1983; *Чимитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII—XVIII вв. М., 1979; *Тимченко С. В.* О характере казахско-кокандских отношений в 50—60-х гг. XVIII в. // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1986. № 4.

что привело к изменению политической обстановки не только в Средней, но и в Центральной Азии. Важную роль в этих событиях сыграли владельцы Старшего и Среднего казахских жузов.

Фергана обособилась в начале XVIII в. Вначале власть там захватили представители дервишских братств в лице ходжей. Однако около 1710 г. они были свергнуты эмиром Шахрух-бием из могущественного узбекского племени Минг¹³⁵. После смерти Шахрух-бия в 1721 г. его место занял старший сын Абд ал-Рахим, живший, как указывал В. П. Наливкин, до 1732 г. в кишлаке Дикань-Тода. Считаясь подданным правителя Ходжента Акбуты-бия, Абд ал-Рахим построил себе крепость Иски-Курган, впоследствии названную Кокан-дом. Убив незадачливого Акбуту, он посадил в Ходжен-те своего брата Абд ал-Карима. Затем присоединил к своим владениям Андижан, Самарканд, Шахрисабз и другие города. После его гибели в 1739/40 г. престол занял Абд ал-Карим-бий, сделавший своей столицей Коканд¹³⁶.

Стремление кокандского бека Абд ал-Рахима (1721—1733), а затем и его брата Абд ал-Карима (1733—1751) объединить всю Фергану под своей властью, растущие притязания кокандских правителей на соседние земли — южные районы Казахстана, Киргизии и особенно попытки овладеть Ташкентом, занимающим важное стратегическое положение, давно уже вызывали беспокойство в ставке правителя Джунгарии Галдан-Цэрена (1727—1745). Однако длительная и тяжелая война Джунгарии с Цинской империей, неурегулированность отношений с казахскими ханствами, военно-оборонительные мероприятия России в Сибири не позволяли западно-монгольским феодалам вплоть до начала 40-х гг. приступить к военным действиям против Коканда. Есть основания полагать, что Галдан-Цэрэн не хотел также обострять отношений с персидским шахом Надиром (1736—1747), войска которого в 1740 г., под предлогом наказания хивинского хана Ильбарса, организовавшего несколько набегов на пограничные районы Персии, вновь вторглись в Среднюю Азию.

¹³⁵ История Узбекской ССР. Ташкент, 1967. Т. 1. С. 560.

¹³⁶ Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. С. 56—59; Бейсембиев Т. К. «Тарих-и Шахрухи» как исторический источник. Аляма-Ата, 1987. С. 6—13.

Фактически распавшееся на отдельные самостоятельные владения Бухарское ханство не смогло оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления персидским завоевателям. Разгромив войска бухарского хана Абул-файза, полководец Надира Кули-хан захватил Самарканд, а затем нанес поражение хивинским войскам, захватил в плен и казнил хана Ильбарса с его приближенными. Правитель Бухары и кокандский бек Абд ал-Карим поспешили принести Надиру свои заверения о послушании и верности¹³⁷. Казахи, побывавшие в Средней Азии, сообщали местным царским властям, что «как де оной Абдулкарим-бек приход онаго персидского шаха услышал, то выезжал к нему навстречу, оказуя себя перед ним шахом, весьма склонна. Почему де он, шах, за ево Абдулкаримбекову склонность и встречу не токмо ему и народу ево никакого раззорения не учинил и ежел он пойдет войною на зенгорских (джунгарских.— В. М.) калмык, то и помощь ему, беку, дать от своего войска обещал»¹³⁸.

Из показаний захваченных казахскими дружинниками в плен персидских воинов следовало, что шах Надир действительно попытался использовать Абд ал-Каримбека в качестве орудия для распространения своей власти в южных районах Казахстана и Джунгарии. Пленные заявили переводчику Р. Уразину, приезжавшему по приказу Оренбургской администрации к хану Младшего жуза Абулхаиру, что якобы Надир-шах прислал кокандскому беку свои войска и артиллерийские орудия, «дав ему позволение бухарския, хивинския, узбеков и протчих военных людей во время надобности иметь у себя и велел привращать более к себе во владение здешних стран разных званий татарских владений и городов и воевать с ними калмыков»¹³⁹.

Захват узбекскими феодалами из племени Минг власти в главных городах Мавераннахра — Намангане, Ходженте, Коканде, Андижане, Маргелане привел не только к ослаблению политического влияния джунгар в Средней Азии, но и к весьма ощутимым для них экономическим потерям. Многие полисы прекратили

¹³⁷ Арунова М. Р., Ашрафян К. З. Государство Надир-шаха Аф-
шара. М., 1958. С. 65.

¹³⁸ ГАОО, ф. Военно-походная канцелярия командующего От-
дельным Сибирским корпусом, оп. 1, д. 4, св. 3, л. 112 об.

¹³⁹ Там же, л. 234.

выплату дани, стали препятствовать ойратским торговым караванам, направлявшимся в Иран, Индию, среднеазиатские владения. О размерах дани, которую ойратские правители собирали со среднеазиатских владений, можно судить по показаниям русского посла в Джунгарии К. Миллера. Ойраты говорили ему, что их владельцы «с Ташкента берут по девяти ковров и шелковых материй, панцырей, ружья, выдр, бобров и другими вещми по девядинно ж, а сверх того и золота и серебра по расчислению и привозят... чрез два года»¹⁴⁰.

Попытки Галдан-Цэрена дипломатическими усилиями заставить Абд ал-Карим-бека признать себя вассалом Джунгарского ханства и платить дань не принесли успеха. Мусульманские купцы, ведущие посредническую торговлю между Джунгарией и соседними странами, рассказывали чиновникам Ямышевской канцелярии, что между Кокандом и Джунгарией «было наперед сего согласно и друг к другу ездили и торг между собой имели. Токмо назад тому три или четыре года ходили ж из Зенгорской земли торговые люди с разными товары в тое Абдакарымскую землю, оные абдакарымцы оным торговым зенгорцам чинили великие обиды. И для того послан от зенгорского владельца к абдакарымцам посланник, чтоб о таковой чинимой от них зенгорским торговым обидах выговорил или представил и притом требовал Галдан-Чирин к себе в подданство. И на то де они ответ учинили, что под владением и в послушании его, зенгорского владельца, быть не хотят»¹⁴¹. Тогда было решено пустить в ход оружие.

Заклучив после длительных переговоров мир с Цинской империей в 1740 г., нанеся поражение Среднему жузу в войне 1739—1740 гг., Галдан-Цэрен, зная о том, что армия Надир-шаха ослабла в изнурительной кровопролитной войне против горцев Кавказа, в 1742 г. двинул свои войска численностью около 30 тыс. воинов под командованием опытных полководцев Септеня и Дагбы в Среднюю Азию.

План военной кампании, составленный в ставке

---

¹⁴⁰ У многих народов Центральной Азии и Дальнего Востока число 9 было сакраментальным и символизировало полноту дара и искренность чувств дарящего. АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1743 г., д. 2, л. 127 об.

¹⁴¹ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1745 г., д. 2, л. 75; 1743 г., д. 2, л. 129 об.

хунтайджи, предусматривал рассредоточение и продвижение ойратских отрядов в 4—5 тыс. человек в разных направлениях: на Самарканд, Ходжент, Коканд, Ташкент и даже Бадахшан. В Ташкенте ойраты встретили решительное сопротивление. Поставленный Галдан-Цэреном после убийства ташкентскими ходжами в 1740 г. казахского хана Жолбарса Кучук-бек «от зенгорского владельца отложился,— сообщал побывавший в Ташкенте К. Миллер,— и держит партию выше объявленного Абдекаримбека». Прибывшему под стены города ойратскому военачальнику Агацаку он заявил, что «хотя он сорок лет будет стоять, но он (Кучук-бек.— В. М.) не здастся».

Уже в первых сражениях ойраты потерпели неудачу. После появления джунгарских отрядов в пределах владений кокандских феодалов, последние сделали вид, что согласны признать власть джунгарского хунтайджи, тем самым рассеяв подозрения джунгарских военачальников, и начали собирать войска и неожиданно напали на вторгшегося к ним неприятеля. В источнике об этом сообщается следующее. Когда пришли передовые части джунгарской армии, «крайние абдакаримские кочевые улусы наперво к ним склонились и обещали у зенгорского владельца в подданство, токмо вскоре, собрався многолудством с протчими улусами, навстречу к тем зенгорским войскам они выступили для сражения. И у всех де абдакаримцов при збруе конской зделаны щилкунцы, они ж де сами в латах и пансырях и лошади под ними добрыя, подобны аргамакам. И как к сражению напустили, то от звону щилкуннаго лошади зенгорские испужався и многие люди с лошадми падали и те абдакаримцы оных зенгорцев многих при том побили... и при оном сражении зенгорцы противу абдакаримцов нисколько стоять были не в состоянии и с конфузией бежали обратно»¹⁴². Сведения о том, что кокандцы в сражениях против ойратов применили колокольчики, подтвердил выехавший в 1744 г. в Сибирь из Джунгарии купец Айтбага Баймуратов. В этом сражении с джунгарами активное участие принимали кочевники, поскольку к северу от Ташкента располагались казахские кочевья. Только дождавшись подкрепления, джунгары смогли взять Ташкент.

¹⁴² АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1745 г., д. 2, л. 75 об.

Основные сражения развернулись под стенами Коканда. Не сумев разгадать план противника, ойраты вновь потерпели поражение. Возвратившийся в 1745 г. из Джунгарии прапорщик Подзоров со слов участников этой битвы сообщал царским властям Сибири, что вокруг города кокандцы выкопали два больших рва «х которым вышли они, абдыкарымцы, против пришедшего зенгорского войска, и один ров зделали в прикрытии и обсыпали сверху землею, о коем зенгорское войско не ведали. И как на их зенгорцы нападение учинили, то не видя того рва, попадали в оной, коих абдыкарымцы стреляли тут из турок (фитильных ружей без приклада.— В. М.), а других и палками били, понеже изо рва вытти зенгорцы уже вскоре не могли за глубокостию онаго»¹⁴³. Последующие попытки взять город штурмом были неудачными. Оказался безуспешным поход ойратов в Бадахшан, с большими потерями они вернулись и из-под Самарканда. С большим трудом ойратам удалось занять лишь ряд городов в бассейне среднего течения р. Сырдарья¹⁴⁴.

Таким образом, кампания, продолжавшаяся больше года, не принесла ожидаемых результатов. Ойратские и уйгурские купцы, приехавшие в августе 1748 г. в Ямышевскую крепость, сообщали русским пограничным командам, что джунгарские войска «тех де городов не взяли, толко хлеб у них вытоптали и морозом выморили и была де с ними немалая сшипка и урону де людем к зенгорским калмыкам было немалое число... и у оных таншканцов и бадакшанцов людей побито ими ж калмыками немалое ж число. И означенные де башлыки Дагбай и Септень ноены з достальным войском вышли обратно в Зенгорскую землю». Вспыхнувшая эпидемия оспы заставила ойратское командование прекратить военные операции¹⁴⁵.

Опасаясь новых вторжений, Абд ал-Карим-бий отдал ойратам в качестве заложника старшего сына

¹⁴³ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1745 г., д. 2, л. 50.

¹⁴⁴ ЦГАДА, ф. Правительствующий Сенат, оп. 113. 1740—1746 гг., д. 12/143, л. 1006.

¹⁴⁵ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1743 г., д. 2, л. 58—58 об. В 1742, 1743, 1744 гг., сообщали в Сибири ойратские торговцы, в Джунгарии «была сильная оспенная болезнь, от которой превеликое множество людей померло и города владения ево (Галдан-Цэрена.— В. М.) все были заперты и никого в них и ис тех городов не выпускали». Там же, д. 1, л. 21 об.—22.

Рахим-хана Баба-бия, а затем направил в ставку Галдан-Цэрена посольство с уверением, что он признает власть джунгарского хунтайджи и будет впредь платить ему дань. Казахские владельцы информировали царские власти, что кокандцы «то чинили с обманом», для того чтобы выиграть время для подготовки к военным действиям.

В середине 40-х гг. XVIII в. между Джунгарским ханством, Кокандским бекством и казахами разгорелась борьба за владение Ташкентом и его округой. 30 апреля 1745 г. в Оренбург с письмом от тархана Джаныбека прибыли есаул Каип и батыр Сейтеббет и сообщили, что Ташкент, бывший под властью ойратов, «в прошлом 744-м году в осеннее время завоевал Абдулкаримбек...» Взяв Ташкент, Абд ал-Карим-бий несколько человек пленных ойратов отпустил в Джунгарию, «надев оному калмыку на голову шаровары» и приказал ему передать Галдан-Цэрену, что весной 1745 г. он ждет его в урочище Куттебе для сражения. Если же правитель ойратов не придет, «то в знак ево безсилія должен шаровары носить не на ногах, но на голове»¹⁴⁶.

Зимой 1744—1745 гг. две враждующие стороны готовились к предстоящим сражениям. Находившиеся тогда в ойратских кочевьях прапорщик Подзоров с командой, отправленные с листом от сибирского губернатора А. Сухорева к хунтайджи и не пропущенные в его ставку под предлогом оспы, после возвращения сообщали: «В бытность нашу делали себе они, зенгорцы, вновь стрел и ковали копья чрез всю зиму довольное число...». Ойратским общинникам было приказано «каждому готовить по сту турочных зарядов, да по дватцать... стрел, а порох и свинец приказано всякому про себя готовить». Численность войск, выступивших весной 1745 г. в поход против Коканда, по одним данным, составляла 30 тыс., по другим — 40 тыс. человек¹⁴⁷.

Поручик Александр Левашов, сопровождавший ойратское посольство из Тобольска в Джунгарию (посольство Науруза-Хазы), в журнале своем отмечал,

---

¹⁴⁶ ГАОРО, ф. Оренбургская губернская канцелярия, оп. 1. 1745 г., д. 7, л. 39—39 об.

¹⁴⁷ ЦГАДА, ф. 1-й департамент Сената, оп. 113, д. 1607, л. 48—49 об., 58 об.

что зимой и весной 1745 г. в Джунгарии шел сбор войск «и велено де взять им довольно число припасу всякого и оное же войско пойдет под Абдыкарым-город, где велено де стоять и морить абдыкаримцов мором...» Во главе армии стояли князя Септень, Кабут, Еманкулы. Местом сбора войск был определен район р. Чу, где располагались джунгарские отъезжие караулы.

Узнав о военных приготовлениях джунгар, Абд ал-Карим-бий собрал десяти тысячное войско и форсированным маршем двинулся к Ташкенту, правителем которого был ойратский ставленник Айбек. Источники по-разному освещают происшедшие после этого события. Приехавшие к султану Среднего жуза Аблаю ташкентские купцы сообщали, что когда «абдыкаримской владелец шел в Ташкент с войским своим... и послал де в Ташкент посланца токмо де того посланца ташкенцы убили, чего де для Абдакарым с войском своим подошел к Ташкенту ближе и в то время главный Айбек из Ташкента убежал»¹⁴⁸.

По донесениям Ямышевской пограничной канцелярии в Тобольск сибирскому губернатору, события развивались несколько иначе. Приблизившись к Ташкенту, Абд ал-Карим-бий направил в город своих представителей с «увещеванием, чтоб ташкенцы без всякой баталии здались, дабы напрасного кровопролития между ими не было и потому оныя ташкенцы, убоясь их, абдыкаримцов, склонились, чтоб им здаться без бою и быть под влиянием Абдыкарыма». Находившийся при Айбеке небольшой ойратский отряд был изгнан. Правителями города кокандский бек назначил одного из своих приближенных и казахского бия Толе Алибекова, «которым приказал быть в Ташкенте командующими». Башкир Девлет Бакбиев, возвратившийся в июне 1745 г. из Среднего жуза в Оренбург, сообщил, что когда Абд ал-Карим-бий подошел с войском к Ташкенту и остановился на р. Чирчик, он «вознамерился оной Ташкент от владения Зенгорского отвратить и вместо ево самому овладеть, что бывшие в том городе зенгорские калмыки, ... услышав, от страха ушли ис того города все в свою землю».

Оставив в Ташкенте гарнизон, кокандский правитель возвратился обратно в Коканд. Через некоторое

¹⁴⁸ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1745 г., д. 2, л. 83.

время после ухода кокандских войск у стен города появились разъезды ойратов. Толе-бий и его сопровитель вынуждены были бежать, однако жители Ташкента долго не впускали ойратов в город¹⁴⁹.

Узнав о появлении джунгарских войск под Ташкентом, Абд ал-Карим-бий обратился за помощью к правителям соседних вилайетов, в том числе и к шаху Надиру. «И по тому требованию отправлено к Абдулкаримцу с сыном Надиргуловым Ашиком двадцать тысяч кизылбашцов (персидских воинов. — В. М.)». Ойратский военачальник Септень, узнав об этом, послал в ставку хунтайджи нарочных с сообщением, что они не в силах вступить в сражение с кокандцами. В конце июня из Джунгарии в Коканд был направлен десяти тысячный отряд. Практически это было все, что могло выставить изнуренное многолетними войнами с Цинской империей Джунгарское ханство.

Учитывая опыт предыдущего похода в Среднюю Азию, ойратское командование решило объединить все войска против Кокандского бекства. Тем не менее начало военных действий было неблагоприятным для джунгар. В походе войска неожиданно были остановлены, так как Галдан-Цэрэн получил известия о появлении на Сибирских линиях значительных контингентов русских войск и о якобы готовящемся их наступлении на Джунгарию. Но по возвращении из России их купеческого каравана войску было велено продолжать поход¹⁵⁰.

Разграбив окрестные селения, ойратские войска подступили к Коканду и вновь оказались в расставленной для них ловушке. Казахи, очевидцы событий, сообщали царским властям, что когда джунгары подошли к городу, то кокандцы, «скрыв свой намерок их, калмыков, к себе в город принять и ласково или яко подданически себя оказали, и пустив, сколько пришло, заперши у себя в городке, прирубили... а другую часть на том мосту обвалили, а протчия де, кои в тот городок въезду не имели, ушли на присталых лошадях... и побито де при том городке и под мостом потонуло их, калмыков,

¹⁴⁹ ГАОО, ф. Военно-походная канцелярия, оп. 1, д. 7, св. 4, л. 8 об.; св. 3, л. 112 об.

¹⁵⁰ Там же, л. 9, 169; АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1745 г., д. 2, л. 91—91 об.

более двух тысяч»¹⁵¹. Когда в Джунгарии стало известно о новом тяжком поражении, то повсюду начался «великий плач». Сведения о неудачном исходе сражения за Коканд подтвердили и ойратские воины — участники похода.

Вскоре после этого поражения из ставки Галдан-Цэрена пришло указание не штурмовать город, а попытаться вывести противника в поле. В этом указе ойратскому командованию предписывалось расположить войска в скрытном месте и направить к городу небольшой отряд, чтобы выманить неприятеля. Ойратское командование, отказавшись взять город штурмом, приступило к длительной осаде¹⁵².

Савва Соболев докладывал, что «из абдыкарымского похода войско их нынешней осени возвратилось обратно, токмо де того Абдыкарыма успокоить не могли, а более де что близ абдыкарымского города стоящие крайние улусы раззорили»¹⁵³.

На исход и результаты борьбы Джунгарского ханства с Кокандским бекством значительное влияние оказали правители Среднего и Старшего казахских жузов. Внутреннее и внешнеполитическое положение этих государственных образований было неодинаковым. Правители Старшего жуза в 30-е гг. XVIII в. вынуждены были признать политическую зависимость от джунгарских ханов и выплачивать урге дань, посылать заложников. Средний жуз в 1739—1741 гг. выдержал жестокое нападение джунгарских войск, и его правители занимали осторожную выжидательную позицию. Население же Старшего жуза, тяготившееся игом «неверных» (ойраты исповедовали ламаизм), сочувствовало и поддерживало кокандцев в их борьбе против ойратских феодалов.

Захватив осенью 1744 г. Ташкент, Абд ал-Каримбий начал принуждать кочующее в окрестностях казахское население признать его своим ханом. Старшина Джаныбек в апреле 1745 г. сообщал в Оренбург, что «киргис-кайсацкой Большой орды два рода Канлынской и Ченычлынской (кокандский правитель.— В. М.)

¹⁵¹ ГАОО, ф. Военно-походная канцелярия, сп. 1, д. 10, св. 5, л. 284 об.— 285.

¹⁵² АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1745 г., д. 2, л. 80 об.

¹⁵³ ГАОО, ф. Военно-походная канцелярия, оп. 1, д. 7, св. 4, л. 116 об.

склонил под свое владение, а прочие по сю сторону Ташкента кочующие... убоясь оного Абдулкаримбека откочевали к Туркестану по реке Талаш». Вслед за тем Абд ал-Карим-бий направил своих представителей к Толе-бию, призывая его в свое владение, в противном случае требовал его откочевки в Средний или Младший жузы. Толе-бий был вынужден откочевать на некоторое время к Туркестану¹⁵⁴, однако затем присоединился к правителю Коканда.

Возвратившись в апреле 1745 г. из ставки хана Младшего жуза, казак Найденов сообщал, что минувшей зимой кокандский правитель Абд ал-Карим-бий присылал к султану Бараку послов с предложением совместно выступить против джунгар, в случае отказа угрожал напасть на казахские кочевья. Говоря о господствующих настроениях в казахских улусах, Найденов отмечал, что казахский народ желал объединиться с народом одной веры и «предписанных калмык разорять, нежелать от них калмык разоряемыми быть». По сообщениям казахов, «верхние» каракалпаки также готовы были присоединиться к Абд ал-Карим-бию в его войне с Джунгарией. Отдельные казахские уделы Старшего жуза побоялись открыто выступить против ойратских феодалов и не вмешивались в происходящие события¹⁵⁵.

После того как война с Кокандом и с казахскими владениями Старшего жуза приняла затяжной характер, джунгарский хан Галдан-Цэрен, используя различного рода посулы и угрозы, пытался добиться от влиятельных казахских султанов и старшин военной помощи. В этой связи он неоднократно обращался к султану Аблаю, Бараку, хану Абулмамбету и даже к султану Младшего жуза Ералы. Естественно, что воевать на стороне ойратов против мусульман, а тем более и своих соплеменников, желающих не оказалось. Аблай, как утверждают источники, направил в Джунгарию небольшой отряд воинов, но не для участия в войне против Коканда, а для охраны своего сына, отправленного в ставку хунтайджи¹⁵⁶. Осенью 1744 г. Галдан-Цэрен прислал прикочевавшему для зимовки в

¹⁵⁴ ГАОРО, ф. Оренбургская губернская канцелярия, оп. 1. 1745 г., д. 8, л. 40.

¹⁵⁵ Там же, л. 34, 177, 234.

¹⁵⁶ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1745 г., д. 2, л. 91 об.

бассейн р. Чу султану Бараку письмо с просьбой, чтобы он не пропускал послов Абд ал-Карим-бия в Россию.

Казахи помешали ойратам нанести по среднеазиатским владениям неожиданный удар, известив их правителей о появлении джунгарских армий в районе р. Чу и Талас. Узнав о том, что казахи сообщили в Бухару и Коканд о появлении ойратских войск, Галдан-Цэрэн приказал собрать с населения Старшего жуза не по одной степной лисице, а с каждой семьи по лошади. Правители Старшего жуза обратились к владельцам Среднего и Младшего жузов за помощью в борьбе против ойратов. Откликнулись на эти призывы известный батыр Среднего жуза тархан Джаныбек и скрывавшийся в казахских степях под именем брата хунтайджи Шоно-Лоузана организатор восстания в Башкирии в 1739—1740 гг. Карасакал¹⁵⁷.

В 1745 г. Галдан-Цэрэн начал искать возможность заключить с Абд ал-Карим-бием почетный для себя мир. С этой целью он обратился к султану Бараку с прошением, чтобы он их «смирил». Посланцам казахского султана кокандский правитель заявил: «Ежели он (султан Барак.— В. М.) в такое примирение вступить хочет, то б от вышереченного зенгорского владельца исходатайствовал из двух обстоятельств едино, что за лутчее избудет. 1-е. Или б он, зенгорской владелец пришел в подданство ево, Абдукаримбека, и дань повсягоднюю давал и за него, Абдукаримбека, отдал дочь свою, или б 2-е. Принял со всеми своими калмыками магометанский закон в коем и он, Абдукаримбек, и тогда де с ним будет в согласии»¹⁵⁸. Один из членов этого посольства позже сообщал представителям царской администрации, что послы Барака были приняты кокандским беком «не с честью». Получив донесение от своих послов, Барак отправил в ставку хана Джунгарии послание, заявив, что «за такими тяжелыми кондициями он, Барак, смирить их не в состоянии».

Весной 1745 г. ойратский военачальник Сары Манджа, отвечающий за охрану границы Джунгарии с

¹⁵⁷ ГАОО, ф. Военно-походная канцелярия, оп. 1, л. 4, св. 3, л. 234; АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1745 г., л. 2, л. 234; АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, 1745 г., л. 14, л. 88—88 об.

¹⁵⁸ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1745 г., л. 2, л. 235.

Казахстаном и Средней Азией, приехав в гости к Толе-бию, неожиданно умер. По мнению не только ойратских феодалов, но и многих казахских владетелей и старшин, Сары Манджа был отравлен¹⁵⁹. Опасаясь мщения Галдан-Цэрена, Толе-бий «со всей ордою уклонился к Абдулкарим-хану». Вскоре к правителю Коканда действительно прибыли послы от Галдан-Цэрена с требованием выдать ему Толе-бия. Однако послов этих, как сообщил в мае 1745 г. старшина Джаныбек в Оренбург, Абд ал-Карим-бий «с ругательством... прогнал нечестно в их отечество».

С целью выяснить, какую позицию необходимо занять казахским владетелям в разгоравшемся между Джунгарским ханством и Кокандским бекством конфликте, в июле 1745 г. в улусе Казбек-бия состоялось собрание¹⁶⁰. Пока мы не располагаем сведениями о ходе и результатах этого собрания. Но судя по отрывочным и косвенным данным, большинство казахских владетелей и старшин были склонны поддержать Абд ал-Карим-бия.

В сентябре 1745 г. умер хан Джунгарии Галдан-Цэрэн. Воцарившийся на престоле его средний сын Цэван-Доржи-Намжи приказал отозвать войска. Ойратский посол Курен-Кучук, доставивший в Россию послание нового хана 28 ноября 1745 г., заявил, что ойратские войска возвращаются в Джунгарию и что в походе ойратов против Кокандского бекства участвовало около 30 тыс. воинов под командованием нойона Септеня¹⁶¹.

Успешная война с Джунгарским ханством способствовала усилению Кокандского бекства, упрочению авторитета его правителя Абд ал-Карим-бия.

Поражение джунгар в этой войне привело к утрате их политического влияния в Средней Азии и Казахстане, огромным военным и экономическим потерям, упадку и ослаблению последней могущественной кочевой империи Центральной Азии, освобождению от ойратской зависимости Старшего жуза.

---

¹⁵⁹ ГАОРО, ф. Оренбургская губернская канцелярия, оп. 1. 1745 г., д. 8, л. 91—91 об.

¹⁶⁰ Там же, д. 7, л. 91 об., 133 об.

¹⁶¹ ГАОО, ф. Военно-походная канцелярия, оп. 1, д. 7, св. 4, л. 124 об.

**КАЗАХСКО-ДЖУНГАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В ПЕРИОД ОСЛАБЛЕНИЯ
ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА
(1745—1755 гг.)**

**Внутреннее и внешнеполитическое положение
Джунгарского ханства после смерти Галдан-Цэрена**

История событий, происходивших в Джунгарском ханстве в период после смерти хунтайджи Галдан-Цэрена до гибели этого самостоятельного монгольского государства, сравнительно слабо изучена в советской и зарубежной историографии. Между тем именно в этот период все явственнее начинали проявляться признаки надвигающегося кризиса, ввергшего страну в пучину многолетних кровавых междоусобиц и сделавшего ханство легкой добычей маньчжурской династии Цин. В связи с этим остановимся подробнее на внутривнутриполитических событиях, происходивших в ойратской державе в последнее десятилетие ее существования.

«Какого страшного могущества могут достичь государства кочевников,— писал известный уйгуровед В. В. Радлов,— доказывается целым рядом тех из них, которые наводили страх на всю Европу в течение тысячи лет, как, например, царство хуннов, аваров и монголов. Однако и самые страшные из таких государств исчезают бесследно лишь только личность или род, создавший такое государство, перестает соединять в своем лице всю государственную власть; тогда союз племен распадается и отдельные части его или превращаются в мелкие, беспорядочно борющиеся друг с другом общины, или примыкают к какому-нибудь новому узурпатору и образуют новое государство»¹. Судьба Джунгарии прекрасное этому подтверждение.

В первых числах сентября 1745 г. Галдан-Цэрен заболел и был поставлен вопрос о его наследнике.

¹ Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. СПб., 1893. С. 74—75.

Вопрос о престолонаследии во все времена представлял исключительную важность, ибо от того, кто встанет во главе государства, зависит нередко судьба целых народов. У Галдан-Цэрена было три сына и несколько дочерей. Старшему сыну Лама-Доржи в год смерти отца исполнилось 19 лет, среднему — Цэван-Доржи-Аджа-Намжилу — 13, младшему — Цэван-Даши минуло 7 лет. Галдан-Цэрен завещал трон среднему сыну, который в 1746 г. и был провозглашен ханом под именем Аджа-хан². Ответ на вопрос: почему выбор Галдан-Цэрена пал на среднего сына, дают русские источники.

В конце ноября 1745 г. в Ямышевскую крепость прибыл посланец от нового ойратского хана Курен-Кучук, который привез письмо Аджа-хана сибирскому губернатору А. Сухореву. Джунгарский правитель извещал русское правительство о смерти Галдан-Цэрена и о своем восшествии на престол. В беседе с комендантом крепости полковником Я. С. Павлуцким Курен-Кучук отмечал, что «наследным по себе владельцем учинил при кончии своей сына своего меньшого Цебен-Доржи-Намжи», старшему сыну Галдан-Цэрен «оное наследное владение не поручал, понеже тот незаконной ево жены». Эти сведения подтверждал вернувшийся в декабре того же года из Джунгарии работник сибирского купца П. Твердышева, сообщив, что смерть Галдан-Цэрена последовала 13 сентября после шестидневной болезни, указал при этом, что «большаго сына Доржи... наследником оной отец их, Галдан-Чирин, не учинил, затем что он рожден от наложницы ево, а не от настоящей законной жены»³.

«Одной из причин смут в Монгольской империи, — указывал академик В. В. Бартольд, — было отсутствие закона о престолонаследии. После смерти каждого хана подвергался долгому обсуждению вопрос о его преемнике; требовалось признание его всеми членами ханского рода и торжественное возведение его на престол при их участии, для чего созывался курултай; воля

² Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. М., 1983. С. 281; Моисеев В. А. Русские архивные материалы о положении Джунгарского ханства в 1745—1749 гг. // XV научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. М., 1985. Ч. 2.

³ ГАОО, ф. Военно-походная канцелярия, оп. 1, д. 7, к. 4, л. 123.

предшествующего хана принималась во внимание, но не связывала безусловно царевичей»⁴.

Все это свидетельствует о том, что при назначении наследника, в первую очередь, во внимание принимались соображения генеалогического порядка. Лама-Доржи был бы более достойным преемником, чем его малолетний брат, однако опасения Галдан-Цэрена относительно возможной вспышки междоусобной борьбы за ханский престол остановили его выбор на среднем сыне. В последние дни своей жизни Галдан-Цэрен приказал членам зарги собрать кочевавших поблизости от урги князей и заставил их принести присягу на верность своему наследнику. Собравшимся в урге ойратским феодалам приказано было оставаться при ставке нового хана в течение нескольких месяцев. На границах ойратской державы были усилены прежние и выставлены дополнительные караулы. Побывавшему в приграничных джунгарских кочевьях С. Соболеву ойраты в связи с этим говорили, что «владелец их Галдан-Цэрен умре нынешней осени в сентябре месяце и для пресечения де такового разглашения о смерти ево, Галдан-Чирина, те караулы разоставлены, дабы в другие государства через беглых и протчих людей известия о том, не произошло, и оно де накрепко у них подтверждено в секрете». Тело Галдан-Цэрена, согласно ламаистским традициям, было предано сожжению, прах отвезен и захоронен в кочевьях торгоутов, в районе р. Юлдуз, где находилось родовое кладбище чоросских владельцев⁵.

Власти Джунгарии предпринимали меры по охране жизни юного хана. Проживший в Джунгарии 6 лет томский купец А. И. Верхотуров по возвращении в Сибирь в 1745 г. рассказывал, что вокруг ставки Цэван-Доржи «поставлен караул, например на версту, а числом сказывают людей сот с пять, и никого к нему не допускают». Ламе-Доржи было указано кочевать неподалеку от ханской ставки с небольшим количеством людей.

Эти сведения подтвердил ездивший в Джунгарию с требованием возвратить в Россию беглых мастеровых

---

⁴ Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В. В. Собр. соч.: В 9 т. М., 1968. Т. 5. С. 147.

⁵ ГАОО, ф. Военно-походная канцелярия, оп. 1, д. 7, к. 4, л. 116; д. 10, к. 5, л. 284—284 об.

прапорщик Подзоров. В его путевом журнале отмечалось, что «владелец Цэбек-Доржи-Намжи живет с братьями своими в согласии и брат меньшей живет с ним, а большой в особливом местечке своим отоком»⁶. Меры предосторожности не были излишними, ибо значительная часть населения, в том числе некоторые князья, хотели бы видеть на престоле старшего сына — Ламу-Доржи. Ойраты, прибывшие в январе в Ямышевскую крепость, сообщали русским властям, что в Джунгарии «несогласно: одни желают наследником и владельцем быть большему сыну (коей от наложницы рожден) Ламе-Доржи, ибо де он смысл и остроту к управлению их владения имеет, а другие желают настоящего сына Бичаган-Цаган...»⁷

Осенью 1745 г. неожиданно умер командующий джунгарскими войсками нойон Септень, находившийся в походе против Кокандского бекства. В нашем распоряжении имеется один интересный документ, позволяющий в какой-то мере выяснить причины его гибели. В сентябре 1746 г. джунгарские купцы рассказали толмачу Баймуратову в Ямышевской крепости, что когда умер Галдан-Цэрэн и на его место, согласно завещанию покойного, был возведен средний сын Цэван-Доржи, зайсаны направили письмо об этом Септеню. Последний, понимая, видимо, что малолетний хан не сможет управлять государственными делами, написал тайное письмо старшему сыну Галдан-Цэрена Ламе-Доржи, заявляя, что «наследие поручается меньшому сыну, коей де в малых летах и содержать того не может и учинен де он неправильно, а надлежит быть тебе, Ламе-Доржи». Септень обещал после своего возвращения из похода оказать Ламе-Доржи содействие в борьбе за престол. Однако эти письма были перехвачены, Септень арестован и по дороге в ургу неожиданно умер. Можно предположить, что он либо покончил самоубийством, либо был умерщвлен по приказу нового хана и его приверженцев⁸. Подтверждением этому может, на наш взгляд, служить то обстоятельство,

⁶ Гуляев С. Заметки об Иртыше и странах, им орошаемых. Приложение // Вестник импер. Русского географического общества. 1851 г. СПб., 1851. Ч. 3. С. 62.

⁷ ЦГАДА, ф. 1-й департамент Сената, оп. 113. 1745 г., д. 1607, л. 175.

⁸ АВПр, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1746 г., д. 1, л. 70—70 об.

что немедленно после смерти все его дети были отправлены в ссылку.

После гибели нойона Септеня в Джунгарии возникла напряженная ситуация. Многие нойоны старались держаться подальше от урги. Так, на неоднократные приглашения хана нойон Даваца постоянно «отговаривался болезнью», а посланцам Аджа-хана заявил, что видимо владелец «имеет тот же номерок зделась, как и прежде было за верные услуги и многие труды Септенюна: много де служил, а напрасной смерти не миновал». В ставке Даваца частыми гостями стали казахи⁹.

Летом 1746 г. в ставке хана, располагавшейся на р. Текес, состоялась торжественная церемония возведения на престол Цэван-Доржи, сопровождавшаяся традиционными скачками, стрельбой из лука, борьбой и другими зрелищами¹⁰.

С возведением на престол нового правителя на политическую арену в государстве выдвинулись новые лица. «При себе оной владелец держит,—говорится в показаниях уйгурских купцов русским властям,—из ученых лутчаго ламу Баяншаха, который ему в советах помогает, а из зайсанов главные и лутчие в правлении их народов в Назарге (Зарго.—В. М.) находятся, а именно: Гунб-зайсан, Олжей-зайсан, Даши-Кашка-зайсан, Чай-Намки-зайсан. А казначей при нем у всех приходов и расходов был зайсан Батух, а по смерти его сын ево Лачин, а после Лачина ту должность правил зайсан Якба»¹¹.

Все это были старые князья, искушенные в делах государственных, опытные в военном деле. Среди лиц,

---

⁹ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1747 г., д. 1, л. 11 об., 33 об.

¹⁰ ГАОО, ф. Военно-походная канцелярия, оп. 1, д. 10, к. 5, л. 424.

¹¹ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1749 г., д. 1, л. 30. По показаниям А. Верхотурова, хорошо знавшего внутриполитическую обстановку в Джунгарии, в Зарго входили: «из старых зайсанов Багаманжи...», другой — Алдзоришко, третьей — Алзо, Зайгунов сын, был под гневом и прощен, четвертой — Гунбо, был в ссылке в Аксе и прощен, а был сослан от владельцев сестры Уланбаир, а возвращен владельцем Чибан-Намджи-Дорджи, пятой был Куренга..., шестой — Ходзо, сослан в Аксу и опоен зелием, а из молодых на Алзовсм месте Намджил-Чириков сын Лангошара, а Олзе его в посылке под Ташкенью» // См.: АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1751 г., д. 4, л. 33. Одним из приближенных хана Цэван-Доржи был зайсан Олдза, член Зарго. Он в свою очередь, опирался во всем на жившего у него в урге казаха Епака Бутурова // Там же, л. 36 об.

близких молодому хану, русские источники называют также Каббу-ламу. Однако, несмотря на все их старания, предотвратить вспышку феодальных усобиц в Джунгарии так и не удалось. В значительной степени вина за это лежит на самом Аджэ-хане.

Н. Я. Бичурин писал, что Цеван-Доржи «был человек сумасбродный, жестокий, беспечный в правлении, и в истории известен только по одним семейным раздорам»¹².

В 1746—1747 гг. в Джунгарии начались казни и убийства ойратских князей, дикие оргии подрастающего хана. Зайсан Алимбек, «имеющий команду над котонами и бухарцами», осенью 1749 г. рассказывал приехавшему в Джунгарию прапорщику Подзорову, что владелец их «живет благополучно. Токмо великая к нам обида от него происходит: ездит де со своими чириками стрелять собак, а по ночам де ездит озорничать, увозит наших жен и дочерей и оным владельцем весьма недовольны». Зимой 1748 г. сержанту Михаилу Котовщикову, сопровождавшему ойратский караван в Джунгарию, многие рядовые и знатные джунгары открыто говорили, что владелец их нойонам и зайсанам «делает многие обиды и старых ноенов и зайсанов, которые были прежде при отце ево уничтожает, а вместо их определяет вновь молодых и живет весма к ним сурово».

Внутриполитическое положение Джунгарского ханства характеризовалось все возрастающей нестабильностью и ростом недовольства юным ханом. В 1748 г. ойратский купец Айтбага Баймуратов, возвратившись из урги, сообщал русским властям, что 16-летний правитель Джунгарии «к правлению дел непонятен и охоты к тому и разсуждения в распорятках ничего не имеет... и народ к нему не весьма склонен, а более склонность имеют к большому ево брату Ламе-Даши..., а содержит все и управляет сестра ево владелца Лам-Баир, коей от роду девятнадцать лет и как ноены, так и зайсаны ей послушны»¹³.

Среди недовольных правлением Аджэ-хана ойратских феодалов все чаще возникает идея заговора с целью свержения хана. В одном из первых заговоров

¹² Бичурин Н. Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Спб., 1834. С. 105.

¹³ АВГР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1748 г., д. 1, л. 24 об.; 1749 г., д. 2, л. 52.

духовных и светских феодалов Джунгарии оказалась замешанной и родная сестра владельца Лам-Бояр. Идея заговора родилась, как свидетельствуют источники, зимой 1747—1748 гг. «Ноены и зайсаны,—сообщал ставший платным осведомителем русских властей Айтбага Баймуратов,—просили сестру ево большую Лам-Бояр, чтобы она ево владельца могла чем умертвить, а владелство по примерам других государств иметь сама править»¹⁴.

В фонде «Зюнгорские дела» (АВПР) сохранился интересный документ, проливающий свет на историю этого заговора. «Когда оной владелец назад тому з год был молод и разумом не в твердом состоянии, тогда сестра ево девица Ламбаям, по согласию с недоброжелателями ево ноеннами и зайсанами, коих в том согласии было человек с 17 хотели онаго владельца уморить отравою и давала в питье (ему) сестра ево в своей кибитке, когда он с облавы приехал». Среди заговорщиков встречаются имена князей Басы, Эренбуя, Гунбы, Уруса и др. Однако покушение на жизнь хана не удалось. «Обретающиеся при нем владельце лекарь котон Имчи, да большей лама Баяшар ево владельца остерегли и пить не допустили. Тогда зайсан Басы хотел ево, владельца, ножом зарезать но он от того бежал в юрту к зайсану Якбо и, собрав владения своего чириков... человек ста с три, и той же ночи оных злых единомышленников переловили, а дни чрез два их спрашивали и казнили на базаре: публично — при собрании людей — резали ножами, а сестру свою оной владелец сослал в ссылку в город Аксу, и содержится (она) под караулом, и никого к ней не допускают кроме караульных»¹⁵. Было казнено около трехсот человек. После этого заговора джунгарское правительство запретило всякое передвижение по территории ханства без соответствующего разрешения. «И с того времени... по дорогам всюду караулы поставлены и ежели кто явится без письменного вида, оные по поимке отсылаются в ургу».

В июне 1748 г. из ставки джунгарского хана возвратился сын султана Барака султан Шигай. Целью его поездки, как следует из показаний батыра Джаныбека

¹⁴ Там же, оп. 113/1. 1748 г., д. 1, л. 38.

¹⁵ Подробно об этом заговоре см.: АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1748 г., д. 2, л. 5—6.

и русского посланца Мансура Асанова, было возвращение пленных, однако «пленных своих ничего истребовать не мог». В то же время сообщил сведения о казнях и заговорах в Джунгарии¹⁶.

Наряду с Ламой-Доржи наиболее вероятным претендентом на престол в 1747—1748 гг. становится нойон Давац. Зимой 1748 г. Айтбага Баймуратов сообщал русским властям в Сибири, что к Давац из урги неоднократно присылали приглашения, но он отказывался ехать, теперь уже откровенно заявляя, что «ехать де ему не для чего, владелец де в несостоянии», упрекая его в бессмысленной жестокости, что привело к гибели многих ойратских князей¹⁷. Судя по другим данным, по отношению к Цэван-Доржи Давац соблюдал полную лояльность. В 1749 г. в феврале приезжал на празднование нового года (Цаган-сар), выставил более 1000 воинов для похода против киргизов, осаждавших Кашгар. Стремясь ослабить силы Давац, ему и его брату нойону Еманхули было приказано собрать 15 тысяч воинов и под командованием Еманхули выступить в поход против Бухарского ханства. Летом 1749 г. Лама-Доржи, до этого с небольшим числом кибиток постоянно кочевавший рядом с ургой Цэван-Доржи, был отправлен к Ташкенту, где под его власть был отдан один оток числом свыше тысячи семей, которые должны были охранять ханство на этом участке¹⁸.

Осенью 1749 г. русским властям стало известно о новом заговоре против Цэван-Доржи. В этот раз его организаторами явились феодалы Восточного Туркестана, вызванные из своих городов в ургу и жившие там в течение нескольких лет¹⁹. В ноябре того же года к

---

¹⁶ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1748 г., д. 4, л. 78.

¹⁷ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1751 г., д. 4, л. 31; 1748 г., д. 1, л. 25 об.; ЦГАДА, ф. 1-й департамент Сената, оп. 113, д. 1607, л. 449 об.

¹⁸ Там же, л. 38 об.; 1749 г., д. 2, л. 8.

¹⁹ Уйгурские купцы Абдакарим Моллытюрюков, Рахмуллы Малламов, 18 июля 1747 г. приехав с джунгарским караваном в Семипалатинскую крепость, сообщили о положении уйгурской знати при джунгарском хане следующие факты: в «Большой урге», т. е. ставке джунгарского хана, имеется 9 нойонов и зайсанов «и кочуют де тут в близости владельца нашего, токмо не все в одном месте, но разное для корму и скота» // АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1747 г., д. 1, л. 32.

Чагырской крепости, расположенной по Колывано-Кузнецкой линии, вышел посланец уйгурских беков Адам Хазкельдинов. Он заявил находившемуся там поручику Ширману, что был «послан из урги назад тому с три месяца от доброжелателей к Российской империи бухарских (уйгурских.— В. М.) 20 беков из г. Еркени, Кашкара, Хотона, Аксу и из протчих всех бухарских городов с 6 человеками бухарцами ж... и от тех беков, также нынешнего зенгорского владельца от сестры, родной, дочери Галдан-Чирина называемой Олн-Баир — которая от одного брата своего послана в заточение и содержится в бухарском городе Акут (Аксу) в тюрьме, дано им письмо за руками всех беков с приложением 12 их печатей».

Летом 1749 г. в 40 верстах от урги, в местечке Балтахай в течение нескольких дней тайно заседал совет уйгурских беков, руководимый «главнейшим над всеми беками» Газибеком. На нем было принято решение: поскольку «бухарским бекам от зенгорцов имеется немалое утеснение, а ясаком безмерно отягощены», то они готовы взяться за оружие, если Россия начнет против джунгар военные действия. «Тогда б и они, бухарцы,— заверял А. Хазкельдинов русских чиновников,— согласясь с российскими людьми на него ж зенгорца восстали и желают тот ясак платить ей и. в., а не зенгорскому владельцу». Кашгарские беки в случае войны обещали выставить 80 тыс. воинов²⁰. Письма уйгурских беков, а также посланные ими подарки были отобраны у А. Хазкельдинова урянхайцами, что побудило русскую администрацию усомниться в искренности его заявления.

Таким образом, внутривосточная обстановка в Джунгарском ханстве становилась все более неустойчивой: недовольство политикой Цэван-Доржи и его приближенных вело к дальнейшему обострению межфеодальной борьбы за власть. «Азиатские государства,— писал в этой связи академик В. П. Васильев,— как только перестанут увеличиваться, так вместо внутреннего развития в них сейчас же начинается разложение. Тем более цзюнгары-кочевники, лишенные всякой цивилизации. Как скоро они очутились в невозможности воевать, обойденные китайцами с востока и юга, удер-

²⁰ АВПР, Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1749 г., д. 2, л. 27, 42, 45.

живаемые русскими на севере, степями на западе, они начали вражду между собой»²¹.

Уйгурский автор стихотворной хроники «Ислам-наме» Молла Абд ал-Алим, характеризуя правление Цэван-Доржи, писал:

Он поднялся тираном, не имеющим себе равных,
Народ был очень притеснен его тиранией.

Он принялся творить насилие.

Юрт не мог вынести его несправедливости²².

Продолжительные войны против Цинской империи, казахских ханств, Кокандского бекства, отвлекающие наиболее дееспособную часть мужского населения, истощение ресурсов, прекращение торговли, стихийные бедствия и эпизоотии привели к тяжелому экономическому кризису. Это сказалось на уровне жизни населения, на количестве и качестве вооружения воинов. Поручик Ф. Аблязов, возвратившийся из Джунгарии 16 декабря 1745 г., сообщал командующему на Сибирских линиях генерал-майору Г. Х. Киндерману, что у ойратов «железа весьма малое число и у многих копейные ратовища без копей, а для виду на концах остроганы и обожжены и стрел у многих же чириков в сайдаках весьма мало, а имянно толко по пяти, по семи и по десяти. А огненного ружья недовольно ж, також на оные пороху и пуль помалу, а у других же почти и нет..., да и лошадей довольно числа не имеют... подлой же их народ чирики и протчие весьма желают быть в покое и о войне слышать не хотят...»²³ Начали приходить в негодность и забрасываться основанные русскими беглыми мастеровыми фабрики в Джунгарии и Восточном Туркестане.

Внешняя политика Джунгарского ханства в этот период не претерпела существенных изменений. Цэван-Доржи продолжал начатую его отцом, хотя и не так активно, борьбу против кокандского бека Абд ал-Карима.

Весной 1747 г. должен был состояться новый поход против Кокандского бекства. Однако, как сообщили в

²¹ Васильев В. П. Две китайские записки о падении Кульджи и о занятии ее русскими // Русский вестник. 1872. № 5. С. 138.

²² Молла Абд ал-Алим. Ислам-наме (Книга побед ислама) // МИКХ. Алма-Ата, 1969. С. 426.

²³ ГАОО, ф. Военно-походная канцелярия, оп. 1, д. 7, к. 4, л. 174.

июне 1747 г. в Семипалатинской крепости джунгарские купцы, весной из Бухары прибыло посольство, «в том числе абдыкарымского владельца» с известием о смерти бухарского хана Абулфеиза, убитого ставленником персидского хана Надира, выходцем из мангытов аталыком Мухаммедом Рахимом, о восшествии на престол сына Абулфеиза Абулмамина и с предложением о мирном договоре. Послы заявили о том, что якобы Абд ал-Карим-бий признает власть Джунгарского хана, но дань платить не будет²⁴.

В конце 40-х гг. из Нуры и Сагарджа к Цэван-Доржи вновь прибыли узбеки с жалобой на ставленника покойного иранского шаха Надира аталыка Мухаммед Рахима. Из Джунгарии было направлено посольство в Бухару. В. В. Бартольд писал, что «удалось достигнуть соглашения между калмыками и бухарским правительством»²⁵. Тем не менее ежегодно, начиная с 1747 г., джунгарские войска совершали военные походы в Среднюю Азию, но так и не смогли взять ни одного крупного города.

Осложнилось положение и на южных границах Джунгарского ханства. Пользуясь занятостью ойратов делами в Средней Азии, киргизы в 1748—1749 гг. стали совершать разорительные вторжения в Восточный Туркестан. Попытки джунгарского правительства пресечь эти вторжения терпели неудачу. Ополчения киргизов под общим командованием манапа Ахмета дважды разбивали высланные против них джунгарские войска. Летом 1748 г., осадив Кашгар, киргизские дружины разорили его окрестности и округу и захватили в плен около полуторы тысячи человек. Ойраты организовали погоню, командовал которой зайсан Якба. Отряд Якбы попал в поставленную киргизами засаду: «триста человек у него буруты заманили, вперед пропустили, мост разобрали, а назад не пропустили и прибили всех триста человек без остатку и довольно коней отогнали»²⁶.

²⁴ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1748 г., д. 1, л. 24 об. — 25; 1747 г., д. 1, л. 26 об.

²⁵ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Бартольд В. В. Собр. соч.: В 9 т. М., 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 277; АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1749 г., д. 1, л. 31; Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1983. С. 103.

²⁶ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1749 г., д. 1, л. 32, 115; д. 2, л. 7 об., 53 об.

В 1749 г. из разных источников царским властям стало известно, что «Кашкар был осажден от киргис, которые жили блис Кашкара ... а было де оных киргис тысячи три или четыре и полонили ис кашкарских деревень жен и детей немалое число и на то время поспешили калмыки тысяч тридцать и тех киргис всех прибили и полон кашкарской отбили и отдавали обратно на выкуп денег по дватцати и по тритцати, а в той силе был наболшой зайсан Егба». После возвращения из похода по подозрению в участии в заговоре Лам-Бояр зайсан Ягба был отправлен в ссылку²⁷.

В 1748 г. ойраты столкнулись с киргизами в Ферганской долине, поскольку киргизы выступили союзниками кокандцев. Ойратские войска во время очередного похода в Фергану под командованием Сайн-Белека взять Коканд не смогли, разорив лишь близлежащие поселения.

В результате губительных нашествий казахов Младшего и Среднего жузов на «нижних» каракалпаков в 1746—1747 гг., часть из них ушла в верховья Сырдарьи и признала свою зависимость от джунгар²⁸.

Неудовлетворительно складывались взаимоотношения джунгарского правительства с цинским двором. Летом 1746 г. Цэван-Доржи направил в Пекин первое посольство из 50 человек «для поминовения по их закону помянутого умершаго Галдан-Цырина» и переговоров о возобновлении торговли, пропуске ойратских лам в Тибет и обмене пленными. Послам необходимо было добиться у цинского императора Хунли помощи в войне против кокандского бека Абд ал-Карима. Единственно, что удалось добиться ойратам в Пекине, это разрешения торговать в некоторых пограничных с Джунгарией городах Цинской империи.

Ойрато-цинские отношения осложнились после бегства в Китай находившихся в Джунгарии пленных халхасов, маньчжур, китайцев осенью 1749 г. Погоня была безрезультатной и в столицу Цинской империи направлено посольство с требованием выдачи бежавших и просьбой пропускать «их контайшинских людей...

---

²⁷ Там же. 1751 г., д. 4, л. 31—31 об.

²⁸ Камалов С. К. Каракалпаки в XVIII—XIX веках. Ташкент, 1968. С. 54; АВПР, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/1. 1747 г., д. 4, л. 4.

для моления и учения молодых тангуцкой и протчих грамот к далай-ламе». Пекинский двор не только отказался удовлетворить эти просьбы, но и перебросил на границу с Джунгарией дополнительные войска. Характерно, что часть молодых и здоровых перебежчиков была поселена вдоль границы. Основные силы цинских войск были сосредоточены в заново отстроенной и укрепленной крепости Улясутай²⁹.

В 1746 г. джунгарский хан пытался установить посольские отношения с персидским шахом Надиром и даже вступить с ним в родственные отношения, отдав за него свою сестру. За то кызылбашский хан «калмыцких послов жаловал десятью тысяч рублей сребренных, а насупротив из кызылбаш послы были в урге, то их в крепии держали»³⁰.

Таким образом, во второй половине 40-х гг. в Джунгарии после смерти Галдан-Цэрена наступил глубокий политический кризис, оказавший серьезное воздействие на внутреннее и международное положение Джунгарского ханства, в том числе на характер ойрато-казахских отношений.

Казахско-джунгарские отношения в 1745—1750 гг.

В годы правления Цэван-Доржи характер казахско-джунгарских отношений постепенно изменялся: казахские владетели начали диктовать ойратскому хану свои условия, брать на себя инициативу в решении ряда политических вопросов взаимоотношений между двумя государствами. Наиболее активные политические и торговые связи поддерживали в эти годы с Джунгарией султаны Среднего жуза Аблай и Барак. Возвратившийся весной 1746 г. из Джунгарии русский представитель С. Соболев сообщал, что «киргис-кайсацкие владельцы Абулхаир-хан и Абулмамет-хан с их зенгорским владельцем согласия дальнего не имеют и киргис-кайсаки в их владения не ездят. А Аблай салтан и Барак-салтан согласие имеют и владения их киргисцы друг к другу переезжают почасту.. и аманатов у онаго зенгорскаго

²⁹ Позднеев А. М. Монголия и монголы. Спб., 1886. Т. I. С. 241—242.

³⁰ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1751 г., л. 4, л. 33.

владельца как от киргис-кайсаков, так и от кара-калпаков не имеетца»³¹.

Довольно оживленными были торговые контакты. Свои потребности в хлебе часть населения Среднего жуза обеспечивала за счет торговли с Джунгарией. Говоря об этом, Г. Н. Потанин отмечал, что «восточные улусы киргизов достаточно снабжались хлебом из Джунгарии, но чем дальше к западу, тем недостаток хлеба был сильнее, потому что с русскими прежде не было торговли ни на Ишиме, ни на Иртыше»³². Характеризуя структуру казахско-джунгарской торговли, батыр Кутыр в июле 1748 г. говорил А. И. Тевкелеву, что казахи «ездят поблизости к границам зенгорских калмык там корсоков, лисиц меняют на разные товары, ежели что там достать не можно, в таком случае ездят в Бухары».

Постепенно втягивались в эту торговлю казахи Младшего жуза. Представитель хана Абулхайра султан Байназар на вопрос А. И. Тевкелева о том, почему казахи откочевали от русских пределов, заявил, что самые нужные вещи они покупают у зенгорцов, а прочие в приданое для дочерей: бархат, ковры, парчу персидскую — в Бухаре. По мнению батыра Джаныбека, эта временная переориентация торговых связей Среднего и отчасти Младшего жузов произошла вследствие того, что был закрыт рынок в Орске, «а ныне учрежден торг в Оренбурге и им стало очень далеко и неспособно, того ради отдалились и торг получают поблизости тех мест от тамошних народов». Торговые караваны беспрепятственно ходили из страны в страну³³.

Несколько укрепившись на ханском престоле, Цэван-Доржи попытался вновь добиться от ряда казахских владетелей, чтобы они присылали дань и заложников. Так, в 1747 г. в ставке султана Барака появилось очередное ойратское посольство, которое требовало присылать аманатов и 60 иноходцев. Отправив в Джунгарию своих посланцев, Барак пообещал прислать требуемое осенью, но не сделал этого³⁴. Отношения

³¹ ГАОО, ф. Военно-походная канцелярия, оп. 1, д. 10, л. 426.

³² Потанин Г. Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии // ЧОИДР. М., 1866. Кн. 2. Отд. 5. С. 107.

³³ АВГР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1748 г., д. 4, л. 162—165, 168.

³⁴ Там же, оп. 122/1. 1747 г., д. 3, л. 173—173 об.

джунгар с казахами Старшего жуза были откровенно враждебными. Попытки ойратских феодалов оружием принудить правителей Старшего жуза к покорности были неудачны.

Свидетельством начавшегося распада ойратской державы стало бегство из Джунгарии вначале пленных или служивших в армии казахов, киргизов, волжских калмыков, а затем и собственно ойратов в соседние страны. Так, в 1749 г. ойратские зайсаны говорили постоянно торгующему в их улусах русскому купцу А. Верхотурову, что в Джунгарии «было немалое число в урге под командою бурутов и киргис и оные из урги бежали к Антикирим-беку и за ними была в погоню высылка чирику, то есть войска и ничего сделать с ними не могли»³⁵.

В то время как население Старшего жуза поднялось на борьбу против чужеземных угнетателей, среди феодалов Среднего и Младшего жузов вспыхнули междоусобицы. Давняя неприязнь между султаном Бараком и ханом Абулхаиром вылилась в открытую вражду и привела к вооруженному столкновению, в ходе которого в 1748 г. Абулхаир был убит. Столкновение между султаном Бараком и ханом Абулхаиром назревало давно и оба чувствовали, что развязка их затянувшегося конфликта неизбежна и близка.

Обострение отношений произошло зимой 1747—1748 гг., когда люди Абулхайра перехватили направлявшееся от хивинского хана Каипа к Бараку посольство с дарами, предназначавшимися в качестве выкупа за сосватанную у него дочь. Наиболее подробные известия о причинах ссоры и обстоятельствах убийства султаном Бараком хана Абулхайра содержатся в письме батыра Джаныбека И. И. Неплюеву. Причиной ссоры явилось то, что Барак напал на прикочевавших к Абулхайру каракалпаков. Схватка произошла на местности между речками Тургай и Улыкаяк. Так как свита хана была немногочисленной, она, практически не вступая в бой, начала уходить, вслед за ними поскакал и Абулхаир. Однако сын Барака Шигай сбил его с лошади копьем, а Барак саблей отрубил ему голову. О том, что Абулхаир выехал к каракалпакам, сообщил Бараку один из

---

³⁵ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1751 г., д. 4, л. 32 об.

претендентов на ханский трон в Младшем жузе султан Батыр³⁶.

По сведениям Я. Гуляева, когда Абулхаир поехал вызволять каракалпаков, с ним было 150 воинов. Однако число бойцов султана Барака намного превосходило численность людей Абулхаира. В ответ на уговоры уклониться от схватки Абулхаир заявил: «Кто де Барака боится, тот может бабой прослыть, ибо де Барак и сам не лутче бабы». Однако большинство бросилось бежать, оставив хана с группой из 5-6 человек против многотысячной толпы³⁷.

Со слов же самих участников, столкновение произошло следующим образом. Около 2-х тысяч семей каракалпаков, не выдержав беспрестанных набегов на их селения казахов Младшего жуза, решили отдаться под покровительство хана Абулхаира и двинулись в его улусы. Однако по дороге они были перехвачены султаном Бараком. Узнав об этом, Абулхаир потребовал от султана «отдачи и персонального свидания». Барак приехал и «вдруг на него хана учинил нападение и притом де хан по несколкой драке с стороны Бараковой одним киргисцом так жестоко ударен копьем, что и с лошади упал, а Барак де салтан сверх того, слезши с своей лошади ево хана, уже лежащего, раза с три в живот ножом приколол и тако он, хан, того ж часа и умер»³⁸.

Получив известие о смерти хана Абулхаира 20 августа 1748 г., оренбургская администрация развила энергичную деятельность с тем, чтобы события, происходящие в степи, не вышли из-под ее контроля. В Младший жуз к ханше Бопай и детям Абулхаира был направлен весьма опытный и знающий обстановку в ханстве переводчик Я. Гуляев с ногойским старшиной Кубеком. Перед ними была поставлена задача от имени оренбургской администрации выразить семье покойного сочувствие, удержать от немедленного похода против султана Барака, наблюдать за ходом выборов нового хана, добиться того, чтобы казахские владельцы обра-

³⁶ ГАОРО, ф. Оренбургская губернская канцелярия, оп. 1. 1748 г., д. 3, л. 153 сб., 195 об.

³⁷ Там же, д. 18, л. 194 об.

³⁸ АВГР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1748 г., д. 3, л. 228.

тились к царскому кабинету с просьбой об утверждении императрицей Елизаветой Петровной нового хана. К Бараку через Ямышевскую крепость были отправлены М. Арапов, В. Сальников и С. Бардугин с целью узнать о его намерениях и дальнейших планах.

27 сентября 1748 г., по сведениям Я. Гуляева, состоялся совет биев, батыров и старшин Младшего жуза. От Среднего жуза на этом совете присутствовал Джаныбек. Совет работал в течение нескольких дней, главным вопросом был вопрос об избрании нового хана Младшего жуза. В основном кандидатур было 3: сын Абулхаира Нуралы, султаны Батыр и Барак. 2 октября было принято решение провозгласить ханом Нуралы. «Однако ж,— замечал Я. Гуляев,— тот выбор учинили не так как у них прежде сего бывало публично, но токмо выбранных из всех родов десятью человеки знатными биями, да и то в ханской кибитке»³⁹. Брат покойного Абулхаира султан Байбек в сопровождении родственников поехал в столицу с просьбой об утверждении Нуралы ханом Младшего жуза.

В 20-х числах июня 1749 г. из Петербурга возвратилась делегация Младшего жуза, доставившая патент об утверждении правительством Нуралы ханом Младшего жуза. Он был приглашен И. И. Неплюевым на конфирмацию в Оренбург, куда отправился 30-го июня. А чуть раньше в ставку матери Нуралы ханши Бопай прибыли ойратские послы, которые предлагали владельцам Младшего жуза заключить мир и «чтоб де кашкарцам свободно было ездить для торгу в Оренбург».

Во время встречи с оренбургским губернатором И. И. Неплюевым осенью 1749 г. Нуралы, сообщая о состоянии казахско-ойратских отношений, подчеркивал, что казахи «ныне такой уже опасности от зенгорцов подлинно не имеют»⁴⁰.

Характеризуя обстановку, сложившуюся в Среднем жузе к концу 40-х гг., тархан Джаныбек на встрече с оренбургским губернатором И. И. Неплюевым в августе 1749 г. в Оренбурге говорил, что в Среднем жузе «прежде был Абулмамет-хан, но он де... давно уже отлучась живет в городе Туркестане. В ней же де

³⁹ ГАОРО, ф. Оренбургская губернская канцелярия, оп. 1. 1748 г., д. 18, л. 198 об.—201 об.

⁴⁰ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1749 г., д. 4, л. 122 об., 157 об.

(Средней орде.— В. М.) был Барак-султан, но и он де по своему злодейству пропал и тако де ныне из владелцов находится толко Аблай-салтан...». Главной причиной, вследствие которой поход против Барака не состоялся зимой 1748—1749 гг., Джаныбек-тархан и другие старшины называли «тогдашние великие снега». Они собирались выступить поздней осенью 1749 г. и просили дать им русские войска⁴¹.

Перспектива обострения межфеодальной борьбы в Казахстане вызывала серьезную озабоченность оренбургской администрации и русского правительства. Получив известие об убийстве султаном Бараком хана Младшего жуза Абулхаира и об избрании новым ханом Нуралы, А. И. Тевкелев представил правительству записку о возможном, с его точки зрения, развитии событий в дальнейшем. Он полагал, что Барак «принужден будет Среднюю орду сколько возможно помогать интриговать от российской стороны отдавать и к себе туда привлекать, или уже по необходимости будет искать протекцию зенгорского владельца»⁴².

После убийства Абулхаира султан Барак со своим аулом откочевал на р. Сары-Су, служившую тогда своеобразной границей между джунгарскими и казахскими владениями, и направил в ставку ойратского хана своего представителя с заявлением будто бы киргизцы намеревались идти на них войною, и он за это, а также и за грабительство кашгарского их каравана, Абулхаир-хана убил и теперь просит у зенгорцев защиты.

3 августа 1749 г. в ставке хана Нуралы состоялись поминки по Абулхаиру. Собралось около двухсот человек знатных людей. С утра, как писал очевидец капитан А. Яковлев, происходили скачки, борьба и обед. А потом хан, султаны и все знатные старшины держали совет, на котором было решено: «1. Собрать войска как можно более и итти для поиска Барака для отомщения ему за убийство Абулхаир-хана... 2. Зенгорскому хану в замужество ханскую сестру, девку рожденную от калмынки Абулхаир-хана жены именем Намуруна отдать... в таком разсуждении, во-первых, чтоб киргисской

⁴¹ ГАОРО, ф. Оренбургская губернская канцелярия, оп. 1. 1748 г., д. 23, л. 66—69 об.

⁴² АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1722—1755 гг., д. 1, л. 49 об.

народ от зюнгорских калмык в безопасности жить и разоряемым не быть; второе, от тех зенгорцов киргизских пленников возвратить; третье, дабы зенгорский хан Барака им отдал»⁴³. С этими предложениями было решено направить в Джунгарию посольство⁴⁴. 2 сентября 1749 г. оренбургский губернатор И. И. Неплюев доносил о решениях этого собрания в Коллегию иностранных дел.

В состав посольства, отправленного ханом Младшего жуза Нуралы в Джунгарию во главе с султаном Карабашем, входило 6 человек из Младшего жуза и 2 человека из Среднего от старшины Джаныбека. В пути казахские послы поссорились с ойратскими послами, едущими от Нуралы вместе с ними. Глава джунгарского посольства по прибытии в ургу «из мести и желания повредить киргизцам» начал уверять Цэван-Доржи, что Нуралы не показал ему своей сестры, и что казахи уже не хотят отдавать ее за Цэван-Доржи. Уличенный во лжи султаном Карабашем, он заявил, что ему пьяному показали другую девушку, да и то из-за занавески. Цэван-Доржи заподозрил Нуралы в неискренности и, не дав никакого определенного ответа, отпустил казахское посольство почти без подарков, из пленных освободив лишь двух человек. Письмо джунгарского хана, адресованное Нуралы, было написано в грубых тонах и содержало различные упреки⁴⁵.

Спасаясь от возможного преследования, Барак вновь направил в Джунгарию послов, но результаты этого

⁴³ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 122/1. 1748 г., д. 4, л. 11 об.; д. 1, л. 115—115 об.

⁴⁴ Там же. 1749 г., д. 243—245, л. 275 об. Говоря об отношении рядовых масс кочевников и значительной части старшин к Абулхаиру, А. И. Тевкелев отмечал, что «киргиз-кайсацкой же весь народ Абулхаир-хана невзлюбили, когда он по прошению ево в 1731 году принят в подданство Российской империи. А после принятия их в подданство как стали жить с благополучием, то оной же киргиз-кайсацкой народ крайне его любили и почитали и ныне многих видеть случилось об нем рыдаючи неутешно плачут». См.: АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1722—1755 гг., д. 1, л. 64 об.; ГАОРО, ф. 3. Оренбургская губернская канцелярия, оп. 1. 1748—1749 гг., д. 19, л. 85. Урядник Федор Найденов, ездивший летом 1749 г. к вдове Абулхаира ханше Бопай и ее детям, сообщал, что от них осенью 1748 г. «посылаемы были к зенгорскому владельцу посланцы сватать за него Абулхаирову дочь, рожденную от калмычки, ... тот владелец оную за себя берет и по ея ханшину деланию вместе калыму дает им город Туркестант».

⁴⁵ Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Казань, 1897. Т. 3. С. 791, 792.

посольства не оправдали его ожидания, поскольку Цэван-Доржи помнил еще обиду, нанесенную ему сыном Барака Шигаем, и предпочел не портить отношений с Нуралы, который обещал отдать ему в жены свою сестру.

Убийство Бараком хана Абулхаира поставило местную Оренбургскую администрацию в затруднительное положение. Барак был одним из самых влиятельных (после Аблая) владельцев Среднего жуза. Ей не хотелось терять с ним установившиеся контакты, но она опасалась испортить отношения с Нуралы. Тем не менее И. И. Неплюев решил тайно направить в ставку Барака своих представителей, о чем докладывал в Коллегию иностранных дел.

Летом 1749 г. в ставку султана Барака был отправлен казак Арапов. Возвратившись в Оренбург в октябре, он докладывал, что Барак кочует возле города Икана на реке Ченбуре, куда к нему уже приехали его жена и дети и возвращаться обратно опасается, и многие из казахов «придержавшихся ево, намерены блис ево кочевать (ибо Средней орды киргисцы почасту в тех местах кочуют) и ежели б случилось на него нападение от Меньшой орды за убийство Абулхаир-ханово, то защищать ево намеряются»⁴⁶.

Опасаясь соединения Барака с ойратами, а главное, что джунгарские феодалы могут воспользоваться удобным случаем и напасть на Младший жуз и тем самым привести к себе в подданство, было решено отправить Матвея Арапова к султану Бараку и «обнадежить» милостивым отношением к нему императрицы⁴⁷.

2 мая 1749 г. Коллегия иностранных дел направила оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву указ о том, как действовать, если Барак совместно с джунгарами нападет на Младший жуз. Необходимо будет немедленно направить в ойратские войска представителя и потребовать прекращения нападений на российских под-

---

⁴⁶ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1749 г., д. 4, л. 266 об.

⁴⁷ Правительство России не одобрило этот шаг оренбургской администрации. 2 мая 1749 г. А. Бестужев-Рюмин и М. Воронцов указали И. И. Неплюеву, что подобное завлечение вызовет недовольство нового хана Нуралы и с «ползою интересов наших сходственно быть не может». См.: АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1749 г., д. 5, л. 3—3 об.

данных. Если обстановка потребует, пропустить казахов на правый берег р. Яик⁴⁸.

Оренбургская администрация в лице А. И. Тевкелева и П. И. Рычкова предложила правительству объявить новому хану Младшего жуза Нуралы, чтобы он за жалованьем приезжал в Орскую крепость или в Оренбург. Главный расчет при этом состоял в том, что сами старшины будут заинтересованы в укреплении связей с Россией, так как «Киргис-кайсацкие ж ханы от своих народов регулярных положенных никаких доходов не получают, потому они и бедны и неправду делать принуждены для того никакого пропитания не имеют, а когда хан жалованье будет получать и по их обычаю старшинам раздаст, то уже те старшины должны сами быть его кормить и во всем снабдевать и отчасти его слушать»⁴⁹.

23 ноября 1749 г. И. И. Неплюев отправил в Коллегию иностранных дел донесение, в котором указывал, что сколько-нибудь серьезных военных действий против султана Барака Нуралы и его родственники вряд ли смогут предпринять. Старшина Младшего жуза Тюлебай-бий свидетельствовал, что «хотя б де, по желанию ханскому несколько с ним в поход и пошли, но не дошед до того места куда надобно, все или большая половина назад разбегутся, разве б такое дело и предприятие было в котором народная потребность есть, яко то освобождение из народа их пленных, общая их добыча или что другое, тому подобное, а не партикулярное ханское...»⁵⁰. Предположение это оказалось правильным. Рядовые общинники отказались участвовать в междоудальных склоках, и планируемый Нуралы и его окружением поход на Барака так и не состоялся.

Нуралы обратился к суду биев, куда был избран от Старшего жуза Толе-бий, от Младшего — Айтек-бий⁵¹. Из числа других биев присутствовали: от Чумекейского рода — бий Джалган, Чиклинского — бий Сырлыбай и Даба-бий, Шахларского — Кабек Мурза. Суд биев оправдал Барака. Тогда под знамена Барака начали

⁴⁸ ГАОРО, ф. 3. Оренбургская губернская канцелярия, оп. 1. 1748—1749 гг., д. 19, л. 27.

⁴⁹ АВР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1755 г., д. 1, л. 60 об.—62.

⁵⁰ Там же. 1749 г., д. 4, л. 303.

⁵¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 88.

вновь собираться казахи и вскоре численность его подвластных составляла уже около 5 тыс. семей⁵². Вооруженным путем дети Абулхаира уже не могли отомстить своему противнику. Тогда они избрали другое средство.

Нуралы попытался натравить на убийцу своего отца ойратских феодалов, используя для этой цели желание Аджа-хана взять в жены одну из дочерей Абулхаира. Летом 1749 г. в ставку хана Младшего жуза прибыло посольство из Джунгарии. Послы эти, указывая А. И. Левшин, «основываясь на предложении, сделанном его отцом перед смертью, приехали просить у него сестру в замужество своему владельцу, за что обещали ему вместо калыма город Туркестан. Трудно было Нуралы, признавая над собой владычество России, приступить к сему союзу, но еще труднее отказаться от родственных связей с владельцем столь страшным для врагов Нуралы и особенно упустить случай без кровопролития овладеть Туркестаном, где некогда властвовали его предки, где были они погребены, где жил сам Абулхаир до изгнания его зюнгарами»⁵³. Помимо этого Цэван-Доржи просил хана Нуралы выдать имеющихся в Младшем жузе пленных ойратов, если же таковых не окажется, то передать ему волжских калмыков, обещая за это наказать султана Барака⁵⁴.

Однако, как выяснил ездивший по указанию И. И. Неплюева в Младший жуз капитан А. Яковлев, планы хана Нуралы были направлены не только на то, чтобы отомстить Бараку. Сообщая о состоявшемся летом 1749 г. «собрании знати и народа» Младшего жуза, он отмечал, что цель Нуралы состояла в том, чтобы «и над Среднею ордою ... поверхность взять и усилится. И хотя старшины, будучи у него хана и в том его обнадежили, но в самом деле ничего от них не воспоследовало, да и сам хан остался безнадежен»⁵⁵.

Инициатива в вопросе о сватовстве принадлежала

---

⁵² Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край. Т. 3. С. 720—721. По архивным данным, к Бараку присоединились 10 аулов. См.: ГАОРО, ф. Оренбургская губернская канцелярия, оп. 1. 1748 г., д. 3, л. 151.

⁵³ Левшин А. И. Описание Киргиз-кайсацких орд. С. 187—188.

⁵⁴ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, д. 4, л. 202 об.—203.

⁵⁵ Там же, л. 260—260 об.

Нуралы. После того как стало известно, что убийца отца султан Барак нашел убежище в ближайших к Джунгарским владениям казахских кочевьях и ищет покровительства ойратов, Нуралы направил в Джунгарию своих представителей с подтверждением выполнить волю отца и выдать за Цэван-Доржи свою сестру, хотя и сосватанную уже за султана Дусалы. Начались дипломатические переговоры, в которых каждая сторона преследовала свои интересы. Джунгарский хан стремился таким путем распространить свое политическое влияние на наиболее удаленную и тесно связанную с Россией часть казахских земель. Нуралы намеревался таким образом добиться возвращения из плена казахов, выдачи султана Барака и установления своего политического господства в Туркестане и Ташкенте⁵⁶.

Против этого брачного союза выступили известные старшины Среднего и Младшего жузов, среди них батыр Джаныбек, сын Абулхаира Ходжа-Ахмет и др. К числу противников Нуралы в этом вопросе примкнула и ханша Бопай, заявившая на совете, что «хотя де за зенгорского владельца сестру вашу не для киргис-кайсацких удовольствиям отдадите, токмо для получения смерти отца вашего отмщения..., то к зенгорской стороне и к Туркестану ехать от такого доволственного кочевья отстать и подумать не надлежало». Она предложила обратиться к русскому правительству с просьбой построить городок по р. Илек.

Летом 1749 г. скончался Карасакал, что, безусловно, облегчило казахско-джунгарские переговоры по многим вопросам⁵⁷.

Позже от ездившего в Младший жуз Ф. Гордеева царским властям стало известно об условиях, на которых был заключен договор между Нуралы и джунгарским владетелем: «Ежель оной владелец всех у него киргис-кайсак захваченных в полон освободит, города Туркестан и Ташкент, також и Болшую киргисскую орду от своего владения уволит с ним в вечный союз вступить и Барак-салтану, который отца ево убил, во владении своем прибежища не даст, то он Нурали-хан по воле ея и. в. сестру свою за него зенгорского владел-

⁵⁶ Витевский В. Н. Указ. соч. С. 784—785.

⁵⁷ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1749 г., д. 1, л. 120 об.; д. 2, л. 220 об. АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1750 г., д. 3, л. 13 об.

ца отдаст, которую, також и мать ся калмынку, тем посланцам и показывал»⁵⁸.

Получив донесение И. И. Неплюева о характере и содержании его переговоров с Нуралы летом 1749 г., Коллегия иностранных дел в указе от 2 сентября того же года сделала ему внушение за то, что он обошел молчанием вопрос о сватовстве семьи Нуралы с джунгарским ханом Цэван-Доржи, поскольку в том случае, если «зенгорский владелец... на Абулхаировой дочери женится, ... то и Оренбургская губерния такой же опасности от него подвержена будет». Было рекомендовано немедленно направить в ставку Нуралы хорошо знающего его человека, который объяснил бы хану всю пагубность подобного шага.

Оренбургская администрация получила указ Коллегии сделать все возможное, чтобы «произошедшее у него хана (Нуралы.— В. М.) с зенгорским владельцем сватовство развратить и дружескую пересылку пресечь», приступить к строительству гробницы Абулхаиру, выбрать место для установки памятника⁵⁹.

Абулхаир был похоронен в 5 дней езды от Орской крепости. Для строительства памятника Нуралы просил И. И. Неплюева прислать ему 2 тыс. человек, угрожая в случае отказа откочевать в Туркестан. По мнению некоторых исследователей, Нуралы намеревался использовать присланных солдат и мастеровых для поимки султана Барака⁶⁰.

В начале сентября 1749 г. оренбургский губернатор И. И. Неплюев получил выговор от Коллегии иностранных дел. Ему было предписано срочно направить в ставку Нуралы 50 человек рабочих для постройки гробницы на могиле Абулхаира, ибо есть надежда, что «Нуралы-хан хочет таковым своим о строении требованием намерение свое к отдаче сестры своей за зюнгорского владельца и к получению от него (джунгарского хана.— В. М.) прикрыть», а также предложить построить хану крепость по р. Илек. Со своей стороны,

⁵⁸ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1750 г., д. 3, л. 82.

⁵⁹ Там же. 1749 г., д. 4, л. 3—3 об.

⁶⁰ Витевский В. Н. Указ. соч. С. 783. По сведениям, имеющимся у И. И. Крафта, могила Абулхаира находилась при слиянии рек Кабырги и Улькояка в 80 верстах к юго-западу ст Тургая. См.: Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах Степных областей. Оренбург, 1898. Примеч. С. 49.

местные власти обратились к правительству с просьбой разрешить казахам Среднего жуза торговлю в Орске⁶¹.

Через старшину Елumbета помощник оренбургского губернатора А. И. Тевкелев передал Нуралы, его матери и братьям, что сватовство будет способствовать усилению власти джунгарского хана над киргиз-кайсацкими родами. Несмотря на все уговоры российской администрации, Нуралы решил довести дело о вступлении в родственные отношения с Цэван-Доржи до конца. Решено было отправить в Джунгарию девушку, рожденную от калмычки, по имени Намруна, находившуюся к тому времени уже в замужестве за Дусалысултаном⁶².

Осенью 1749 г. в Джунгарию из Младшего жуза вместе с возвращавшимся ойратским посольством было отправлено очередное казахское посольство. В подарок Аджа-хану Нуралы послал золотую саблю⁶³. Однако начавшиеся в Джунгарии феодальные распри помешали осуществлению задуманного. В то время как между ханом Младшего жуза и правителем Джунгарии велись переговоры о союзе, казахи Старшего жуза начали теснить ойратов под Ташкентом и в других районах Южного Казахстана.

В 1748 г. погину бухарский хан Абдулмумин. В ургу из Бухары прибыл посол с известием о том, что «В большой Бухареи хан умре»⁶⁴. Со смертью этого эмира прекратила правление в Средней Азии династия аштарханидов. Власть в Бухаре захватил представитель племени мангытов Мухаммед-Рахим, в 1753 г. провозглашенный эмиром и положивший начало правлению в стране новой династии мангытов, правившей до 1820 г. Аштарханиды в течение нескольких лет после гибели Абдулмумина пытались вернуть ханскую власть. В этой связи они обращались за помощью к джунгарскому хану Цэван-Доржи⁶⁵. В конце 1748 г. в Джунгарии стало известно о том, что жители Ташкента восста-

---

⁶¹ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1722—1755 гг., д. 1, л. 130—130 об. Речь идет о казахских улусах, кочующих вблизи сибирских границ.

⁶² Там же, оп. 122/1. 1749 г., д. 4, л. 263, 275 об. — 276.

⁶³ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1749 г., д. 4, л. 263, 310.

⁶⁴ Там же, оп. 113/1. 1751 г., д. 4, л. 31 об. — 32.

⁶⁵ Валиханов Ч. Ч. О хонтайше // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 2. С. 324.

ли, убили Хакима Бахадур-бека, ставленника урги, и прогнали присланных к ним ойратских наместников джунгара Дельчина и уйгура Мэд-Юсуфа. В связи с этим зимой 1749—1750 г. под Ташкент был отправлен трехтысячный отряд во главе с нойоном Саин-Белеком и зайсаном Намджилом с приказом восстановить положение и наказать виновных⁶⁶. Прибывшему из Коканда старшему сыну Абд ал-Карим-бия Цэван-Доржи предложил идти с этим войском и после восстановления прежнего положения в Ташкенте двинуться на Коканд. Однако осуществить этот план не удалось.

Казахи, приехавшие зимой 1750 г. из Туркестана в ставку Нуралы, рассказывали переводчику Я. Гуляеву, что джунгары «город Ташкент осадили, токмо де ташкенцы им, калмыкам, не давались и тако оные зенгорские калмыки около Ташкента прожили несколько времени и напала де на них калмыков воспа, почему разделились де на три части: одна тысяча на которых воспа пала и многие померли, а остальные де в свою Зенгорскую землю как по древнему их обыкновению не поехали, кони, седла, ружья и платье, яко все на степи покидали... (третьи.— В. М.) учиня с ташкенцами мир и оправляя (наставляя.— В. М.) их правителей в свою землю поехали»⁶⁷.

Находившийся в это время в Джунгарии купец А. Верхотуров сообщал, что джунгарские войска, стоящие под Ташкентом, действительно «от воспы бежали от Ташкану вниз по той реке, над которой Ташкен-город. И оные ташкенцы вымыслили: в оспе пропащего человека в воду в реку привязать и от того калмыцкой силе великой урон был»⁶⁸. Позже ойратские воины, возвратившиеся в живых из похода, рассказывали о тактике кокандцев. «Войска из урги командировано было по три тысячи и следовали на три партии справа, слева и посреди по распределению командующего со означенными командиры. Токмо оного абдыкарымского

---

⁶⁶ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. М., 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 277. Численность ойратских войск в источниках определяется от 3 до 27 тыс. См.: АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1751 г., д. 4, л. 35 об.; 1749 г., д. 1, л. 115 об.

⁶⁷ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 113/1. 1750 г., д. 3, л. 89 об.— 90.

⁶⁸ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1751 г., д. 4, л. 35 об.

горотка взять не могли, кроме что по многом труде крайних деревень несколько разбили, а более того с уроном отходили. А они за ними погони не чинят, но ждут всегда на них приходу, а тогда на выласку ходят из горотка не далече, в выстрел ружья, спереди конные, а позади пешия». С другой стороны на ойратские улусы нападали казахи Старшего жуза⁶⁹.

Разорив несколько близлежащих деревень, разграбив шедший из Оренбурга в Ташкент торговый караван, ойратская армия, потеряв значительное число воинов от болезней и в результате сражений, весной 1750 г. возвратилась в Джунгарию, преследуемая казахскими и киргизскими отрядами. Немедленно под стенами Ташкента оказались казахские войска и неожиданным ударом захватили часть города. Сержант Филимонов, находившийся в Джунгарии с июня по октябрь 1750 г. с поручением сибирского губернатора А. Сухорева, после возвращения показал, что в том же 1750 г. «бухарский город называемой Ташкан взят Казачьею ордою владельцем кайсацким... х которому от владельца зенгорского послан был посланец»⁷⁰. Несмотря на неудачные действия под Ташкентом, ойратским феодалам удалось посадить на кокандском престоле своего ставленника Баба-бека, вскоре свергнутого Ирдана-бием⁷¹.

В 1749 г. в Оренбург приехал посланец Барака аталык Улжабай с письмом, в котором Барак сообщал, что его приглашают ханом в Старший жуз и заверял в своей преданности российской короне. Сведения о том, что бии Старшего жуза пригласили Барака на ханство, подтвердил Толе-бий. Во второй половине сентября 1749 г. в Оренбург прибыл посланец Толе-бия Айтбай. В своем письме к оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву Толе-бий от имени всех феодалов Старшего жуза просил принять их в подданство и отмечал, что «Барак же хана владельцем себе приемлем». И. И. Неплюев в ответном послании уведомлял Толе-бия, что его прошение будет доставлено императрице и просил

---

⁶⁹ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1749 г., д. 1, л. 115 об.— 116; 1751 г., д. 4, л. 35 об.

⁷⁰ Там же, л. 19 об. — 20.

⁷¹ Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Вып. 1. С. 233.

«в засвидетельствование» российского подданства опекать караваны, идущие из Средней Азии в Россию и обратно⁷².

Таким образом, гибель Абулхаира послужила причиной активизации казахско-джунгарских отношений. Новый хан Нуралы попытался путем установления родственных связей с ойратским правителем не только наказать убийцу своего отца, но и извлечь из этого политическую выгоду. Со своей стороны Барак стремился заручиться поддержкой джунгарского хана. Однако внутривполитическая нестабильность, неспособность Цэван-Доржи своевременно решать назревшие внутри- и внешнеполитические проблемы, бессмысленная жестокость в отношении своих подданных привели к государственному перевороту в Джунгарском ханстве и началу ожесточенных межфеодалных усобиц.

Участие казахских феодалов в междоусобных войнах ойратов

Свержение Цэван-Доржи положило начало фактически не прекращавшимся до последних дней существования Джунгарского ханства межфеодалным усобицам за ханский трон. Известный казахский сказитель Бухар-жырау, живший тогда при ставке султана Аблая, в «Поучении калмыкам» говорил:

Видел ли [ты] хунтайчи,
Когда было время спокойствия его
Кто мог его захватить, [когда никогда
не дрогнул] ?
Грозность вида была такова,
Никто не проходил перед ним.
Когда пришло время разлада,
Подобно буре все [взбесились],
Как верблюды кусали колена,
Искали всякого зла.
Ни разу серьезно не [обсудили],
Не пришли к единству,
Не отдали повода старшему,
Не послушались веления хана
Не стали такими, как прежде.

⁷² ГАОРО, ф. Оренбургская губернская канцелярия, оп. 1. 1748 г., д. 18, л. 94—94 об., 102—102 об.

Уш, Каркара и Костюбе
Остались было, воя, как собаки,
Теперь никого не осталось.
Так [они] разорились⁷³.

Ссылка сестры Лам Бояр и последовавшие за этим казни переполнили чашу терпения народа и князей. Поводом к перевороту послужил ханский указ об аресте одного из самых известных и уважаемых ойратских зайсанов, члена Зарго Олдзы. Активную роль в свержении Цэван-Доржи сыграло ламаистское духовенство. На следующий день после ареста ламы освободили Олдзы. 7 мая он собрал людей из своего отока, а также из других по согласию с зайсанами три тысячи человек и выступил против владельца. На помощь Олдзе пришли князья Боголдай, Олдзоришко и др.

Цэван-Доржи, узнав об этом, бежал в кочевья нойона Даши-Дава, собрал в его улусах войско и двинулся с ним на заговорщиков. В это время к Олдзе присоединился Лама-Доржи и нанес поражение Даши-Даве. Воины отряда, двигавшегося во главе с ханом к урге, узнав о всеобщем возмущении, отказались повиноваться ему и начали разбегаться «и оставили его владельца на Санже по сю сторону каменю в десяти человеках... и тако в малолюдстве оного владельца вышеписанные зайсаны, поймав, послали в Аксу и велели выкопать шилом глаза, а брат ево болей Лама-Доржи сел на шарю, сиречь на владетельное место майя 27 дня (1) 1750 году»⁷⁴.

Двоюродный брат Амурсаны нойон Норбо Данжин, волею судеб оказавшийся в 1758 г. в Петербурге, рассказывал в Коллегии иностранных дел, что Цэван-Доржи «в правлении народа поступал тирански, отчего и смятение воспоследовать чаемо было то братом его Ламой-Доржею, рожденным от подложницы, с согласия сперва с нойоном хойтской фамилии Сайн-Белеком, зятем Галдан-Черена, а болшим братом Амурсаная, и тремя зайсангами, а потом и с зайсангами ж присутствующими в зарге, низвержен и убит. А на место его

---

⁷³ Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина. Алма-Ата, 1972. С. 283.

⁷⁴ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1751 г., д. 4, л. 37 об.; 1752 г., д. 6, л. 38.

учинился помянутой Лама-Доржи, которой чрез два года потом и другого своего брата Миокуша извел»⁷⁵.

Спустя некоторое время Лама-Доржи направил владетелям казахских жузов письма, в которых извещал, что он занял ханский престол в Джунгарии. В послании к султану Аблаю он писал: «Отец мой Галдан-Чирин при кончине жизни своей сыну своему, а моему меньшому брату Аджану ханство и вручил... он чрез пять или шесть лет не толко что народу нашему какую ползу показать мог, но и недобропорядочными поступками всякие вреды им чинил. За такие ево народу нашему недобрые поступки по всенародному согласию присоветовали выколоть у него глаза и отослали к сартам, а потом уже на место ево, по желанию нашего народа, удостоили меня, Лаба-Дарджу, определить ханом»⁷⁶. В июле 1750 г. во время одной из встреч с оренбургским губернатором И. И. Неплюевым хан Младшего жуза Нуралы сообщал о происшедших в Джунгарии событиях.

Показания лиц, находившихся во время описываемых событий в Джунгарии и Восточном Туркестане, свидетельствуют, что массовых казней в начале правления Ламы-Доржи в стране не было. Были казнены или сосланы лишь приближенные Цэван-Доржи и некоторые наиболее активные противники нового хана.

Укрепив свое положение на ханском престоле, Лама-Доржи, как это было принято в Монголии, переименовал имя. Торжественная коронация состоялась 12 октября 1750 г. на многолюдном собрании ойратской знати. «Тогда ему владельцу,— сообщали очевидцы,— прежнее имя Ламы-Доржи оставлено, а именовать начали Лама-Ирдени-Батур-контайдзи (Лама-Эрдэни-Батур-хунтайджи. — В. М.), чего для был по их обыкновению знатной банкет»⁷⁷.

Хотя во время военных походов в Казахстан и Среднюю Азию в первой половине 40-х гг. XVIII в. Лама-Доржи зарекомендовал себя довольно способным военачальником, но став ханом, он не смог вывести

⁷⁵ ГАОРО, ф. Оренбургская губернская канцелярия, оп. 1. 1757 г., д. 4, л. 205—205 об.

⁷⁶ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1750 г., д. 3, л. 163 об., 118.

⁷⁷ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1751 г., д. 4, л. 17 об., 21.

государство из кризиса. Более того, в кратковременный период его правления экономическое и политическое положение страны еще более ухудшилось. Причиной этого явилась сначала скрытая, а затем прямая враждебность со стороны ряда знатных ойратских князей, считавших себя более достойными кандидатами на ханский престол. Уже в июле 1750 г. находившийся в Джунгарии поручик Мякинин сообщал сибирской администрации, что там «великое между ноенов и зайсанов смятение и несогласие происходит и в ургу их никого пропускать не велено»⁷⁸.

Положение осложнилось в связи с обрушившимися на Джунгарию стихийными бедствиями. В 1752 г. ойратские кочевья, поля, сады подверглись опустошительному нашествию саранчи. Уйгурские и китайские купцы сообщали кяхтинскому таможенному комиссару П. Бурлакову, что ойраты массами откочевывают из центральных районов Джунгарии на окраины, ибо находиться там и содержать скот было невозможно.

Окончательно пришли в упадок построенные с помощью русских и шведских пленных заводы по добыче и выплавке меди, серебра, золота, завод по изготовлению пушек⁷⁹. Продолжал действовать лишь небольшой завод по выделке кож, построенный беглым мастеровым с Колывано-Воскресенских заводов Ефимом Вяземским (Билдягой). Лама-Доржи пытался наладить в Джунгарии собственное монетное производство. Русский купец Алим Шихов, торговавший в Джунгарии и Восточном Туркестане, сообщал, что русский мастерой Терентий Кузнецов «в городе Еркене делал по их калмыцкова маниру яко денги медные, ходясие, едина, называются пула, а когда их пятьдесят, то именуются денга... и отпускают в народ»⁸⁰.

Еще более ухудшилось внешнеполитическое положение ханства. Цинский двор, внимательно следивший за обострением межфеодалных усобиц в Джунгарии, начинал сосредоточивать на ойратских границах значи-

---

⁷⁸ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1750 г., д. 1, л. 154 об.

⁷⁹ Там же. 1751 г., д. 4, л. 22.

⁸⁰ Пул — медная монета с квадратным отверстием посредине, употреблявшаяся в Восточном Туркестане и Средней Азии, нашивалась в связки. Правильно: таньга — связка пулов в количестве от 50 монет и выше. АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1751 г., д. 4, л. 25 об.

тельные контингенты войск, радушно принимал и не возвращал Ламе-Доржи беглецов. По всем вопросам, касающимся ойрато-цинских отношений, занял жесткую и непримиримую позицию. Возвратившийся в 1751 г. из Северной Монголии толмач Василий Шарин со слов халхасов сообщал в Селенгинске, что «на контайшинскую границу к прежним войскам из мунгалцов для предосторожности по указу ханскому прибавлено конницы три тысячи человек». В следующем 1752 г. численность цинских войск на джунгарской границе была вновь увеличена. У крепости, называемой Хараусуйской, стояла конница в девять тысяч человек, в Уласутае — пять тысяч, триста пушек со всем снарядами, при урочище Хангае конница в три тысячи пятьсот человек, при урочище Эрдэни-Дзо — тысяча пятьсот человек. По указу императора Хун Ли в приграничных районах Джунгарии велась тщательная разведка⁸¹. В Северной и Южной Монголии производилась интенсивная проверка боеготовности монгольских войск.

В 1751 г. Лама-Доржи направил в Пекин посольство с просьбой разрешить ойратам торговлю в приграничных китайских городах и пропускать ойратских богомольцев в Тибет на поклонение к Далай-Ламе. На обе просьбы цинский двор ответил решительным отказом⁸².

Между тем внутривосточное положение в Джунгарии все более осложнялось. Группа феодалов попыталась использовать в борьбе против Ламы-Доржи его малолетнего брата Цэван-Дашу (Мокуша), но потерпела неудачу. Вслед за этим в урге стало известно о враждебных замыслах чоросского нойона, хойтского князя Амурсаны, также приходившегося по матери родственником Галдан-Цэрена⁸³. Вскоре между Давац

⁸¹ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1752 г., д. 6, л. 3—3 об.; 1750 г., д. 1, л. 168—168 об.

⁸² Там же. 1752 г., д. 6, л. 3.

⁸³ Давац был сыном нойона Намджила и внуком двоюродного брата хунтайджи Цэван-Рабдана известного джунгарского военачальника Цэрен-Дондоба Старшего. Родился в 1732 г. Амурсана был ровесником Даваца. В русских документах Амурсана впервые упоминается в сентябре 1746 г. под именем Амурсана-Хошучин. См.: АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 122/1. 1746 г., д. 1, л. 70 об.; д. 2, л. 24 об.; 1757 г., д. 6, л. 39; ГАОРО, ф. Оренбургская губернская канцелярия, оп. 1. 1752 г., д. 30, л. 85 об.—87; ЦГАДА, ф. Сенат, оп. 113, д. 1219, л. 75 об.—90.

и его сторонниками, с одной стороны, и Ламой-Доржи, с другой, началась открытая борьба. «Ханский престол,— писал в связи с этим известный русский китаевед С. Липовцов,— сделавшись единожды приобретением дерзости и злодеяния, лишился должного уважения и служил глазам властолюбцев лестным предметом усиленных домогательств»⁸⁴.

По свидетельству русских людей, находившихся в Джунгарии, борьба между Давац и Ламой-Доржи возникла на почве «незаконности» занятия Ламой-Доржи ханского престола, как рожденного от простой, незнатного рода женщины. «Дебача-ноен как нанешнего владельца Ламу-Доржу удостоили с товарищи не знали,— сообщали возвратившиеся из Джунгарии капитанармус А. Черемисин и житель г. Тары Г. Зенков,— и по той злобе в ургу по многим призывам не ездил с тем выговором, что он сам ево честная и природной по контайша наследник, а он незаконно рожденной, но прижит от посторонней, а которая были законные наследники, тех погубили и лутче б по крови ему быть владельцем, а нежели оному»⁸⁵.

Непосредственным поводом для открытого конфликта послужило разорение и ссылка по приказу Ламы-Доржи правителя дербетов нойона Даши-Давы, приходившегося Давац дядей, а Амурсане тестем. Имеющиеся в нашем распоряжении факты не подтверждают убийства Ламой-Доржи своего младшего брата Цэван-Даши в связи с делом Даши-Давы. До ноября 1750 г. Цэван-Даши жил при ставке хана. В сентябре 1751 г. Давац, вновь отказавшись явиться в ургу, прислал хану с одним из своих зайсанов письмо, в котором просил, чтобы Лама-Доржи своего восьмилетнего брата отпустил к нему или бы «ему Мокуше отдал владение». Отправив обратно представителя Давац с категорическим отказом, хан 5 октября того же года приказал «вышепомянутого наследника Макушу, выколовши глаза, сослать в сылку в Аксу». Когда весть об этом достигла ставки Давац и кочевьев Амурсаны, они

---

⁸⁴ Липовцов С. Обзорение Зюнгари // Сибирский вестник. Спб., 1821. Ч. 14. С. 49.

⁸⁵ ГАОРО, ф. Оренбургская губернская канцелярия, оп. 1. 1752 г., д. 30, л. 81.

расценили этот шаг как откровенно враждебный, и собрав своих людей, двинулись на север⁸⁶.

У Амурсаны были свои причины испытывать неприязненные чувства к Ламе-Доржи. В 1750 г., рассказывал находившийся в это время в Джунгарии толмач С. Томский, ранее кочевавшие вместе братья Амурсана и Чавдар начали между собой тяжбу из-за улусных людей. Лама-Доржи, когда нойоны обратились к нему, принял сторону Чавдара. Дружба и союз Даваца и Амурсаны подтверждаются многими источниками, хотя «сей последний ко владению зенгорского народа права не имел, будучи из фамилии называемой хойт, но потому, что с Дебачею кочевал всегда вместе...»⁸⁷.

Во внутривосточной жизни Казахстана на рубеже 50-х гг. произошли некоторые события, в определенной степени повлиявшие на взаимоотношения с Джунгарией. Весной 1750 г. при весьма загадочных обстоятельствах скончался султан Барак. Наиболее достоверные сведения о причинах и обстоятельствах гибели этого султана доставил в Оренбург 2 мая 1750 г. переводчик Мансур Делной. Он сообщил, что Барак со своей семьей был в гостях у ходжи г. Карнака и вскоре после приезда «все на одних днях и в краткое время умерли». Как сам Барак перед смертью, так и все жители города, по словам переводчика, «той их смерти причиною признают тутощняго ходжу..., что он их окормил зелием... по приказу зенгорского владельца». Высказывались предположения, что Цэван-Доржи пошел на этот шаг по просьбе хана Нуралы⁸⁸.

Казахи стали называть покойного Абулхаира «богоугодником». Русская администрация пыталась извлечь из этого выгоду. Находившийся тогда в Младшем жузе посланец И. И. Неплюева переводчик Я. Гуляев использовал факт гибели Барака для расстройства свадьбы дочери Абулхаира с ойратским ханом. «Родитель ваш Абулхаир-хан,— уверял он Нуралы,— знатно был под-

---

⁸⁶ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1751 г., д. 1, л. 8 об.; д. 4, л. 180 об.; 1752 г., д. 1, л. 43.

⁸⁷ Там же. 1752—1753 гг., д. 5, л. 11; 1749 г., д. 1, л. 8 об., 37 об.; ГАОРО, ф. Оренбургская губернская канцелярия, оп. 1. 1757 г., д. 46, л. 205 об.—206.

⁸⁸ ГАОРО, ф. Оренбургская губернская канцелярия, оп. 1. 1748 г., д. 18, л. 114—114 об.

линно угодник и не желает, чтобы вы дочь ево, вашу сестру за идолопоклонника отдали»⁸⁹.

В первое время после воцарения на джунгарском престоле Ламы-Доржи существенных изменений в казахско-ойратских отношениях не произошло. Хану Нуралы, его братьям и старшине новый хан направил послание с предложением поддерживать политические и торговые связи, ибо «чрез то со обеих сторон народное благополучие и обходительство происходить могло». В ставке Ламы-Доржи, как сообщали русские люди, «кайсаков имеется доволное число», большинство из них приезжали выкупать своих пленных⁹⁰.

По мере ослабления Джунгарского ханства утрачивалось его влияние на положение дел в Казахстане и Средней Азии. Фактически не было контроля над Ташкентом. Ставленник джунгарских правителей ташкентский наместник Парван-бек был осажден казахами Старшего жуза. В результате неожиданной и смелой вылазки осажденных нападавшие казахи были выбиты из города. Решающую роль в этом сыграла поддержка жителей, ибо кратковременный период правления городом Хазкельды-батыра и его дружины ознаменовался тяжелыми поборами и вымогательствами. «Казаки с ташкентцов,— рассказывал русский купец С. Малков,— брали на месяц по тридцати тысяч денег медных и значительную сумму серебра»⁹¹. Посол Ламы-Доржи, требовавший от казахских феодалов прекратить осаду Ташкента, вынужден был возвратиться ни с чем.

В 1750 г. умер правитель Коканда Абд ал-Карим-бий. На престол был посажен его младший сын Абд ар-Рахман-хан. Через девять месяцев его отправили хакимом в Маргелан и кокандским правителем стал сын Абд ар-Рахим-бека Ирдана-бий⁹². Его брат Баба-бек, опасаясь преследований, бежал в Джунгарию и обратился к хунтайджи за помощью, «чтоб... меньшого брата ссадить и самому завладеть всей Бухарией и за то обещался в подданство». Некоторое время спустя, 21 сентября 1750 г. в Джунгарию из Коканда прибыло

---

⁸⁹ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1750 г., д. 3, л. 90.

⁹⁰ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1751 г., д. 4, л. 20:

⁹¹ Там же, л. 39.

⁹² Бейсембиев Т. К. «Тарих- и Шахрухи» как исторический источник. Алма-Ата, 1987. С. 93.

посольство с извещением о смерти Абд ал-Карим-бия и с предложением нового правителя Ирданы-бия Ламе-Доржи «жить в согласии»⁹³. Осенью 1750 г. Лама-Доржи решил направить военный отряд в Ташкент «для утверждения бека своего из урги в Ташкенте быть судьей» под командованием Саин-Белека, а также «для уговору ташкентцев» зайсана Намджил-Чирика. С помощью ойратов Баба-бек стал правителем Коканда, но правил он недолго. Во время похода на Ура-Тюбе в 1753 г. он погиб и трон снова перешел к Ирдана-бию⁹⁴.

Такого рода поведение местной знати не способствовало объединению сил в борьбе с многолетним господством завоевателей, позволяло как джунгарским правителям, так и казахским владетелям выкачивать экономические средства из населения города и округа, держать их под своим контролем.

Осенью 1751 г. в Джунгарии произошло решающее сражение Давац и его союзников с войсками Ламы-Доржи. Находившийся в это время в джунгарском плену русский казак Лалетин сообщал впоследствии сибирским властям, что Давац, преследуемый по пятам войсками, попытался уйти в пределы Цинской империи. «Точию туда посыланною от зенгорскаго владелца партиєю в семи тысячах человек оной Дебача с командою недопущен и близ реки Оби оная посланною командою в тесном труднопроходимом месте в бой вступили и из оных тою командою несколько прибиты, а другие перейманы, а он, ноен Дебачи, остался толко во одиннадцати человеках»⁹⁵.

Свидетелями конфликта между Давац и Амурсаной, с одной стороны, и Ламой-Доржи, с другой, оставившими подробное описание нескольких сражений между ними, были каптенармус А. Черемисинов и тарской житель Г. Зенков, отправленные в 1751 г. сибирским губернатором с листом к джунгарскому хану. Они не были пропущены Давац к хану и стали невольными свидетелями разыгравшихся в северной части Джунгарии событий. Прежде чем двинуться в пределы

⁹³ АВГПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1751 г., д. 4, л. 31 об.— 32.

⁹⁴ *Валидов А. З.* Некоторые данные по истории Ферганы XVIII столетия // Протоколы ТКЛА. Ташкент, 1916. Вып. 2. Год 20. С. 82.

⁹⁵ ГАОО, ф. Военно-походная канцелярия, оп. 1, д. 29, л. 175.

Цинской империи, Даваци и Амурсана разграбили торговый караван, отправленный Ламой-Доржи в Россию. После чего «...собравши по командам своим войска, а имянно: у ноена Дебачи тринадцать тысяч дымов, у Амурсаны тысяча, у царевича (Банджура.— В. М.) пятьсот дымов... пошли ко озеру Нор-Зайсану». На Иртыше их догнал с четырехтысячным отрядом брат Амурсаны Чавдар, однако в коротком сражении он потерпел поражение и обратился в бегство. На другой день Даваци и Амурсана были настигнуты вновь. В сражении, продолжавшемся больше суток, победу одержал Чавдар. Бросив разгромленные войска, семьи, имущество и скот, Даваци и Амурсана со свитой в 100 человек бежали к урянхайцам. «И приехавши в урянхайцы,— рассказывали бывшие в этом побеге вместе с нойонами А. Черемисинов и Г. Зенков,— воровским набегом украли тритцать лошадей... ушли за реку Иртыш в киргискайсаки»⁹⁶.

После бегства мятежных нойонов в Казахстан, подвластное им население, сообщал А. Черемисинов, добравшийся с большим трудом до урги, «все разделены по протчим улусам к надежным ноенам и зайсангам по числу людей, при которых никакого ружья, ниже скота не имеется, а бывших при них советников к бунту и измене забравши в ургу тирански мучили: в землю закапывали и на руки и на шею накладывали великие колоды и иным, чтоб свету не видеть, чрез головы глаза и рот кожами зашивали и всылки многих разсылали в Аксу город и протчие места»⁹⁷.

Казахские владетели были неплохо осведомлены о положении в Джунгарском ханстве. Приехавшему в Младший жуз казаку М. Арапову сообщали, что в Джунгарии «происходит немалое междоусобие и неспокойство, отчего де оно уже и разделилось все на три партии, а именно: первые откочевали к Китаю, вторые к сибирской стороне к реке Иртышу и на своем месте кочует толко третья, при которой тот новой владелец»⁹⁸.

Амурсана, Даваци, Банчжур и небольшая группа

⁹⁶ ГАОРО, ф. Оренбургская губернская канцелярия, оп. 1. 1752 г., д. 30, л. 79, 80.

⁹⁷ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1752 г., д. 1, л. 49; д. 4, л. 8 об.

⁹⁸ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1752 г., д. 3.

сопровождаявших их воинов нашли политическое убежище во владениях султана Среднего жуза Аблая, у старшины Каипа. Местное население отнеслось к ним весьма радушно, помогало на первых порах продовольствием и одеждой. Раскрывая причины этого гостеприимства, эмиссар оренбургской администрации в Среднем жузе М. Арапов отмечал, что казахи «почитая то их ноенов к ним прибежище за авантаж, прочат их со всеми... калмыками на всегдашнее пребывание у себя к размножению и усилству своего народа...»⁹⁹.

В начальный период межфеодальной борьбы в Джунгарии казахские владельцы, внимательно наблюдая за происходящими событиями, не вмешивались в них. Однако бегство в пределы Среднего жуза трех ойратских князей резко изменило не только политическую ситуацию в Джунгарии, но и направление политики влиятельных казахских феодалов по отношению к Ламе-Доржи. Характеризуя позицию казахских владельцев в отношении разгоравшихся в Джунгарии междоусобиц, А. И. Левшин свидетельствовал, что «лишь только открылись между зюнгарами распри, казаки тотчас приняли в оных самое деятельное участие. Предложив всем изгнанным князьям зюнгарским и зайсангам убежище у себя, они соединялись с ними для отмщения их обид, нападали на их неприятелей и не упускали ни одного случая под видом пособия несчастным, обезсиливать набегами древних врагов своих»¹⁰⁰.

Вначале Лама-Доржи попытался уговорить Даваца и его спутников добровольно возвратиться в Джунгарию. Посланный с отрядом к известному батыру Малайсары зайсан Бикей-бек имел задание нойонов «с приласкательным приветом взять и привести в ургу». Со своей стороны Малайсары пытался воздействовать на Каипа-батыра, но оба потерпели неудачу¹⁰¹. Вопрос о выдаче ойратских князей в Джунгарию стал главным во взаимоотношениях урги с владельцами Среднего

⁹⁹ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1, 1752—1753 гг., д. 5, л. 2 об., 13 об., 42 об.

¹⁰⁰ Левшин А. И. Описание... Спб., 1832. Ч. 2. С. 82—83.

¹⁰¹ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1752—1753 гг., д. 5, л. 9—9 об. Подробно см.: Моисеев В. А. К истории казахско-ойратских взаимоотношений в начале 50-х гг. XVIII в. // Известия АН КазССР. СОН. 1987. № 4. С. 47—52.

жуза. В связи с этим был созван съезд, на котором присутствовали представители Младшего и Среднего казахских жузов. Важную роль в решении этого вопроса сыграл султан Аблай. Он отправил к Ламе-Доржи своих представителей и в ответ на требования джунгарского хана возвратить беглецов заявил, что Даваци в Средний жуз «прибежал не по их (казахов.— В. М.) призыву, но сам собою и в том бы они, зенгорцы, на него Аблая и прочих киргисцов сомнения не имели, ибо де они им противности зделать и с ними за него Лобачу несогласия иметь не желают». Даваци с Амурсаной, зная о начавшихся переговорах, разрабатывали план бегства к волжским калмыкам, понимая, что выдача их в руки Ламы-Доржи означает для них смерть¹⁰².

Не желая ссориться с владельцами Среднего жуза, Лама-Доржи направил в ставку Аблая новое посольство. Тобольский дворянин А. Плотников в августе 1752 г. сообщил из Джунгарии коменданту Ямышевской крепости полковнику Г. Ф. Сухотину, что «зенгорский владелец в казаки дважды послов посылал, дабы помянутых ноенов казаки отдали без ссоры добровольно, напротив того и от казаков послы присыланы были...». Казахские послы заявили Ламе-Доржи, что по казахским обычаям «не токмо де их ноенов, но хотя их слуги или б собаки пришли и тех... противно их обыкновенно отдать»¹⁰³.

Убедившись в решительном намерении казахских феодалов не выдавать их Ламе-Доржи, Даваци и его союзники направили к джунгарскому хану своих представителей и потребовали от него возврата отнятого у них имущества, улусных людей и скота. Более того, Даваци приказал своим сторонникам повсюду разглашать, что только он является «природным Зенгорской землицы владельцем». Столь вызывающее поведение мятежных нойонов имело следствием ряд новых казней их людей в урге, бегство их подвластных в казахские кочевья.

По Джунгарии поползли упорные слухи, что не только казахи, но и Цинская империя, и даже Россия готовы поддержать нового претендента. «И так подлые

¹⁰² АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1752 г., д. 6, л. 13, 40.

¹⁰³ ЦГАДА, ф. Сенат, оп. 113, д. 1607, л. 579; АВПР, ф. Сибирские дела, оп. 130/2. 1746—1754 гг., д. 1, л. 80—80 об.

зенгорские люди,—сообщал тот же А. Плотников,—ноена Дебачу по наследии Зенгорской землицы природным владельцем быть признаают, а нынешнего владельца за природного не признавают»¹⁰⁴. Показания других лиц, в том числе самих ойратов, подтверждают сообщение А. Плотникова о том, что против Ламы-Доржи, как это ни парадоксально, выступали прежде всего рядовые общинники.

Лама-Доржи, понимая, что подобные действия угрожают не только его пребыванию на ханском престоле, но и опасны для жизни, направил в ставку Аблая третье посольство и одновременно, чтобы отвлечь внимание от Даваци, приблизил к себе его родного брата Еманхули¹⁰⁵. Подвластные, добравшиеся до своего нойона Даваци, сообщили ему, что Лама-Доржи его брата «не толко к себе приласкал, но и во всем нарочно вместо Лобачи, в народе своем возстановил и те улусы, которыми он Лобача владел, во владение ему отдал». Несмотря на принимаемые меры, в Джунгарии росло и ширилось недовольство новым правителем, в том числе и среди феодалов. Возвратившийся из Среднего жуза в июне 1752 г. башкирский старшина И. Тайтагулов со спутниками сообщали в Троицкой крепости, что из Джунгарии Даваци доставлено послание тридцати ойратских феодалов, в котором они уверяют нойона, что под владением нынешнего зенгорского владельца быть не желают, так как «он не настоящий, а желают де быть у него Лобачи, и ежели де он, Лобачи, в киргис-кайсаках владельцем будет, то б прислал к ним для выручки их от зюнгорцов до тысячи человек киргисцов, чего де они чрез три месяца и ожидать будут». К тому времени под командой Даваци и Амурсаны собралось уже более 150 человек¹⁰⁶.

Безусловно, речь не могла идти об избрании Даваци ханом Среднего жуза. Расчет казахских, да и отчасти ряда ойратских феодалов, состоял в том, что казахские владельцы позволят джунгарскому нойону собрать вокруг себя ойратов, возможно, даже стать во главе какого-либо казахского улуса.

Первоначально план Даваци и его союзников, как

¹⁰⁴ ЦГАДА, ф. Сенат, д. 1607, л. 580.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1752—1753 гг., д. 5, л. 12 об.—13, 42 об., 43 об.

уже отмечалось, состоял в том, чтобы через казахские кочевья уйти к волжским калмыкам. Однако покровительственная политика владельцев Среднего жуза, и прежде всего Аблая, рост недовольства в Джунгарии правлением Ламы-Доржи, бегство к ним некоторых из их бывших подвластных изменили их планы. Даваца все настойчивее начал убеждать казахских султанов и старшин дать ему отряд воинов для вторжения в Джунгарию. Посланный Оренбургской администрацией в Средний жуз к султану Аблаю переводчик Матвей Арапов сообщал, что Даваца «у них, Аблай-салтана и у протчих... домогается того, чтоб они в выручке тех оставших в Зенгорском владении ево калмык учинили ему помощь своим войском... толко для безопасности им, калмыкам, и для приему и вызову их оттоль к Зенгорскому владению приблизится мог»¹⁰⁷.

Аблай склонялся к мысли поддержать Даваца, однако ждал решения собрания. В Среднем жузе, сообщал помощник оренбургского губернатора А. И. Тевкелев в Петербург, «чинится великое собрание». Несмотря на уверения хана Младшего жуза Нуралы в том, что собрание созывается якобы для того, чтобы решить внутренние казахские вопросы, А. И. Тевкелев совершенно справедливо полагал, что «Совет по зенгорским, а не по их киргиским обстоятельствам сочиняется», и направил в Средний жуз М. Арапова для сбора сведений.

Мнения знати по вопросу о том, выдавать или не выдавать беглецов в Джунгарию, разделились. Хан Среднего жуза Абулмамбет, ряд старшин, в том числе Малайгары, опасаясь новой разорительной войны с Джунгарией, настаивали на выдаче нойонов Ламе-Доржи. Раскрывая подлинные мотивы поведения на съезде хана Абулмамбета, Аблай в одной из бесед с М. Араповым заявил, что последний делал это для того, «чтоб чрез то зенгорскому владельцу собственно от себя для своей выгоды услугу оказать». Большая часть участников Совета, а их было около 70 человек, поддержала султана Аблая. Среди них были такие известные лица, как батыр Букенбай, батыр Джапак, султан Ералы и др. Они склонились к тому, что ни в коем случае не следует Даваца, Амурсану и Банчжуре выдавать джунгарскому

¹⁰⁷ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1752—1753 гг., д. 5, л. 43.

хану. Определенную роль при этом, может быть, сыграло отношение Аблая к Даваци и Амурсане, с которыми он подружился, находясь в джунгарском плену¹⁰⁸. Однако главным было стремление наиболее дальновидной части казахских владетелей попытаться возвести на ойратский престол своего ставленника.

В своих выступлениях Аблай подчеркивал, что поскольку Даваци «знатнейший нойон, то со временем больше, нежели нынешней владелец в ползу их кайсака, быть может, а ежели де их отдать, а тамо оной Лобача жив останется и по наследству своему со временем по-прежнему усилится и над всем народом владельцом зделается, тогда за сие и наипаче... отмщения опасно от него, нежели ныне за неотдачу его от зенгорцов»¹⁰⁹. «Умный и предприимчивый султан Аблай,— подчеркивал А. И. Левшин,— не упустил воспользоваться ссорами владельцев и всячески содействовал продолжению их междоусобий, понимая совершенно, сколь необходимо для его собственного спокойствия, и для внешней безопасности всех орд казахских, раздробление и обезсиление древних врагов их»¹¹⁰.

Позицию Аблая поддержал фактический глава Старшего жуза Толе-бий. В 1752 г. Толе-бий был приглашен в ставку Ламы-Доржи. Несмотря на опасность, так как было известно, что вызов последовал «по некоторыми от зенгорцов наговорам», он поехал в ургу. Вопреки его опасениям хан принял его «с особливой ласковостию». После возвращения из Джунгарии он прислал Аблаю письмо, в котором сообщал, что положение в Джунгарском ханстве очень сложное, свирепствуют болезни и голод, растет недовольство народа, князья бегут из Джунгарии. Толе-бий, зная о спорах на совете по этому вопросу, просил Аблая и других владетелей не выдавать Даваци в Джунгарию, так как «помянутой Лобача знатной и ко всему Зенгорскому владению ближайший нойн, то де из [за] него в том владении между самими ими немалое смятение и междоусобие происходит... из неотдачи их им, киргис-кайсакам, опасности нет». Даут-тархан и Букенбай также

¹⁰⁸ АВПр, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1752—1753 гг., д. 5, л. 13 об.—14 об., 41 об., 71.

¹⁰⁹ Там же, л. 41 об.

¹¹⁰ Левшин А. И. Описание... Спб., 1832. Ч. 3. С. 210.

просили Аблая беглецов не отдавать Ламе-Доржи на расправу, «признавая в прибытии их в орду их по обычаю их счастье», и обещали в случае войны с Джунгарией прислать войска¹¹¹.

Ойратские послы, угрожавшие казахам, возвратились без результата. Сразу же после совета Аблай направил к Ламе-Доржи послов с объявлением, что нойоны не будут выданы. Это привело к войне. 9 сентября 1752 г. джунгарские войска численностью 15—20 тыс. человек под командованием Саин-Белека, Шакдора, Батура-Убаши и др. вторглись в кочевья Среднего жуза.

Русское правительство и оренбургская администрация, получив известие о бегстве в Средний жуз Даваца и Амурсаны, решили самым энергичным образом вмешаться в ход событий и добиться приезда нойонов в Россию. В Архиве внешней политики России при МИД СССР хранится специальное дело¹¹², основываясь на документах которого, а также используя материалы других архивов, попытаемся восстановить в общих чертах картину событий, связанных с попытками России не допустить избрания Даваца и Амурсаны в правители и пригласить их в подданство российской империи.

31 августа 1752 г. Коллегия иностранных дел направила Оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву указ: «Интерес ея и. в. требует оного зенгорского нойона Дабачи, яко настоящего к владению всего зенгорского народа претендента, а с ним и другаго нойона Амурсаня... впредь для будущих случаев... вам тайному советнику и губернатору крайнее старание возыметь оных зенгорских нойонов или владельцев удобовозможным образом к себе приласкать и в Оренбург призвать». Его помощнику А. И. Тевкелеву предписывалось немедленно отправить к султану Аблаю «искусного, надежного и в киргис-касацком народе бывалого офицера» с целью во что бы то ни стало убедить казахского

¹¹¹ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1752—1753 гг., д. 5, л. 40—42.

¹¹² «Дело об отыскании в Киргис-кайсацкой орде и о вызове оттуда в Россию выбежавших из зюнгорского народа двух нойонов: 1. Добачи, Байнджура и 2. Амурсаня». См.: АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1752—1753 гг., д. 5, л. 21 об—22 об.

владельца отправить джунгарских нойонов в ближайшую русскую крепость».

В это время оренбургский губернатор И. И. Неплюев находился в Петербурге. Сенат указом от 3 сентября 1752 г. обязал его немедленно возвратиться к месту службы. По разным обстоятельствам отъезд его из столицы затягивался и он возвратился в Оренбург лишь в июне 1753 г., поэтому он наставлял своих помощников из Петербурга: «Ныне в том все состоит, чтоб помянутых ...ноенов прежде наступающего зимнего времени вызвать к нам». В связи с этим приказал направить в ставку Аблая капитана Андрея Яковлева «яко в орде бывалого и язык знающего», придав ему в помощь переводчика ойратского языка и для охраны казаков и башкир.

Особое опасение царского правительства вызывало то обстоятельство, что среди части казахов Среднего жуза имели место настроения избрать Даваци и Амурсану владельцами. Коллегия иностранных дел предостерегала оренбургские власти, что этого нельзя допустить, так как Даваци один из претендентов на ханский трон в Джунгарии, и если «случится ему впредь в том народе быть владельцем, то в таком случае и киргис-касака нетрудно будет уже ему преклонить в свою сторону»¹¹³.

А. И. Тевкелев и П. И. Рычков направили к султану Аблаю капитана А. Яковлева с заданием добиться от казахского владельца выдачи нойонов царским властям. Формальным предлогом для поездки послужило приглашение казахов для торговли на вновь открытый рынок в Троицке и просьба беспрепятственно пропускать в Сибирь торговые караваны из Средней Азии.

Аблай приветливо принял русского представителя и в ходе переговоров сообщил А. Яковлеву, что осенью 1751 г. в их кочевьях нашли убежище Даваци и родные братья Амурсана и Банчжур с 17 спутниками, вокруг них стали собираться другие ойратские беглецы и их число к концу лета 1752 г. увеличилось до 200 человек. После того как совет Среднего жуза принял решение не выдавать нойонов в Джунгарию, Лама-Доржи двинул в Казахстан войска. Аблай сообщил также, что Даваци и

---

¹¹³ ГАОРО, ф. Оренбургская губернская канцелярия, оп. 1. 1752 г., д. 30, л. 69, 74—74 об.

Амурсану с братом он, «придав им от себя войска киргизского (казахского.— В. М.)», послал навстречу джунгарской армии, «и ныне де они стоят против тех калмык и воюютца и слышно де мне, что уже взятых киргизцов многих, также и их скота отбили и калмык из войска зенгорского побили немало». Вслед за этим против ойратов выступило все ополчение Среднего жуза, Аблай же задержался, чтобы дожидаться А. Яковлева. В ходе последующих, уже сугубо конфиденциальных переговоров капитан А. Яковлев сообщил Аблаю о подлинной цели своего приезда и попытался отговорить его от личного участия в военных действиях.

В ходе переговоров Аблай проявил завидный такт и дипломатическую уклончивость. В своем рапорте А. И. Тевкелеву А. Яковлев писал: «Оное представление салтан все одобрял, а затем сказал, что де их теперь сыскать где они никак невозможно и никто де их кроме меня не сыщет и мне ж де самому тамо не быть и народ свой без защищения оставить никак не можно... Меня же желал возратить обратно, обещая мне дать добрых провожатых и писать от себя обещаясь». Аблай не исключал такой возможности, что он сам с этими нойонами приедет в Оренбург.

Капитан Яковлев, выполняя инструкцию А. И. Тевкелева, настаивал на личном свидании с Давац и Амурсаной. Уступая настойчивым просьбам русского представителя, Аблай взял его с собой в поход¹¹⁴. Характеризуя позицию Аблая, фактически отказавшегося отправлять нойонов в Россию, известный биограф И. И. Неплюева В. Н. Витевский совершенно справедливо отмечал, что «боясь потерять всякое влияние на дела в Чжунгарии и считая посредничество русских опасным для независимости Средней орды, Аблай-салтан с явным неудовольствием отнесся к предложению Яковлева»¹¹⁵. Сведения, сообщенные А. Яковлевым, ставшим очевидцем разыгравшихся сражений, вносят ясность в малоизученные вопросы истории казахско-джунгарских отношений в этот период.

В своем путевом журнале и донесениях в оренбургскую канцелярию он отмечал, что ойратское вторжение в приграничные с Джунгарией кочевья Среднего жуза

¹¹⁴ ГАОО, ф. Военно-походная канцелярия, оп. 1, д. 29, л. 713 об.—714.

¹¹⁵ Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край. С. 748.

вызвало панику в казахских улусах и значительная часть их откочевала под защиту русских укреплений, «иные же кочуют к Орским вершинам, к Мугоилджару и Каракуму и от того их кочевья скот весьма худ, да и кибиток очень мало ставят, степи же во многих местах от опасности выжжены киргисцами и ныне очень тесно кочуют». Основной удар был нанесен ойратами по Увак-Кирейскому роду, старшина которого Каип укрывал беглецов. Этот род, отмечал А. Яковлев, «весь разорен, скота многое число взято, также и людей в полон захвачено немало ж. Потом было нападение ж на Ак-Найманской род и во оном деревень до десяти разорено ж»¹¹⁶.

Вторжение джунгарских войск и разорение ими ряда приграничных казахских кочевий привели к тому, что резко изменилось отношение рядового казахского населения к ойратским князьям, и среди феодалов Среднего жуза появились разногласия. В свое время Аблау удалось убедить своих соплеменников не выдавать Даваци и Амурсану в Джунгарию тем, что скоро к нойонам из Джунгарии придут войска. Однако этого не произошло. Казахские воины в присутствии А. Яковлева выговаривали Аблау, что обещанных джунгарских войск «ничего не находится, а за них (беглецов.— В. М.) киргисцам разорение причинилось немало и тако за стыдом и опасностью в киргисские улусы быть им нечают»¹¹⁷. Многие султаны и старшины предлагали схватить Даваци и Амурсану с Банчжуром и выдать ойратским войскам. Последние, зная об этих настроениях, держались от казахских ополчений подальше¹¹⁸.

Постепенно ход войны изменился в пользу казахов. Аблай, собрав дополнительные силы, нанес ойратским войскам ряд серьезных поражений. Тобольский дворянин А. Плотников сообщал командующему на Сибирских линиях бригадиру Крофту, что 29 октября 1752 г. «прибежал из войска служащей при урге ево (Ламы-Доржи.— В. М.) зайсанг Цебей и по прибытии его

¹¹⁶ ГАОО, ф. Военно-походная канцелярия, оп. 1, д. 29, л. 715—715 об.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ АВПР, ф. Сибирские дела, оп. 130/2. 1746—1754 гг., д. 1, л. 80 об.—81.

разглашенность, яacob по набегу киргисцов поймано четыре человека старшин с малыми людьми и отгнано до двух тысяч лошадей, токмо ис пойманных старшин и полученного в добычу скота к владельцу в ургу в высылке не оказалось... А после от подлых людей слышно было, яacob в добычу того ничего не получено, но сами де едва на присталых лошадях вышли... и потом ноября 4 дня прибыл в ургу ноен Заин-Белек из войска и слышно было яacob привез ко владельцу два панцыря, три турки и киргиских два малчика и две девки маленьких»¹¹⁹. Аблай рассчитывал перенести сражения на джунгарскую территорию¹²⁰.

В декабре 1752 г. капитан А. Яковлев возвратился в Оренбург. О результатах его поездки А. И. Тевкелев 12 декабря того же года сообщал в Петербург в Коллегию иностранных дел, что хотя капитан «тех ноенов у Аблай-салтана не застал, однако же оной солтан и лутчия старшины обещали тех ноенов отыскать и сюда их всячески привлекать»¹²¹. Оптимизм помощника оренбургского губернатора, вероятно, основывался на том, что отношения как рядовых казахских общинников, так и феодалов к Давац, Амурсане и Банчжуру ухудшились. Между тем, действительно, многие из казахских старшин начали склоняться к мысли выдать беглецов в Джунгарию, предварительно обговорив с Ламой-Доржи определенные гарантии в том, что ойратские князья «з добрым намерением приняты и ево (Давац) улусы по-прежнему ему отдать и ево так, как владельца содержать, а не убить...»¹²². А. И. Тевкелев, опасаясь «не изведены ль те нойоны тайным образом киргис-касаками в отвращение от зенгорцов на них нападения», срочно направил в Средний жуз казака М. Арапова¹²³.

Несмотря на ряд военных неудач, Лама-Доржи отклонял все предложения Аблая о прекращении военных действий и мирных переговорах. Капитан А. Яков-

¹¹⁹ АВПР, ф. Сибирские дела, оп. 130/2. 1746—1754 гг., д. 1, л. 80 об.

¹²⁰ ГАОО, ф. Военно-походная канцелярия, оп. 1, д. 29, л. 713 об.

¹²¹ ГАОРО, ф. Оренбургская губернская канцелярия, оп. 1. 1752—1753 гг., д. 31, л. 51—51 об.

¹²² АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1752—1753 гг., д. 5, л. 72.

¹²³ ГАОРО, ф. Оренбургская губернская канцелярия, оп. 1. 1752—1753 г., д. 31, л. 51—51 об.

лев сообщал в Оренбурге, что Аблай отправил в Джунгарию очередное посольство во главе со знатным батыром из найманов Маджитом, другими батырами с просьбой, «чтобы де калмыцкое войско отступило и на киргисцов нападения не чинило, ибо де от киргисцов задачи к войне не было, кроме что владельцев приняли». Однако казахское посольство было захвачено в плен, «из них один убит, .. а двое в руках для показания киргисских кочевых мест содержатся»¹²⁴. Война стала принимать затяжной характер.

Интересы казахских владетелей Среднего и Младшего жузов столкнулись в это время с притязаниями ойратов в Средней Азии. Как джунгарские, так и казахские феодалы стремились к господству над кочевыми и оседлыми народами, проживающими в бассейне р. Сырдарьи, в том числе над каракалпаками.

В 1752 г. Лама-Доржи направил послов к «верхним» каракалпам и в Кураму. Жителей Курамы предписано было предупредить о неизбежном в будущем наказании за «своевольство», а каракалпаков уговорить переселиться в Джунгарию. Последние тяжело страдали от казахских нападений и, по сведениям казахов Старшего жуза, их оставалось лишь около 3 тыс. семей. Владетели каракалпаков сначала согласились на предложение хунтайджи, но когда для их препровождения прибыл ойратский отряд, передумали. В источниках по этому поводу отмечается, что каракалпаки «в разсуждении что сенгорцы особливаго закону и дабы де иногда оставя свой закон идолопоклонниками не быть принуждены не были, от них сенгорцов отложились». После этого каракалпаки обратились к казахским владетелям за помощью. В их земли в верховья р. Сырдарьи немедленно был отправлен отряд под командой батыра Кабанбая и сына султана Барака Ханбабы¹²⁵.

Бросив значительные силы в Казахстан, Среднюю Азию и выставив многочисленные караулы на границе с Цинской империей, Лама-Доржи оставил без надежного прикрытия свою ставку, чем и воспользовались его более удачливые противники. Зимой 1752—1753 гг. отряд ойратских воинов под командованием Даваци и Амурсаны совершил скрытный затяжной рейд и неожи-

¹²⁴ ГАОО, ф. Военно-походная канцелярия, оп. 1, д. 29, л. 715 об.

¹²⁵ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1752—1753 гг., д. 5, л. 46—46 об.

данно появился близ урги. 12 января 1753 г. они ворвались в ставку хана и убили Ламу-Доржи. Об этом сообщал находившийся в это время в Джунгарии казак В. Бурков¹²⁶. Ханом Джунгарии был провозглашен **Давац**.

Захватив власть, Давац отозвал войска из Казахстана и направил казахским владетелям Абулмамбету, Аблаю и другим послания с предложением жить в мире и дружбе¹²⁷. В казахско-ойратских отношениях начался новый этап, характеризующийся активным вмешательством казахских феодалов в междоусобную борьбу ойратских князей.

Свержение Ламы-Доржи и воцарение на джунгарском троне Давац в январе 1753 г. не избавило Джунгарию от дальнейших губительных межфеодалных усобиц. Одним из первых против Давац выступил сын известного нойона Сары-Манджи Намеху-Жиргал, один из потомков основателя Джунгарского ханства Батура-хунтайджи. Приезжавшие в крепости Сибири казахи сообщали местным царским властям, что Намеху-Жиргалу и его сторонникам «ни по единому образу Дабац покорится невозможно, для того что они ближайшия свойственники Галдан-Чирину, следственно и претенденты и ежели б он, Дебачи, мог их достать, то б конечно умертвил, но по исправности их людей уповают они Дебачу победить и владения лишить»¹²⁸. Собрав довольно большое войско (по некоторым данным до 9 тыс.), очередной претендент осадил ставку хана и вынудил Давац искать спасения в кочевьях его бывшего союзника Амурсаны.

К этому времени отношения между ними осложни-

---

¹²⁶ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1757 г., д. 2, л. 7 об. О времени и обстоятельствах этого похода Амурсаны и Давац из казахских кочевий в Джунгарию имеются значительные расхождения в источниках и литературе. См.: *Златкин И. Я.* Русские архивные материалы об Амурсане // *Филология и история монгольских народов.* М., 1958. С. 289—313; *Кузнецов В. С.* Джунгарское ханство в 1745—1755 гг. // *Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение. К 200-летию со дня рождения. Материалы конференции.* М., 1977. Ч. 2. Примеч. 9. С. 108—109. *Он же.* Амурсана. Новосибирск, 1980; *Гиревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии. С. 102—103.

¹²⁷ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1753 г., д. 2, л. 10—10 об.

¹²⁸ Там же. 1752—1753 гг., д. 5, л. 98 об.

лись. Амурсана, не довольствуясь назначением его правителем ойратов, кочующих на Алтае и Тарбагатае, начал требовать во владение половину ханства. Русский казак Ф. Бурков, находившийся в урге, сообщал, что после гибели Ламы-Доржи Давац и Амурсана в течение трех месяцев собирали принадлежавших им ранее людей, скот и имущество. После чего Амурсана «от владельца Дебачи стал требовать в свой повинок половину зенгорского народа и земли со всем иждивением, что он Дебача сделался владельцем по общему с ним, Амурсанам, старанию». Давац ответил категорическим отказом, заявив, что «нигде того, дабы в одной землице были два владельца, не водитца»¹²⁹.

Амурсана сам тайно подговаривал Намеху-Жиргала и Тогуз-Кашку выступить против хана Давац. Тем не менее, когда восстание началось и Давац обратился к нему за помощью, он решил вновь поддержать хана. Несмотря на численное превосходство сил Намеху-Жиргала и его сторонников, Амурсана и Давац разбили восставших князей благодаря хитрости Амурсаны. Он объявил Намеху-Жиргалу и другим восставшим, что якобы против Давац и уже имел с ним сражение, предъявив при этом шапку и знамя хана, убедил восставших в своем намерении помогать им, вечером устроил пир, а утром, окружив восставших, всех перебил. Произошло это на реке Целбек¹³⁰.

Калмыцкий зайсан Наугат и лама Габунг, отправленные в Сибирь ханом волжских калмыков Дондук-Даши для приема и препровождения ойратов и алтайцев, принявших русское подданство, на Волгу, рассказывали сибирскому губернатору В. А. Мятлеву, что после того, как Давац занял ханский престол, «ноены Некеку-Жиргал и Тогуз-Хашка с киргиским зайсангом Цой... с протчими малосилными ноенами и зайсангами совокупясь Дебачу из улусов выгнали... Некеку-Жиргал десять дней был ханом», но объединенными силами Давац и Амурсаны они были разгромлены¹³¹.

В этой борьбе с Намеху-Жиргалом влиятельные казахские феодалы, и прежде всего султан Аблай, по-

¹²⁹ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1751 г., д. 2, л. 8—8 об.

¹³⁰ Там же, л. 8—9 об.

¹³¹ Там же, д. 6, л. 36.

прежнему поддерживали Даваца и Амурсану. Так, старшина одной из найманских волостей Бердей 23 декабря 1753 г. сообщал прапорщику Веревкину, что «у них з зенгорцами имеется война у ноена Дебачи [с] Шираманжиным сыном Умеком, чтоб Дебаче не быть владельцем. И оные киргисцы споможение чинят вышереченному Дебачи и ходило их киргисцов, на ту помочь и многия калмыцкия улусы разбили... и Аблай-салтан на ту помощь пошел»¹³². По нашим данным, в общей сложности осенью 1753 г. в Джунгарии действовали казахские отряды численностью до 5 тыс. человек.

Основные удары в это время по просьбе Даваца казахские отряды наносили по дербетам, которые «не хотят быть под владением Дебачи, а желают иметь владельцем Унемкея Жиргала»¹³³. Ими был разгромлен оток Баргат, владельцем которого был активный сподвижник Ламы-Доржи нойон Сайн-Белек. Судя по некоторым косвенным доказательствам, между Аблаем и Даваца был заключен договор не только о военных действиях, но и о разделе добычи. Об этом свидетельствуют показания ойратов, взятых в плен казахами. Они сообщали находившемуся в казахских кочевьях прапорщику Веревкину, что все мужское население разоренных казахскими дружинами дербетских кочевий было отправлено к Даваца, а женщины и дети уведены в казахские улусы. Эти сведения подтвердил старшина Керейской волости Балчук, принимавший участие в походе. Совместные действия казахов с отрядами Даваца и Амурсаны продолжались зимой 1753—1754 гг.¹³⁴

Пользуясь сложной обстановкой, на территорию Джунгарского ханства начали вторгаться кокандцы, а также киргизы, пытаясь вернуть свои кочевья по северному берегу Иссык-Куля¹³⁵. Активное дипломатическое наступление на Джунгарию развернул основатель Мангытской династии в Бухаре Мухаммад-Рахим, поддерживавший контакты с ходжами Ташкента и

---

¹³² АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1.

¹³³ Златкин И. Я. Русские архивные материалы об Амурсане // Филология и история монгольских народов. М., 1958. С. 289—313.

¹³⁴ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1754 г., д. 2, л. 4 об.—5.

¹³⁵ ГАОРО, ф. Оренбургская губернская канцелярия, оп. 1. 1752—1753 гг., д. 31, л. 52 об.

Кашгара. Целью этих наступлений было стремление сторон «оградить от нашествия калмыков оседлые районы своих стран»¹³⁶.

Русская администрация Сибири и Оренбургского края после воцарения на престоле Даваца сосредоточила усилия на том, чтобы предотвратить сближение казахских владетелей с новым хунтайджи. Узнав о восстании Намеху-Жиргала, И. И. Неплюев и А. И. Тевкелев обратились к правительству Елизаветы Петровны с предложением отправить к нему эмиссара, чтобы уговорить прикочевать на р. Иртыш. «И тут его, ежели пойдет, со всеми улусы в протекцию нашу принять, дабы он с некоторым пристойным вспоможением мог Зенгорского владения достигнуть и брата своего (Сайн-Белека.— В. М.) спасти и к империи нашей желаемую границу... утвердить и тем серебрянные заводы в безопасность привести»¹³⁷.

Получив это представление и ознакомившись с ним, Коллегия иностранных дел высказалась против этого плана. Прежде всего она обратила внимание И. И. Неплюева и его помощников на то, что Даваца знает о попытках царского правительства вызволить его и будет проводить лояльную политику в отношении России. Намеху-Жиргал и его брат Сайн-Белек не являются прямыми потомками ойратских ханов из дома Чорос, следовательно, они имеют мало прав на ойратский престол. К тому же в Джунгарии живы еще прямые наследники Галдан-Цэрена, поэтому «мимо оных (наследников.— В. М.) по калмыцким обычаям никому до владения (т. е. ханской власти) достигнуть никоим образом невозможно, разве истребя до последнего того рода владельцев, которых предки поныне главными владельцами были». В связи с вышеизложенным Коллегия иностранных дел пришла к заключению, что вмешиваться в это дело до определенного времени не следует. Если Намеху-Жиргал сам доберется к русским границам, в таком случае «смотреть на то сквозь перстов», и если он будет просить отправить его к Волжским калмыкам, то соблюдая осторожность,

¹³⁶ Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI—XVIII вв. Письменные памятники. Ташкент, 1985. С. 117.

¹³⁷ ГАОРО, ф. Оренбургская губернская канцелярия, оп. 1. 1752—1753 гг., д. 31, л. 96.

небольшими партиями препровождать на Волгу, а там всех расселить по разным улусам¹³⁸.

К этому времени политическая ситуация в Джунгарском ханстве резко изменилась. Амурсана в ходе успешной борьбы с Намеху-Жиргалом увеличил численность своих подвластных (по некоторым данным до 7 тыс. семей) и решил бросить Даваца открытый вызов. Предварительно он отправил к султану Аблаю своего брата Банчжура и зайсана Барчуйха. Они от имени Амурсаны обратились к Аблаю с просьбой оказать помощь в низвержении Даваца, дать одну тысячу лошадей, десять тысяч баранов и сколько возможно верблюдов, обещая взамен «учинить плату чем бы (Аблай.— В. М.) не потребовал»¹³⁹. Аблай с помощью старшин предоставил Амурсане лошадей, 700 верблюдов, большое количество баранов и овец. Амурсана расплатился с ним бухарскими коврами, оружием, людьми. Источники не содержат прямых указаний на причину, побудившую Аблая и других казахских феодалов разорвать союзнические отношения с Даваца, поддержать Амурсану и вновь поставить Средний жуз на грань войны с Джунгарией. Нам представляется, что подобная тактика исходила от той группы казахских владетелей, которые стремились разжигать в Джунгарии постоянные распри, не давая усиливаться ни одному из ойратских ханов, добиваться от них все новых и новых уступок.

В областном архиве г. Оренбурга нам удалось найти материалы, содержащие новые сведения о причинах размолвки, а затем и борьбы между недавними друзьями и союзниками Амурсаной и Даваца. Двоюродный брат Амурсаны нойон Норбо-Данжин сообщал царскому правительству, что в начале правления Даваца Амурсана «находился при нем и по-прежнему были в дружбе, но как потом четверо зайсангов бывшие при Дебаче и имянуемые Китат, Цартан, Тайшима и Улан-Нидюн ложно донесли Дебаче, желая привести их в несогласие, якобы Амурсанань намерен его Дебачу убить. То Дебача, поверя сему ложному доносу, приказал Амурсананя поймать и заарестовать». Предупрежденный об аресте Амурсана бежал в свои кочевья¹⁴⁰.

¹³⁸ ГАОРО, ф. Оренбургская губернская канцелярия, оп. 1. 1752—1753 гг., д. 31, л. 96 об., 97—99.

¹³⁹ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1757 г., д. 2, л. 10.

¹⁴⁰ ГАОРО, ф. Оренбургская губернская канцелярия, оп. 1. 1757 г., д. 46, л. 206 об., 207.

Битей, жена старшего брата Амурсаны Иши-Данжина, подтвердила эти сведения¹⁴¹. Сам Амурсана в августе 1757 г. в Семипалатинске рассказывал местным русским властям, что когда между ним и Давацци началась «ссора и несогласие», не имея сил противостоять хану, он пошел к казахам «просить Аблай-салтана о защите, дабы был бы он, Амурсанань в Зенгорской землице узаконен наследником»¹⁴².

Первая попытка совместного выступления отрядов Амурсаны и Аблая против Давацци закончилась для них поражением. Ойрат Лазун Санчиков сообщал ездившему в Джунгарию вахмистру С. Мякину, что в апреле 1754 г. казахское войско численностью около 1700 человек неожиданно появилось в джунгарских кочевьях в районе р. Каратал и натолкнулось на стоявшую там в боевой готовности десятитысячную армию Давацци. В ожесточенном сражении казахи потерпели поражение и с большими потерями отступили, так и не дождавшись подхода Амурсаны¹⁴³.

Поддержка Аблаем Амурсаны побудила Давацци отправить в Средний жуз многочисленное посольство с требованием возвратить все захваченное в Джунгарии и прекратить вооруженные вторжения. «Отчего де ты, Аблай,— заявил от имени Давацци посол,— Зенгорской землицы владения моего людям учинил крайнее раззорение, понеже я с тобою напред сего всегда жил в братцкой дружбе и не надеялся я таких от тебя наглых обит и разбоев, что де совокупясь ты команды моей с Амурсанам и коликое число людей мужеска и женска полу, також лошадей и рогатую скотину и кибитки с пожитком завоевано, прошу без всяких ссор паки мне возвратить, а ежели де не отдашь, то я имею несколько своего войска к вам послать войною»¹⁴⁴. Аблай отправил послов Давацци обратно без всякого ответа.

По всей видимости, это поражение Аблая и Амурсаны весной 1754 г. сыграло весьма важную роль в дальнейшем развитии событий. В случае их успеха трон джунгарского хана мог бы занять Амурсана и ситуация,

---

¹⁴¹ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1757 г., д. 7, л. 3 об.; д. 9, л. 10 об.

¹⁴² Там же, д. 2, л. 249.

¹⁴³ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1754 г., д. 5. л. 35.

¹⁴⁴ Там же.

возможно, не имела бы столь трагический для Джунгарии характер. По предложению Амурсаны казахские дружины напали на джунгарские улусы в районе Калмык-Тологая, реки Хабарги-Базаре, Эмилю, Хамар-Дабане. Жители этих мест жаловались вахмистру С. Мякинину, что казахи «жен, детей наших в полон взяли, також лошадей и рогатую скотину и кибитки наши со всем пожитком оным киргисцам позволено от Амурсаная без остатку забрать»¹⁴⁵.

В июле—августе 1745 г., стремясь облегчить положение Амурсаны, преследуемого войсками Даваца, Аблай совершил новый поход в Джунгарию. 29 сентября 1754 г. сибирский губернатор В. А. Мятлев сообщал в Коллегию иностранных дел, что Аблай «с войском своим тысячах в четырех не в давном времени ходил для войны с зенгорцами и их де зюнгорцев тем державцом побито и в полон взято тысяч до трех»¹⁴⁶. Эти сведения подтвердили казахские купцы, приехавшие в ноябре того же года в Омскую крепость. Они сообщили, что Даваца вновь прислал к Аблаю послов и просит, «чтоб ту войну прекратить и взятых ими киргисцами в полон отдать и между ими иметь мир». Однако и эта попытка Даваца заключить мир с Аблаем оказалась неудачной¹⁴⁷.

Аблай готовился к новым вторжениям в Джунгарию, когда Амурсана, разбитый военачальниками Даваца с небольшим числом своих подвластных, бежал в пределы Цинской империи¹⁴⁸. Ездивший в Халху из Селенгинска русский курьер С. Фролов в конце 1754 г. сообщал, что «в августе месяце из Контайшинской землицы в Китайскую сторону перебежало мужеского и женского полу без скарбу и юрт с две тысячи с прибавкой при начальнике Амурсане, которой уже увезен в Пекин»¹⁴⁹. Аблай остался с Даваца один на один. Хунтайджи решил, не откладывая времени, нанести удар по Среднему жузу, тем более что там нашел

¹⁴⁵ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1754 г., д. 5, л. 34 об.

¹⁴⁶ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1754 г., д. 1, л. 46 об.—47.

¹⁴⁷ ЦГАДА, ф. 1-й департамент Сената, оп. 113. 1754 г., д. 1230, л. 43—43 об.; АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1754 г., д. 1, л. 47.

¹⁴⁸ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. С. 289.

¹⁴⁹ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1. 1755 г., д. 1, л. 11.

убежище один из выступавших против него князей — Эринчин. При этом Даваци пытался заручиться поддержкой царских властей. Общее командование ойратскими войсками, отправленными в Средний жуз, осуществлял зайсан Баир-Менко. Численность армии составляла 15 тыс. человек. Однако приближение зимы и обострение усобиц в самой Джунгарии побудили Даваци отложить поход.

Так на протяжении сравнительно небольшого отрезка времени казахско-джунгарские отношения претерпели значительные изменения: нормальные, почти дружественные отношения между Средним и Младшим казахскими жузами, с одной стороны, и Джунгарией, с другой, сменились крайне враждебными, что привело к очередной ожесточенной войне. Причины войны 1752 г. коренились в стремлении части казахских феодалов во главе с Аблаем и Толе-бием возвести на джунгарский престол своих ставленников сначала в лице Даваци, а затем Амурсаны, воспользоваться усобицами и ослабить своего давнего неприятеля, возвратить захваченные ойратами земли, получить добычу и т. д. Попытки царского правительства побудить казахских владетелей отказаться от этой политики успеха не принесли.

Вторжения казахских дружин парализовали экономическую жизнь Джунгарского ханства, способствовали постоянным выступлениям против центральной власти различных групп феодалов. Уйгурский купец Иштамир Балояров сообщал вахмистру С. Мякинину, что в Джунгарии «все разорены, а иные пришли в великую скудость и дневной пищи не имеют затем и воровства между ними умножилось, к тому ж и самовольные стали, не боятца зайсанов и ноенов, всякий делает себе большину, друг друга искоряют... земляца вся пришла не в постоянство»¹⁵⁰. Такова была обстановка в Джунгарии накануне нападения Цинской империи. Вероятно, не будет преувеличением сказать, что активное участие казахских владетелей в межфеодалных усобицах ойратских князей способствовало упадку и гибели Джунгарского ханства.

---

¹⁵⁰ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1. 1754 г., д. 5, л. 39 об., 40; Ислам-наме // МИКХ. Алма-Ата, 1969. С. 427—430.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политика ойратских феодалов в Казахстане и в северных районах Средней Азии не являлась неизменной и в определенные исторические периоды была обусловлена различными факторами. Под влиянием внешне- и внутривполитических обстоятельств она постепенно эволюционировала. Первые походы ойратских феодалов в Казахстан в конце XVI — начале XVII в. и ответные вторжения казахских владетелей в ойратские кочевья преследовали грабительские цели.

После образования Джунгарского ханства, особенно после прихода к власти Галдана и завоевания им Восточного Туркестана, характер политики джунгарских феодалов в Казахстане и Средней Азии изменился: джунгарские правители стремились уже к территориальным захватам в Семиречье, бассейне р. Сырдарьи. Вторжение 1723—1725 гг. было продиктовано стремлением восстановить и расширить утраченное в годы войны с Цинской империей в 1717—1722 гг. влияние в южных районах Казахстана и в Средней Азии, восстановить за счет захваченной добычи подорванное войной хозяйство.

Поражения джунгарских армий в сражениях с казахами в 1726—1730 гг. показали Галдан-Цэрену, что, объединившись, казахские жузы представляют собой силу, способную если не сокрушить, то нанести тяжелый удар по Джунгарскому ханству. В связи с этим с середины 30-х гг. XVIII в. хунтайджи стремился уже не столько к грабежу и новым территориальным захватам, сколько к разгрому военных сил казахов, к политическому раздроблению казахских жузов, пытаясь при

этом помешать процессу присоединения их к России. Отсюда дифференцированный подход Галдан-Цэрена к различным группам казахских феодалов, попытки сорвать их совместные выступления против Джунгарии. В 1742—1745 гг. Галдан-Цэрен развил активную дипломатическую деятельность в борьбе с Кокандом по созданию джунгаро-казахской коалиции и стремился добиться от казахских владетелей Среднего и Младшего жузов политической и военной поддержки. Однако его преемники были не в состоянии не только проводить активную внешнюю политику в Казахстане и Средней Азии, но и сохранить единство в собственном государстве.

Характер казахско-джунгарских отношений также не оставался неизменным. В целом это были взаимоотношения двух суверенных кочевых государств, которые определялись соотношением сил между ними. Впрочем, характер этих отношений был неоднозначным для казахских жузов. Старший жуз, подвергнувшись очередному вторжению ойратов в 1735 г., признал свою зависимость от Джунгарского ханства, хотя она продолжалась всего десятилетие. Владетели и старшины этого жуза обязаны были отправлять в Джунгарию в качестве заложников своих детей, население платило хотя и незначительную, но все же унижительную дань. Правителями городов назначались ставленники хунтайджи, как правило, из казахов, узбеков или уйгуров, контролируемые и нередко охраняемые джунгарскими войсками.

Говорить о политической зависимости Среднего жуза от ойратских правителей нет достаточных оснований. Несмотря на военные победы, сильнейший дипломатический нажим и запугивания со стороны джунгарских феодалов в 1742—1745 гг., его правители фактически не платили Галдан-Цэрэну дань, ограничиваясь только тем, что присылали подарки. В ставку хунтайджи официально были отправлены в качестве заложников два человека: сын хана Абулмамбета Абулфеиз и сын султана Барака Шигай (на смену Абулфеизу). Источники различного происхождения единодушно свидетельствуют, что отправка в ургу Галдан-Цэрена этих султанов была продиктована прежде всего личными соображениями их родителей: добиться права владения Туркестаном и другими городами и оазисами в бассей-

не р. Сырдарьи, но не являлась выражением воли правящего класса Среднего жуза и не принималась на общем съезде феодалов. Как в области внутренней, так и внешней политики владетели Среднего жуза были независимы от ойратского хана.

Старший жуз сбросил иго джунгарских феодалов фактически уже в 1745—1746 гг., решительно поддержав кокандского владетеля Абд ал-Карим-бия, вставшего во главе антиойратской борьбы народов Узбекистана, Киргизии, Южного Казахстана. Поражения Джунгарии в войнах с Кокандским бекством подрывали силы ойратской державы, привели к резкому падению авторитета ее правителей и также способствовали распаду этого полиэтнического государства. Феодалыные усобицы и активное вмешательство в них казахских правителей окончательно деморализовали ойратское общество, дестабилизировали политическую структуру хайства, лишили его возможности к организованной обороне. Поэтому Цинская империя в 1755 г. практически не встретила в Джунгарии сколько-нибудь серьезного сопротивления.

Внешняя политика Джунгарского ханства носила двойственный характер: с одной стороны, ойраты сдерживали и почти в течение ста лет отбивали вторжения в Центральную Азию Цинской империи, вели на своих восточных рубежах оборонительную и в целом справедливую войну за свое независимое государственное существование. В то же время по отношению к своим тюркским соседям на западе — Казахстану, а также Киргизии и Узбекистану джунгарские феодалы проводили захватническую политику, осуществляли широкие завоевательные вторжения. Борьба казахского, узбекского и киргизского народов носила освободительный характер. Основную тяжесть этой борьбы вынесли казахские жузы, сдержавшие завоевательные устремления ойратских феодалов не только в Средней Азии, но и в Сибири. Одновременно частые вторжения казахских войск на территорию Джунгарии и разорение ойратских кочевий способствовали ослаблению Джунгарского государства. Активное участие казахских феодалов в межфеодалыных усобицах ойратских князей, вторжение Цинской империи привели к исчезновению Джунгарского ханства как политической единицы и населения этого государства как этнического целого.

Причины временных успехов джунгар в борьбе с народами Казахстана и Средней Азии в войнах 1723—1725 гг., 1739—1741 гг. заключались прежде всего в более высоком уровне централизации государственной власти по сравнению с рыхлыми государственными образованиями казахов, киргизов и даже узбеков. Не уступая ойратам в вооружении, военном мастерстве, казахи действовали разобщенно, довольно долго собирали и организовывали ополчения, тогда как война на обширных степных пространствах требовала быстрых и неожиданных действий, стремительных маневров крупными вооруженными силами.

Политика русского правительства в отношении завоевательных устремлений джунгарских феодалов в Казахстане была непоследовательной и противоречивой. Она пыталась создать в Центральной Азии такой военно-политический баланс, такую расстановку сил, при которой наилучшим образом обеспечивалась бы безопасность владений Русского государства в Сибири. Поэтому царское правительство было заинтересовано в существовании Джунгарского ханства как противовеса агрессивным устремлениям Цинской империи в Центральной Азии. В то же время русское правительство и местная администрация опасались чрезмерного усиления ойратского государства как за счет военного покорения казахов, так и возможного мирного объединения этих кочевых государств. Поэтому все усилия России в 30—40-е гг. XVIII в. были направлены на то, чтобы не допустить такого сближения, а в случае обострения русско-джунгарских отношений использовать военную силу казахов против джунгар. При рассмотрении царским правительством вопроса о присоединении Младшего, а затем и Среднего казахских жузов к России это обстоятельство играло исключительно важную роль.

Падение Джунгарского ханства изменило соотношение сил, политическую и экономическую ситуацию в Центральной Азии. Казахские ханства на некоторое время стали доминирующей политической и военной силой в регионе. Одновременно на политическую сцену вышли новые действующие лица — царская Россия и Цинская империя, отношения между которыми постепенно начали определять всю систему международных отношений в северо-западной части Центральной Азии. Начался новый этап в жизни народов этого региона.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААН	— Архив Академии наук СССР, Л.
АВПР	— Архив внешней политики России, М.
ВГО	— Всесоюзное Географическое общество, М.
ГИАЛ	— Государственный исторический архив Ленинграда, Л.
ГАОО	— Государственный архив Омской области, Омск.
ГАОРО	— Государственный архив Оренбургской области, Оренбург.
ГАТО	— Государственный архив Тюменской области, Тюмень.
ЗВОРАО	— Записки восточного отделения Русского археологического общества, Спб.
ЗИРГО	— Записки императорского Русского географического общества, Спб.
ИРАН	— Известия Российской Академии наук, Пг.
ИРГО	— Известия Русского географического общества, Спб.
КСИВ	— Краткие сообщения Института востоковедения, М.
КФАН	— Казахский филиал Академии наук СССР, Алма-Ата.
ЛОИВ	— Ленинградское отделение Института востоковедения, Л.
МИКХ	— Материалы по истории казахских ханств, Алма-Ата.
МИУТТ	— Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР.
НАА	— Народы Азии и Африки, М.
НИИ	— Научно-исследовательский институт.

- НКОГК** — Научная конференция «Общество и государство в Китае».
- ПТКЛА** — Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, Ташкент.
- СОН** — Серия общественных наук.
- СТВИ** — Среднеазиатский восточный институт, Ташкент.
- ЦГАДА** — Центральный гос. архив древних актов, М.
- ЧОИДР** — Чтения в Обществе истории и древностей российских, М.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава первая	
Ранние связи ойратов с народами Казахстана и Средней Азии (XV — начало XVII в.)	6
Продвижение монголов-ойратов на запад. Первые контакты с Моголистаном, государствами Средней Азии и Казахским ханством в XV — первой половине XVI в. Казахско-ойратские отношения на рубеже XVI—XVII вв. и Русское государство	— 16
Глава вторая	
Образование Джунгарского ханства и усиление его внешне-политической активности в Казахстане в 30—80 гг. XVII в.	31
Политическая структура. Социально-экономические отношения в Джунгарском ханстве	—
Активизация внешней политики ойратов в Казахстане и Средней Азии	43
Глава третья	
Борьба казахского народа против джунгарских завоевателей и начало присоединения Казахстана к России (конец XVII — первая треть XVIII в.)	55
Борьба народов Казахстана и Средней Азии с нашествиями джунгарских феодалов	—
Казахско-джунгарские отношения в начальный период присоединения Казахстана к России	85
Глава четвертая	
Вторжение джунгарских феодалов в Казахстан и Среднюю Азию в 1739—1745 гг. и политика России	112
Ойрато-казахская война 1739—1741 гг.	—

Дипломатическое наступление джунгар на Средний и Младший жузы	121
Активизация политики России в Казахстане. Посольство К. Миллера в Джунгарию	140
Борьба ойратских феодалов с Кокандом и позиция казахских владетелей	161

Глава пятая

Казахско-джунгарские отношения в период ослабления Джунгарского ханства (1745—1755 гг.)	174
Внутреннее и внешнеполитическое положение Джунгарского ханства после смерти Галдан-Цэрена	—
Казахско-джунгарские отношения в 1745—1750 гг.	186
Участие казахских феодалов в междоусобных войнах ойратов	201
Заключение	230
Список сокращений	234

Научное издание

Владимир Анисимович Моисеев

ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО И КАЗАХИ XVII—XVIII вв.

*Утверждено к печати Ученым советом Института уйгуроведения
Академии наук Казахской ССР*

Рецензенты: кандидаты исторических наук И. В. Ерофеева,
М. Койгелдиев

Редактор *Т. В. Иванова*
Художественный редактор *В. Н. Афуксениди*
Оформление художника *В. А. Ващенко*
Технический редактор *Е. М. Тахметова*
Корректор *Г. А. Вылегжанина*

ИБ № 3431

Сдано в набор 22.10.90. Подписано в печать 18.03.91

Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 1.

Литературная гарнитура. Высокая печать.

Усл. п. л. 12,6. Усл. кр.-отг. 12,76. Уч.-изд. л. 13,68.

Тираж 1500. Заказ 207. Цена 4 р. 10 к.

Издательство «Гылым»
480100, Алма-Ата, ул. Пушкина, 111/113
Типография издательства «Гылым»
480021, Алма-Ата, ул. Шевченко, 28